

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

№ 2 (31)
2018

ISSN 2542-1735

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Роспечать» 70589
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в систему РИНЦ (договор № 207-05/2017).

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Медведев Игорь Анатольевич, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук и Сибирской академии наук высшей школы, действительный член Академии информатизации образования Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики, директор института физической культуры, спорта и здоровья имени И.С. Ярыгина Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (г. Красноярск) (по согласованию);

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск) (по согласованию);

Бахта Андрей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, начальник Высших академических курсов Академии управления МВД России (г. Москва);

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений (г. Красноярск) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России (г. Казань) (по согласованию);

Кухта Андрей Андреевич – доктор юридических наук, начальник Сибирского ЛУ МВД России (г. Красноярск) (по согласованию);

Невирко Дмитрий Дмитриевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Чечётин Андрей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации (г. Санкт-Петербург) (по согласованию);

Шабанов Вячеслав Борисович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) (по согласованию);

Шеслер Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк);

Шишко Ирина Викторовна – доктор юридических наук, директор Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию).

VESTNIK of Siberian Law Institute of the MIA of Russia

№ 2 (31)

2018

Scientific and practical journal

ISSN 2542-1735

Subscription index «Rospechat» 70589
The journal is issued four times a year

Founder and publisher
Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI No. FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of sciences).

Journal indexing: RINTS contract No. 207-05/2017.

The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Igor A. Medvedev, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Vladimir A. Adolf, Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History and Siberian Higher Education Academy of Sciences, Full Member of Academy of Computerization of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Pedagogics, Director of Institute of Physical culture, sport and health named after I.S. Yarygin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'yev (Krasnoyarsk) (on agreement);

Vladimir A. Azarov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk) (on agreement);

Andrey S. Bakhta – Doctor of Law, Professor, Head of Higher Academic Courses of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Ass. Professor, Professor of Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey V. Grishaev, Doctor of Sociology, Full Member of Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Krasnoyarsk branch of the Academy of Labor and Social Relations (Krasnoyarsk) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yuriy Yu. Komlev, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Kazan) (on agreement);

Andrey A. Kukhta – Doctor of Law, Head of Siberian Linear Division of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk) (on agreement);

Dmitry D. Nevirko – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Social Science of State Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Andrey Ye. Chechyotin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head of the Department of Constitutional Fundamentals of Criminal Justice, Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation (Saint Petersburg) (on agreement);

Vyacheslav B. Shabanov, Doctor of Law, Professor, Full Member of Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics, Belarusian State University (Minsk) (on agreement);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass University of Federal Service for the Execution of Sanctions of Russia (Novokuznetsk);

Irina V. Shishko, Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Мальков С.М. Тенденции уголовно-правовой политики в Российской Федерации.....	7
Дубец Е.К., Стулина С.А. Штраф как вид уголовного наказания в деле о банкротстве гражданина.....	13
Гаврилов Б.Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию.....	19
Железняк Н.С. О соотношении понятий «орган дознания» и «орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность».....	28
Овсянников Ю.В. Производство процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела.....	34
Астишина Т.В., Омелин В.Н. К вопросу о методах оперативно-розыскной деятельности.....	41

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Космодемьянская Е.Е., Прейс Н.Г. Актуальные вопросы практики расследования контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, а также сильнодействующих веществ (по материалам Сибирского ЛУ МВД России).....	47
Шашин Д.Г. Проблемы изъятия предметов, веществ и документов при проведении обследования жилых помещений оперативными подразделениями по контролю за оборотом наркотиков органов внутренних дел.....	54

Зарубежный опыт

Шабанов В.Б., Асаенко Б.В. Особенности получения доказательственной информации с использованием специальных знаний: проблемы правовой формы.....	59
---	----

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Цуканов Н.Н., Железняк Н.С. Стадия пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях: к вопросу о целесообразности привычных особенностей.....	69
Зиненко Ю.В., Моисеев В.Ф. Статистический анализ случаев странгуляционной механической асфиксии при повешении в г. Красноярске за 2015–2017 гг. (по архивным материалам Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы).....	74
Шкуро А.П., Цепелев А.К. Технические средства повышения эффективности формирования стрелковых двигательных навыков.....	81

Алгоритмы высшей школы

Глубокий В.А. Обоснование действий сотрудников полиции, связанных с защитой от ударов руками, ногами, колюще-режущими предметами.....	85
Афанасьев А.В., Павлова Я.А., Литвиненко А.Г. Предпосылки возникновения, становления, развития и перспективы совершенствования профессионального образования в органах внутренних дел Российской Федерации (на примере учебной дисциплины «Огневая подготовка»).....	90

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Годовикова Д.Е. Патентные вымогатели. Как защититься от патентной атаки.....	98
Казанцева К.Ю. Актуальные проблемы признания сделки недействительной как способа защиты гражданских прав.....	107
Пряник К.В. Правовое регулирование технологий на основе распределенных реестров.....	113
Храмов А.А. О специфике пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации.....	122
Минисламов М.Н. К вопросу о помощи специалиста в изъятии электронных носителей информации при производстве обыска по делам, связанным с незаконным сбытом наркотических средств посредством сети Интернет.....	128
Вормсбехер И.А. Право граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий, на освобождение от уголовной ответственности.....	133
Медведев А.И. Правовые отношения в пространстве виртуальных игровых миров: проблемы теории и практики.....	139

Аннотации, Рецензии, отзывы

Шинкевич В.Е. Рецензия на учебное пособие «Интегративная криминология: девиантологический очерк» (издание второе, дополненное и переработанное), подготовленное доктором социологических наук, профессором Ю.Ю. Комлевым.....	151
Отзыв официального оппонента на диссертацию Иванова Святослава Вячеславовича «Конституционно-правовые гарантии государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право. Омск, 2018.....	155

Приглашение к сотрудничеству.....	160
-----------------------------------	-----

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Mal'kov S.M.</i> Trends of the criminal and legal policy in the Russian Federation.....	7
<i>Dubets E.K., Stupina S.A.</i> A fine as a criminal penalty in the case of bankruptcy of a citizen.....	13
<i>Gavrilov B.Ya.</i> The role of the institute of initiating criminal proceeding in ensuring the victims' rights on their access to justice.....	19
<i>Zheleznyak N.S.</i> On relations between notions «agency in charge of preliminary investigation» and «field investigation agency».....	28
<i>Ovsyannikov Yu.V.</i> Proceedings at the stage of initiation of a criminal case.....	34
<i>Astishina T.V., Omelin V.N.</i> To the issue of methods of operational-search activity.....	41

Counteraction to Drug Threat: Problems and Ways of their Solution

<i>Kosmodemyanskaya E.E., Preis N.G.</i> Topical issues of investigative practice of smuggling narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors or analogues as well as highly potent substances (based on data of SiberianTransport Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation).....	47
<i>Shashin D.G.</i> Problems of seizing items, substances and documents in the course of inspection of habitable premises by operational drug control units of internal affairs bodies.....	54

Foreign Experience

<i>Shabanov V.B., Asayonok B.V.</i> Peculiarities of obtaining evidentiary information with the use of special knowledge: problems of legal form.....	59
---	----

Views. Reflections

<i>Tsukanov N.N., Zheleznyak N.S.</i> The stage of reviewing resolutions and decisions in cases on administrative offences: to the issue of expediency of habitual features.....	69
<i>Zinenko Yu.V., Moiseev V.F.</i> Statistical analysis of cases of strangulation mechanical asphyxia as a result of hanging in Krasnoyarsk for the period 2015-2017 (on archival materials of Regional state budget health care institution of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medical Examination).....	74
<i>Shkuro A.P., Tsepelev A.K.</i> Technical means to improve effectiveness in formation of shooting motor skills	81

Algorithms of Higher School

<i>Glubokiy V.A.</i> Reasoning of police officers' actions aimed at defending from punching, kicking and bladed articles attacks.....	85
<i>Afanasyev A.V., Pavlova Ya.A., Litvinenko A.G.</i> Preconditions of emergence, formation, development and prospects of improvement of professional education in the internal affairs bodies of the Russian Federation (by the example of the discipline «Firearms Training»).....	90

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Godovikova D.E.</i> Patent extortionists. How to protect against patent attack.....	98
<i>Kazantseva K.Yu.</i> Current issues of recognizing a transaction as invalid as a way of protecting civil rights.....	107
<i>Pryanik K.V.</i> Legal regulation of the technologies on the basis of distributed registers.....	113
<i>Khramov A.A.</i> On the specifics of gaps in the penal enforcement legislation of the Russian Federation.....	122
<i>Minislamov M.N.</i> On the issue of a specialist's assistance in seizing electronic storage devices while searching in the cases of illicit drug trafficking by means of the Internet.....	128
<i>Vormsbekher I.A.</i> The right of citizens participating in carrying out of operational-search actions for exemption from criminal liability.....	133
<i>Medvedev I.A.</i> Legal relationships in the space of virtual game worlds: theory and practice issues.....	139

Abstracts and Reviews

<i>Shinkevich V.Ye.</i> Review of the textbook "Integrative criminology: deviantological essay" (edition the 2 nd , completed and revised) written by Yu.Yu. Komlev, Doctor of Sociology, Professor.....	151
The official opponent's review of the dissertation "Constitutional and legal guarantees of the state unity and territorial integrity of the Russian Federation" submitted by Ivanov Svyatoslav Vyacheslavovich for conferring an academic degree of a Candidate of Law Sciences on the specialty 12.00.02 – constitutional law; constitutional trial; municipal law. Omsk, 2018.....	155
We invite you to cooperation	160

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.343.5

Сергей Михайлович МАЛЬКОВ,

начальник кафедры уголовного права и криминологии

Сибирского юридического института МВД России

(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент

sergeymalkov@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TRENDS OF THE CRIMINAL AND LEGAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье выделяются и анализируются основные тенденции уголовно-правовой политики в Российской Федерации на современном этапе. Рассматривается влияние приоритетов уголовно-правовой охраны, норм международного права, современной преступности и преступлений транснационального характера на формирование приоритетных направлений уголовного законодательства и правоприменительной практики. Показана роль принципа гуманизма в формировании либерального подхода в процессе назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности. Высказаны критические суждения в отношении ряда законодательных решений.

The author of the article highlights and analyzes the main trends of the criminal and legal policy in the Russian Federation today. The article considers the impact of the priorities of the criminal and legal protection, norms of international law, modern crime and crimes of transnational nature on the priority directions of criminal legislation and law enforcement practice. The role of the principle of humanism in the formation of a liberal approach in the process of sentencing and exemption from criminal liability is shown. The critical judgments concerning a number of legislative decisions are exercised.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, тенденции, уголовное законодательство, уголовно-правовая охрана, преступление, наказание.

Keywords: criminal and legal policy, trends; criminal legislation, criminal and legal protection, a crime, punishment.

Уголовно-правовая политика, проводимая в Российской Федерации на современном этапе, характеризуется рядом тенденций, наиболее полно отражающих отношение законодателя к проблемам противодействия преступности и реализации карательной функции государства.

Среди наиболее распространенных тенденций уголовно-правовой политики следует отметить унификацию уголовного законодательства и совершенствование правоприменительной практики. Переход России к новым экономическим отношениям потребовал, чтобы законодательство, в том числе и уго-

ловное, способствовало этому процессу. [3, с. 274-275] В связи с этим в Уголовный кодекс РФ были включены ряд норм, устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на экономические отношения: незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185.1 УК РФ) и др.

Другая тенденция обусловлена нормами международного права и необходимостью приведения действующего уголовного законодательства в единую систему с общепризнанными международными принципами.

В соответствии с п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» под общепризнанными принципами понимаются основополагающие и базовые императивные международно-правовые нормы, которые разрабатываются и устанавливаются в рамках международного права. В свою очередь, общепризнанной нормой является обязательное правило поведения, признаваемое международным сообществом. Содержание этих принципов и норм раскрывается в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

Роль и значение общепризнанных принципов и норм международного права очень велики для уголовного права. Во-первых, они являются нормативно-правовой базой для уголовного права. Во-вторых, определяют в качестве объектов уголовно-правовой охраны общепризнанные права и свободы человека и гражданина. В-третьих, существенно отражаются на системе уголовного права, определяют назначение ряда глав Особенной части УК РФ, в частности главы 34 УК РФ. В-четвертых, определяют содержание ряда бланкетных и оценочных признаков уголовно-правовых норм, а следовательно, участвуют в процессе дифференциации уголовной ответственности.

Таким образом, взаимосвязь норм международного права, содержащихся в междуна-

родных договорах Российской Федерации, с уголовным законодательством состоит в том, что они определяют сферу и пределы действия уголовного закона. [3, с. 266-267]

Следующая тенденция указывает на приведение уголовного законодательства в соответствие с негативными тенденциями в преступности в Российской Федерации. Так, активизация деятельности организованной преступности и негативные последствия отразились на содержании ст. 35 и 210 УК РФ, предусматривающих основания и пределы уголовной ответственности лиц, создавших или руководящих преступным сообществом (преступной организацией), а также участвующих в них. Закон предусмотрел дифференциацию ответственности участников преступного сообщества в зависимости от выполняемых ими ролей. [6, с. 37]. Повышенная общественная опасность фактов терроризма обусловила включение в УК РФ ряда норм, предусматривающих ответственность за деяния террористического характера (ст. 205, 205.1-205.6, 206, 207, 277 УК РФ).

Однако стоит отметить и не совсем обоснованные законодательные решения, которые существенно ослабили противодействие некоторым преступлениям уголовно-правовыми средствами, сделав их неэффективными.

Так, необоснованно была смягчена уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и криминальный профессионализм. Исключение самостоятельного состава преступления в виде незаконного приобретения или хранения наркотических средств (психотропных веществ, их аналогов) в целях сбыта привело к тому, что квалификация этих деяний возможна только как приготовление к преступлению, что ведет к смягчению наказания при назначении не более половины максимального срока наказания (ст. 66 УК РФ). Кроме того, криминализация пособничества во взяточничестве привела к тому, что санкция, предусмотренная ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, менее строгая, чем санкция, предусмотренная ч. 2 ст. 290 УК РФ за получение взятки в значительном размере, в соответствии с которой могло быть назначено наказание пособнику в этом преступлении, а санкция, предусмотренная ч. 1

ст. 291.1 УК РФ, строже санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 291 УК РФ за дачу взятки в значительном размере. Таким образом, посредничество во взяточничестве, при котором виновный действует в интересах дающего или берущего взятку, оценивает как более опасное преступление, чем дача взятки. [2, с. 26]

Четвертая тенденция уголовно-правовой политики заключается в смягчении ответственности за преступления, порицаемые моральными нормами.

Например, вначале уголовно наказуемым по ст. 121 УК РСФСР признавался любой акт мужеложства, затем – только квалифицированный, то есть мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего. В соответствии со ст. 132 УК РФ уголовно наказуемым является мужеложство, также совершенное с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Вряд ли такую либерализацию общественной морали и уголовного закона по отношению к гомосексуализму следует считать положительной. В досоветский и советский периоды крайне отрицательное отношение российского общества к этому явлению основывалось на стремлении к такому укладу отношений между полами, которое способствовало нормальному биологическому и социальному воспроизводству человека. [4, с. 67]

Пятая тенденция связана с изменением перечня и содержания уголовных наказаний. [1, с. 14-15]

В УК РФ не включены такие виды наказаний, как увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, ссылка, высылка, присутствовавшие в УК РСФСР 1960 г. Исключение этих видов наказаний следует признать разумным, так как увольнение от должности больше напоминает дисциплинарное взыскание, возложение обязанности загладить причиненный вред – меру гражданско-правовой ответственности, об-

щественное порицание – меру общесоциальной ответственности, ссылка, высылка – меры административного принуждения. В дальнейшем из УК РФ была исключена конфискация имущества, которая была эффективным средством воздействия на лиц, совершающих экономические и иные преступления, составляющие профессиональную и организованную преступность. Конфискация имущества была восстановлена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в гл. 15 УК РФ, однако как иная мера уголовно-правового характера, напоминающая специальную конфискацию, предусмотренную в п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ.

В действующее законодательство включены новые виды уголовных наказаний: обязательные работы, принудительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест. Как уже отмечалось, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы и арест с самого начала приобрели характер не назначаемых и не исполняемых наказаний. Изменилось содержание ограничения свободы по сравнению с тем, которое было заложено в первоначальной редакции УК РФ: сначала это наказание было сходно с лишением свободы, которое отбывается в колонии-поселении. В результате внесения ряда изменений в уголовный закон содержание наказания в виде ограничения свободы оказалось в значительной мере идентичным такой форме уголовной ответственности, как условное осуждение, т.к. перечень предусмотренных в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничений для этого наказания во многом совпал с перечнем обязанностей, предусмотренных в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Это нивелирует социально-юридическое отличие между наказанием и другими формами уголовной ответственности, которое постепенно сложилось в уголовно-правовом регулировании. В частности, условное осуждение (ст. 73 УК РФ) в отличие от наказания применяется не за совершенное преступление, а в связи с его совершением, применяемое к виновному принуждение в большей мере является не лишением его каких-либо благ, а побуждением к позитивной социальной активности, прежде всего лечиться, трудиться, учиться

(ч. 5 ст. 74 УК РФ). Такая связь условного осуждения с преступлением предполагает, что объем и продолжительность принуждения при реализации этой формы уголовной ответственности в большей степени зависят не от тяжести преступления, как при наказании, а от личности виновного и ее общественной опасности. [7, с. 34-37.]

Изменился порядок построения системы наказаний в сравнении с УК РСФСР 1960 г., в котором законодатель перечислял наказания по принципу от наиболее строгого к наиболее мягкому, при этом смертную казнь, как исключительную меру наказания, не включал в общий перечень.

В ст. 44 УК РФ расположение наказаний идет от наиболее мягкого вида наказания (штраф) до наиболее строгого (смертная казнь). Данная схема является условной, поскольку строгость карательного элемента наказания конкретного наказания в значительной степени определяется не столько его местом в системе наказаний, сколько размером или сроком. Например, очевидно, что шесть месяцев ареста будут более тяжким наказанием, чем два месяца лишения свободы, хотя в ст. 44 УК РФ лишение свободы на определенный срок следует за арестом. Штраф в своих верхних пределах (пятьсот миллионов рублей в соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ) по строгости превзошел следующие виды наказаний и вполне может соперничать с лишением свободы, а в аспекте субъективного восприятия наказания отдельными лицами даже может превышать суровость последнего. [5, с. 23].

Действующая система наказания не лишена ряда проблем и недостатков. В качестве проблемы в системе наказаний следует указать на необоснованное закрепление в ст. 44 УК РФ такого вида наказания, как смертная казнь, поскольку она не преследует такую цель наказания, закрепленную в ст. 43 ч. 2 УК РФ, как исправление осужденного. Отдельной проблемой следует считать «выпадение» из системы наказаний, назначаемых несовершеннолетним, и закрепление их в отдельной норме (ст. 88 УК РФ).

Шестая тенденция указывает на непоследовательную гуманизацию уголовного закона.

С одной стороны, реализуя принцип гуманизма, ст. 66 УК РФ устанавливает относительно невысокие верхние пределы назначения наказания за приготовление или покушение на преступление – соответственно не более половины или трех четвертей максимального срока и размера наказания наиболее строгого вида наказания, кроме того, исключена возможность назначения смертной казни и пожизненного лишения свободы за неоконченное преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ). Однако, с другой стороны, ст. 24 УК РСФСР 1960 г. предусматривала максимальный предел лишения свободы не свыше 15 лет, а ст. 56 УК РФ допускает при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы до 25 лет, по совокупности приговоров – до 30 лет. Кроме того, если одно из преступлений террористического характера или преступлений против мира и безопасности человечества указано в перечне, содержащемся в ч. 5 ст. 56 УК РФ, и входит в указанные виды совокупности, то максимальные сроки лишения свободы за него возрастают соответственно до 30 и 35 лет.

Седьмая тенденция характеризуется одновременно как ограничением, так и расширением судебного усмотрения при назначении наказания.

Ограничение судебного усмотрения идет через формализацию влияния на срок или размер наказания смягчающих и отягчающих обстоятельств (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61, ст. 62, ч. 2 ст. 68 УК РФ), вердикта присяжных заседателей о снисхождении (ч. 1 ст. 65 УК РФ), совокупности преступлений (ч. 2 ст. 69 УК РФ) и совокупности приговоров (по ст. 70 УК РФ), а также через формализацию влияния на срок, размер и вид наказания досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 62 УК РФ) и неоконченного преступления (ст. 66 УК РФ). Избранный законодателем способ ограничения судебного усмотрения сужает пределы судебного произвола, т.к. минимизирует существенное отличие между наказанием, назначенным разным лицам при сходных обстоятельствах (прежде всего при сходной общественной опасности преступлений и виновных). Однако такой

путь приводит к практике унификации наказания вместо его индивидуализации в связи с тем, что смягчающие и отягчающие обстоятельства фактически не влияют на выбор судом вида и меры уголовного наказания. Кроме того, такой путь привел к абсолютно определенным санкциям, не позволяющим индивидуализировать наказание (например, при приготовлении к изнасилованию виновному при отсутствии иных обстоятельств может быть назначено в соответствии с ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 131 УК РФ только одно наказание – три года лишения свободы); к назначению наказания ниже низшего предела при отсутствии оснований, указанных в ст. 64 УК РФ (например, при приготовлении к посягательству на жизнь государственного деятеля виновному не может быть назначено наказание свыше 10 лет лишения свободы при минимальной санкции в ст. 227 УК РФ в 12 лет); к коллизии уголовно-правовых норм о назначении наказания (например, ст. 66 и ст. 68 УК РФ при наличии в деянии виновного одновременно неоконченного преступления и рецидива преступлений). [3, с. 279]

На расширение судейского усмотрения обоснованно указывает ч. 6 ст. 15 УК РФ, в соответствии с которой суду предоставлено право изменить категорию преступления на менее тяжкую с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств и назначении наказания, не превышающего установленные пределы за преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Восьмая тенденция представлена большим количеством уголовно-правовых норм, нетрадиционных для отечественного уголовного законодательства. Это нормы, которые по своей природе являются:

– стимулирующими, так как они побуждают граждан к правомерному поведению. В частности, УК РСФСР 1960 г. предусматривал два вида обстоятельств, исключающих преступность деяния: необходимую оборону (ст. 13 УК РСФСР) и крайнюю необходимость (ст. 14 УК РСФСР). УК РФ в главе 8 расширил круг этих обстоятельств, включив в него помимо указанных причинение вреда

при задержании лица, совершившего преступление, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения;

– компромиссными, так как призваны побуждать лиц к позитивному постпреступному поведению и отказу государства от уголовного преследования за такое поведение или к смягчению виновному наказания. В качестве примера этих норм следует привести общую норму о деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), а также нормы о деятельном раскаянии в виде примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в виде возмещения причиненного преступлением ущерба бюджетной системе России (ст. 76.1 УК РФ), в виде возмещения причиненного преступлением ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда (ст. 76.2 УК РФ), которые предусматривают освобождение виновного от уголовной ответственности. Кроме того, к компромиссным нормам относятся нормы в виде примечаний к отдельным статьям УК РФ о деятельном раскаянии, предусматривающие освобождение виновного от уголовной ответственности при совершении им некоторых видов преступлений (похищение человека – ст. 126 УК РФ, захват заложника – ст. 206 УК РФ, организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем – ст. 208 УК РФ и др.), а также нормы, предусматривающие некоторые виды деятельного раскаяния в качестве обстоятельств, смягчающих наказание (п.п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

К нетрадиционным для уголовного законодательства нормам относятся нормы, которые расширяют сферу частного интереса в уголовно-правовых отношениях. Такое расширение логически вытекает из первой тенденции развития уголовного законодательства, связанной с изменением приоритетов уголовно-правовой охраны, в частности с тем, что основным объектом уголовно-правовой охраны стали права и свободы человека и гражданина. Однако увлеченность законодателя расширением сферы частного интереса в уголовном праве приводит к снижению эффективности охранительной функции уголовного права. [4, с. 63-65] В частности, по-

ложение ч. 2 ст. 88 УК РФ о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия, представляет собой не что иное, как проникновение в уголовное законодательство гражданско-правового института субсидиарной ответственности, яв-

ляющейся по своей сути восстановительной, компенсационной мерой.

В целом следует признать, что тенденции российской уголовно-правовой политики в законодательной сфере не в полной мере удовлетворяют потребностям общества в связи с наличием в ряде случаев неудачных законодательных решений.

Библиографический список

1. Баумштейн, А.Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Б. Баумштейн. – Курск, 2017.
2. Мальков, С.М. Проблемы профилактики коррупционной преступности в органах наркоконтроля / С.М. Мальков, Д.В. Токманцев. – Красноярск, 2016.
3. Прокументов, Л.М. Криминология (Общая часть) / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск, 2017.
4. Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск, 2016.
5. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика и ее реализация / А.В.Шеслер, С.М.Мальков. – Красноярск, 2002.
6. Шеслер, А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности / А.В. Шеслер. – Тюмень, 2005.
7. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика / А.В. Шеслер. – Новокузнецк, 2015.

УДК 343.24

Екатерина Константиновна ДУБЕЦ,
председатель судебного состава Арбитражного суда
Красноярского края (г. Красноярск), кандидат юриди-
ческих наук

yadviga_13@mail.ru

Светлана Александровна СТУПИНА,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент

sstupina@mail.ru

ШТРАФ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

A FINE AS A CRIMINAL PENALTY IN THE CASE OF BANKRUPTCY OF A CITIZEN

В статье на основе изучения, оценки и обобщения существующих положений законодательства о банкротстве проведено исследование штрафа как вида уголовного наказания, назначенного за совершение преступления, в целях квалификации его в деле о банкротстве гражданина и возможности включения задолженности по такому штрафу в реестр требований кредиторов.

При этом актуализировано положение о том, что такой штраф по своей правовой природе призван в материальной форме реализовать неизбежность принудительного воздействия государства на лицо, совершившее преступление. Все виды уголовного наказания предусмотрены исключительно УК РФ, нормы которого являются специальными по отношению к любому иному законодательству и не могут быть изменены нормами иных отраслей права, в том числе в процедуре банкротства. В работе отмечено, что для современного правоприменителя спорен вопрос о возможности освобождения гражданина от обязательств в рамках его банкротства. По мнению авторов, включение назначенного судом штрафа в состав таких обязательств необоснованно расширяет действие Уголовного кодекса и нарушает принципы правовой системы Российской Федерации.

On the basis of the study, evaluation and generalization of the current provisions of the bankruptcy law, the authors of the article study "a fine" as a type of criminal penalty for a crime, in order to qualify it in the case of bankruptcy of a citizen and the possibility of including debt on such a fine into the register of creditors' claims.

At the same time, the authors emphasize that such a fine in its legal nature is intended to realize in material form the inevitability of the compulsory influence of the state on the person who committed the crime. All types of criminal punishment are provided for exclusively by the Criminal Code of the Russian Federation. The norms of the Criminal Code of the Russian Federation are special ones in relation to any other legislation and can not be changed by the norms of other branches of law, as well as they can not be changed in the procedure of bankruptcy. It is specially noted, that for the modern law enforcers the issue of the possibility of releasing a citizen from obligations in the framework of his bankruptcy is controversial.

In the opinion of the authors, the inclusion of a fine imposed by the court into the structure of such obligations leads to the unreasonable extension of the Criminal Code of the Russian Federation and violates the principles of the legal system of the Russian Federation.

Ключевые слова: банкротство гражданина, штраф, уголовное наказание, обязательные платежи, реестр требований кредиторов.

Keywords: bankruptcy of a citizen, a fine, criminal penalty, mandatory payments, the creditors' register.

На сегодняшний день грамотное разрешение вопроса о правовой природе штрафа, наложенного в качестве санкции в рамках уголовного дела (далее – уголовный штраф), в целях квалификации его в деле о банкротстве актуально для правоприменителя. Указанное напрямую связано с определенными противоречиями законодательства о банкротстве.

Так, в статье 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве) указано, что гражданин обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случае, если удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения гражданином денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в полном объеме перед другими кредиторами и размер таких обязательств и обязанности в совокупности составляет не менее пятисот тысяч рублей, не позднее тридцати рабочих дней со дня, когда он узнал или должен был узнать об этом.

При этом в статье 2 Закона о банкротстве определяется, что обязательные платежи – это налоги, сборы и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды в порядке и на условиях, которые определяются законодательством Российской Федерации, в том числе штрафы, пени и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налогов, сборов и иных обязательных взносов в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды, а также **административные штрафы и установленные уголовным законодательством штрафы** (выделено авторами).

Кроме этого в пункте 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве предусмотрено, что освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если вступившим в законную силу судебным актом гражданин привлечен к уголовной или административной

ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное или фиктивное банкротство при условии, что такие правонарушения совершены в данном деле о банкротстве гражданина.

Таким образом, законодатель выделяет только три состава преступления и специальное условие, что указанные правонарушения имели место именно в данном деле о банкротстве гражданина.

Таким образом, можно предположить, что по иным правонарушениям возможно освобождение гражданина от обязательств.

В пункте 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве сказано также о невозможности освобождения гражданина от обязательств, если последние неразрывно связаны с личностью кредитора.

При такой формулировке также возникает закономерный вопрос: а можно ли воспринимать государство, в пользу которого взыскивается штраф, как личность кредитора? Конечно, такое понимание противоречит сущности государства. Соответственно, можно предположить, что штраф как вид уголовного наказания не связан неразрывно с личностью кредитора и от такого обязательства гражданин может быть освобожден по делу о банкротстве.

По нашему мнению, приведенные формулировки законодательства с необоснованной конкретизацией отдельных случаев невозможности освобождения гражданина от уголовного наказания в виде штрафа явно не способствуют единообразной правоприменительной практике и, более того, необоснованно расширяют действие Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ), а также нарушают принципы правовой системы Российской Федерации.

Для правоприменения вопрос о правовой природе уголовного штрафа имеет значение для разрешения следующих вопросов в деле о банкротстве гражданина: имеет ли должник право обратиться в суд с заявлением о признании себя банкротом, если основанием заявления является задолженность по уголовному штрафу (т.е. обладает ли такой штраф банкротобразующими признаками); может

ли он с соответствующим заявлением обратиться в уполномоченный орган; возможно ли включение задолженности по штрафу в реестр требований кредиторов, и если да, то относится ли он к основному долгу либо штрафным санкциям?

В соответствии со статьей 44 УК РФ штраф является одним из видов уголовных наказаний и представляет собой денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных УК РФ (часть 1 статьи 46 УК РФ).

В силу части 2 статьи 45 УК РФ штраф применяется в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания.

Как уже было нами отмечено, по статье 2 Закона о банкротстве установленные уголовным законодательством штрафы отнесены к обязательным платежам.

Статья 4 Закона о банкротстве к банкротобразующей относит задолженность по основному долгу. В отличие от основного долга штрафные санкции представляют собой последствие нарушения обязательства со стороны должника и напрямую не связаны с уменьшением имущественного положения кредитора.

Так, подлежащие применению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства неустойки (штрафы, пени), проценты за просрочку платежа, убытки в виде упущенной выгоды, подлежащие возмещению за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, а также иные имущественные и (или) финансовые санкции, в том числе за неисполнение обязанности по уплате обязательных платежей, не учитываются при определении наличия признаков банкротства должника.

Указанная норма не называет уголовный штраф в качестве финансовых санкций, не учитываемых для признаков банкротства. Вместе с тем допустимость отнесения штрафа к финансовым санкциям предполагает как само понятие «штраф» (в данном случае имеет место многозначность термина), так и то, что указанная мера ответственности напрямую не связана с уменьшением имущественного положения государства, в пользу которого он уплачивается.

Таким образом, возможно отнесение уголовного штрафа к финансовым санкциям при его учете в реестре требований кредиторов в порядке пункта 3 статьи 137 Закона о банкротстве.

Дополнительно возможен и следующий вариант: в целях соблюдения сроков включения в реестр требований кредиторов, а также учитывая, что осужденному может быть предоставлена отсрочка исполнения наказания, возможно включение в реестр требований кредиторов (без предоставления отсрочки исполнения требования, предусмотренной для требований иных кредиторов). При этом в случае признания судом уклонения от уплаты штрафа злостным этот вид наказания подлежит замене на иной. В таком случае по ходатайству заинтересованных лиц требование исключается судом из реестра требований кредиторов.

Вместе с тем обоснован второй подход, следующий из особой природы штрафа как меры уголовного наказания.

Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (часть 3 статьи 46 УК РФ).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [6], при определении размера штрафа следует выяснять наличие или отсутствие места работы у осужденного, размер его заработной платы или иного дохода, возможность трудоустройства, наличие имущества, иждивенцев и т.п.

Согласно разъяснениям пункта 6 указанного постановления, исходя из положений части 3 статьи 46 УК РФ, штраф может быть назначен как без рассрочки, так и с рассрочкой выплаты до пяти лет. При назначении штрафа с рассрочкой выплаты суду необходимо мотивировать свое решение в приговоре и определить конкретные сроки выплат частями с учетом положений части 3 статьи 31 Уголовно-исполнительного кодекса Рос-

сийской Федерации [3] (далее – УИК РФ), а также суммы (размеры) выплат в пределах установленного судом срока.

Таким образом, при назначении штрафа судом исследуется возможность реального исполнения данной меры наказания осужденным.

При этом согласно статье 46 УК РФ в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы.

В соответствии со статьей 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный частями 1 и 3 статьи 31 кодекса срок. В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения предельного срока уплаты, указанного в частях 1 и 3 статьи 31 кодекса, направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания в соответствии с частью 5 статьи 46 УК РФ. В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, судебный пристав-исполнитель производит взыскание штрафа в принудительном порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

При этом в силу пункта 5.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [7] при разрешении вопроса о замене штрафа в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 397 УПК РФ следует иметь в виду, что согласно части 5 статьи 46 УК РФ другим наказанием заменяется только штраф, назначенный в качестве основного наказания. В случае неуплаты штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, принимаются меры по принудительному взысканию

штрафа (статья 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [4]). К тому же по смыслу закона (части 1 статьи 32 УИК РФ) установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок (например, неоднократное предупреждение осужденного судебными приставами-исполнителями о возможности замены штрафа другим наказанием, отобрание у него объяснений о причинах неуплаты штрафа, представление сведений об имущественном положении осужденного и источниках его доходов), для признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа не требуется. Сам по себе факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной для неуплаты штрафа в срок. Уважительными причинами могут считаться такие появившиеся после постановления приговора обстоятельства, вследствие которых осужденный лишен возможности уплатить штраф в срок (например, утрата дееспособности, нахождение на лечении в стационарном лечебном учреждении, утрата заработка или имущества вследствие обстоятельств, которые не зависели от лица).

Из изложенного следует, что правовая природа штрафов различна, они могут назначаться в качестве основного или дополнительного вида наказания. Если штраф назначен в качестве дополнительного наказания, он подлежит принудительному взысканию (в отношении таких штрафов возможно включение в реестр требований кредиторов).

В отношении штрафов, назначаемых в качестве основного наказания и не уплаченных должником, необходимо выяснять, является ли неуплата штрафа злостной (по смыслу части 1 статьи 32 УИК РФ) и осуществлялась ли замена штрафа другим видом наказания. В последнем случае включение в реестр требований кредиторов недопустимо (во всяком случае до рассмотрения уголовным судом вопроса о том, имело ли место злостное уклонение от уплаты штрафа).

Кроме этого необходимо учитывать общие положения построения правовой системы Российской Федерации.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство относятся к исключитель-

ному ведению Российской Федерации (пункт «о» статьи 71 Конституция Российской Федерации), что обусловлено особой важностью охраняемых отношений.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в определении «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина на Республику Узбекистан Романова Сергея Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5]: «согласно уголовному закону, который устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений (часть вторая статьи 2), наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, дифференцированно, исходя из характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, призвано обеспечить защиту конституционно признаваемых ценностей, назначается и исполняется с соблюдением принципов справедливости и гуманизма (статья 6, часть 2 статьи 7 и статья 43 УК РФ).

Во взаимосвязи с приведенными нормами Общей части УК РФ подлежат применению и его статьи 228 и 228.1, которые, прямо включая в санкции наказание в виде лишения свободы, тем самым направлены на реализацию принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе) и не лишают лицо возможности предвидеть наступление неблагоприятных последствий собственного сознательного противоправного поведения».

Виды уголовного наказания предусмотрены исключительно УК РФ, нормы которого являются специальными по отношению к любому иному законодательству и не могут быть

изменены нормами иных отраслей права, в том числе в процедуре банкротства.

Часть 1 статьи 1 УК РФ определяет, что «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс».

На конституционных гарантиях охраны достоинства личности и судебной защиты прав потерпевшего (часть 1 статьи 17, статьи 19, 21 и 52 Конституции Российской Федерации) основан принцип неотвратимости наказания.

Включение в реестр требований кредиторов задолженности по уголовному штрафу (назначаемому в качестве основного наказания) может привести к необоснованной и не предусмотренной отсрочке исполнения наказания либо к освобождению от наказания.

Согласно статье 43 УК РФ «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Таким образом, фактическая отсрочка либо освобождение от наказания осужденного, осуществляемые в процедуре банкротства, недопустимы, поскольку нарушают цели наказания, установленные УК РФ.

В случае включения задолженности по уголовному штрафу в реестр требований кредиторов на исполнение указанного наказания будет распространяться мораторий. В случае завершения процедуры реализации имущества по правилам пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве производится освобождение гражданина от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

Подобное толкование норм Закона о банкротстве может привести к использованию

гражданами процедуры банкротства в целях избежания уголовного наказания и к созданию не предусмотренного УК РФ основания для освобождения от наказания (раздел IV) или его отсрочке, что нарушает межотраслевые принципы справедливости и неотвратимости наказания.

Таким образом, задолженность по штрафу, назначенному по приговору суда в качестве основного вида наказания за совершенное преступление, не обладает банкротообразующими признаками и не подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Библиографический список

1. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
4. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Романа Сергея Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2287-О // СПС КонсультантПлюс.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.
7. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 29.11.2016) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 3; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

УДК 34.03

Борис Яковлевич ГАВРИЛОВ,

профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (г. Москва), профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

profgavrilov@yandex.ru

РОЛЬ ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ НА ИХ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ

THE ROLE OF THE INSTITUTE OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDING IN ENSURING THE VICTIMS' RIGHTS ON THEIR ACCESS TO JUSTICE

В статье исследуются сущность и правовое содержание стадии возбуждения уголовного дела. Автор обращается как к ранее проведенным исследованиям в этой области, так и к складывающейся за последние десятилетия следственной и судебной практике, статистическим данным о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях и непосредственно к содержанию положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих данную стадию уголовного процесса. Опираясь обширными эмпирическими данными, автор аргументированно обосновывает вывод о том, что в существующем виде стадия возбуждения уголовного дела является препятствием для граждан при осуществлении их права на доступ к правосудию, существенно снижает эффективность реагирования государства на сообщения о преступлениях, следовательно, как самостоятельный этап уголовного процесса должна быть упразднена.

The article considers the essence and legal content of a stage of initiating a criminal proceeding. The author refers to the earlier studies in this sphere as well as to criminal investigation and judicial practice in the last ten years, statistical data on the results of reviewing crime reports and directly to the provisions of the criminal procedure legislation regulating this stage of criminal proceeding. Based on the extensive empirical data the author substantiates the conclusions that the stage of initiating a criminal proceeding in its current form is a barrier for citizens in relation to their right to an access to justice, greatly decreases the effectiveness of the State's response to crime reports, therefore it should be abolished as a distinct stage of criminal proceeding.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, право на доступ к правосудию, отказ в возбуждении уголовного дела;

Keywords: initiation of a criminal proceeding, the right to access to justice, refusal to initiate a criminal proceeding.

Одной из наиболее обсуждаемых в российском уголовном процессе проблем как в научной среде [6; 8; 9; 11], так и среди практикующих юристов [10] является теоретико-прикладное значение стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой в УПК РФ сегодня определяет, во-первых, низкую эффективность уголовного судопроизводства (в суд направляются не более 30% уголовных дел, а приостанавливаются за неустановлением лица, подлежащего привлече-

нию в качестве обвиняемого, в среднем 70%) и, во-вторых, нарушаются права пострадавших от противоправных деяний граждан на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (ст. 52 Конституции РФ). Одна из причин сохранения на протяжении многих десятилетий данного института – в устоявшемся мнении как ученых, так и практикующих юристов о его существенной роли в предупреждении фактов незаконного возбуждения уголовного

дела и необоснованного (без достаточных к тому оснований) уголовного преследования. [7; 23]

При исследовании сущности и правового содержания стадии возбуждения уголовного дела автор обращается как к ранее проведенным исследованиям в этой области, так и к складывающейся за последние десятилетия следственной и судебной практике, статистическим данным о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях и непосредственно к содержанию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данную стадию уголовного процесса.

С точки зрения её становления обращает на себя внимание то обстоятельство, что в уголовном процессе досоветского периода стадия уголовного процесса отсутствовала. По этому поводу И.Я. Фойницкий писал: «В последовательном развитии производства по делам уголовным мы можем различать следующие стадии: 1) предварительное исследование; 2) предание суду; 3) приговорительные к суду распоряжения; 4) окончательное производство; 5) особые порядки его; 6) пересмотр приговоров; 7) исполнение приговоров» [21, с. 352]. К сказанному следует дополнить, что хотя в УПК РСФСР 1922 г. и содержалось понятие «возбуждение уголовного дела», однако норма об этом в Кодексе отсутствовала. Органы дознания, следователь и прокурор обязаны были в соответствии со статьями 94-96 принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий принять решение о производстве дознания или предварительного следствия или об отказе в этом.

Изложенное о процессуальных правилах начала производства расследования позволило Н.Н. Полянскому утверждать, что возбуждению уголовного дела не придавалось значения самостоятельной стадии. О нем говорилось исключительно как о начальном моменте уголовного процесса. [18, с. 123] Аналогичную позицию высказывал и М.А. Чельцов, который первой стадией уголовного процесса назвал предварительное расследование, а возбуждение уголовного

дела считал начальным моментом процесса. [22, с. 75, 231, 233]

Появление в уголовном судопроизводстве и соответственно в уголовно-процессуальной науке самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела было обусловлено складывающейся в 1934-1937 годах практикой фактов незаконного уголовного преследования граждан (репрессиями), с целью противодействия которым Генеральным прокурором СССР были изданы ряд директивных указаний, в том числе циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26, пункт 2 которого устанавливал, что возбуждение уголовного дела и начало расследования может иметь место по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором. [4] Однако в течение двух последующих десятилетий процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в Уголовно-процессуальный кодекс так и не была введена, и научное сообщество на этом не настаивало.

Отсутствие необходимости в ведении в УПК процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела отражено и в Настольной книге следователя, где отмечалось: «Основным и необходимым условием возбуждения уголовного дела является непосредственная близость этого процессуального действия к моменту совершения преступления. Закон обязывает следственные власти приступить к производству следствия немедленно после того, как они получают сведения или материалы о совершившемся преступлении» [5, с. 102]. По этому поводу М.С. Строгович отмечал: «Возбуждение уголовного дела составляет начальный момент уголовного процесса. Существо этого процессуального момента заключается в решении ... органа расследования о необходимости реагировать на тот или иной факт как на преступление» [19, с. 150].

В связи с появлением в принятом в 1960 г. УПК РСФСР самостоятельных процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела учение о стадиях уголовного процесса пошло по пути общепризнанности возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии в уголовном судопроизводстве, сыгравшей на протяжении первых 30 лет своего

действия определенную положительную роль в части предупреждения фактов необоснованного уголовного преследования.

В настоящее время, наряду с устоявшейся точкой зрения о необходимости сохранения в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела (А.Г. Волеводз, В.С. Шадрин и др.), в научной среде все большее внимание занимает позиция ученых-процессуалистов (С.Е. Вицин, Л.М. Володина, Б.Я. Гаврилов, С.И. Гирько, И.С. Дикарев, А.П. Кругликов и др.), а также практикующих юристов (В.В. Гордиенко, В.В. Кожокарь и др.) о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела. Одновременно ряд ученых (А.В. Федоров [20], Н.А. Колоколов [15], Марковичева Е.В. и Васюков В.Ф. [17, с. 19] и др.), выражая более взвешенную позицию, предлагают продолжить научную дискуссию о совершенствовании данной стадии уголовного процесса.

В этой связи автор, с одной стороны, представляющий научное сообщество, а с другой, будучи в течение 34 лет практикующим юристом (от следователя до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России), считает возможным, во-первых, стадию возбуждения уголовного дела, чтобы не «пугать» многих представителей научной общественности ее исключением из уголовного процесса, обозначить как реформирование начала производства по уголовному делу, а, во-вторых, ее исследование разграничить минимум на семь самостоятельных проблем:

первая: исследовать зависимость обеспечения прав потерпевших на их доступ к правосудию от процессуального решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом;

вторая: отразить реагирование законодателя на возникающие перед правоприменителем проблемы, обусловленные необходимостью расширения перечня следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела;

третья: через складывающуюся в последние годы следственную и судебную практику возбуждения уголовного дела показать её негативное влияние на существенную формализацию в последнее десятилетие процессуальных правил начала расследования;

четвертая: одновременно привести, наряду с изложенными ранее, ряд дополнительных контраргументов позиции ученых, настаивающих на сохранении стадии возбуждения уголовного дела;

пятая: проанализировать влияние стадии возбуждения уголовного дела на показатели регистрируемой преступности в Российской Федерации и их соотношение с уровнем преступности в других государствах;

шестая: показать в динамике в течение двух последних десятилетий принимаемые со стороны государственных органов меры по совершенствованию учетно-регистрационной дисциплины и объективизации данных уголовно-правовой статистики;

седьмая: предложить конкретные нормативные правовые аргументы за реорганизацию данной стадии уголовного процесса.

Однако с начала 90-х гг. XX века институт возбуждения уголовного дела стал серьезным правовым препятствием для реализации гражданами, пострадавшими от противоправных деяний, их права на доступ к правосудию и породил многочисленные нарушения законности в практике деятельности правоохранительных органов, и в первую очередь органов внутренних дел.

Это нашло выражение в том, что принятие следователем, дознавателем, органом дознания по результатам рассмотрения сообщения о преступлении процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела:

во-первых, влечет за собой ограничение права ежегодно порядка 4 млн реально пострадавших от преступлений граждан на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, поскольку в 2013-2017 гг., согласно отчетам по форме 2-Е, установленной приказом Генеральной прокуратуры РФ, ежегодно 1,4-1,5 млн (без повторных) процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела признавались незаконными или необоснованными и отменя-

Таблица 1

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕ
ВОЗБУЖДЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И ОТКАЗНЫХ МАТЕРИАЛОВ

	2006	2013	2014	2015	2016	2017
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6	10,3
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85	1,78
Удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8%	15,2%	14,6%	15,5%	15,9%	16,8%
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,7	6,7	6,8	6,8	6,3

лись, более 500 тыс. из них отменялись два и более раз. И еще не менее чем по 2,5 млн заявлений, сообщений о преступлениях, включая около 1,3 млн заявлений о кражах (в 2016 г. – более 1,145 млн) и еще порядка 1,5 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах, в возбуждении уголовного дела было отказано, однако лица, совершившие эти противоправные деяния, не были установлены и, соответственно, в силу положений ч. 1 ст. 148 УПК РФ законность и обоснованность данных процессуальных решений вызывает сомнения;

во-вторых, обуславливает непроизводительные затраты труда порядка 20 тыс. сотрудников полиции, выразившиеся в вынесении ими ежегодно более 9 млн (с повторным) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, и труда тысяч прокуроров по их отмене и ряд других негативных последствий;

в-третьих, способствует за последнее десятилетие значительному сокращению (на 677 тыс.) количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,794 млн в 2006 г. до 1,117 млн преступлений в 2017 г.) и тем самым значительному (на 37,7%) снижению эффективности деятельности, в первую очередь органов внутренних дел и других правоохранительных органов, по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

в-четвертых, влечет за собой ежегодно от 500 до 650 тыс. (по данным Генпрокуратуры России – 1,5 млн) нарушений учетно-реги-

страционной дисциплины и, соответственно, привлечение ежегодно более 50 тыс. должностных лиц органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности, а до 2007 г. – ещё порядка 3-3,5 тыс. сотрудников к уголовной ответственности.

Достаточно наглядно изложенное выше негативное влияние «отказных» материалов находит подтверждение и в снижении уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях. Так, несмотря на сохранение практически неизменным уровня таких обращений, количество возбужденных уголовных дел за указанный период значительно (в 1,9 раза) уменьшилось, а их удельный вес от зарегистрированных сообщений о преступлениях сократился почти в 2 раза (табл. 1).

Складывающаяся негативная практика снижения уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлениях, во-первых, обусловлена значительным ежегодным увеличением количества принимаемых следователем, дознавателем, органом дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (с 4,5 млн в 2006 г. до 6,8 млн в 2016 г.). И особенно наглядно это видно в соотношении «отказных» материалов и возбужденных уголовных дел, показатель которого за последние 25 лет вырос почти в 8 раз, а именно с 47,7% до 354% (табл. 2).

Во-вторых, заключается в том, что по данным ВЦИОМ, озвученным 28 марта 2017 г. на заседании круглого стола в Общественной

Таблица 2

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЯХ (БЕЗ ПОВТОРНЫХ)
ПО СООБЩЕНИЯМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ЗА 1992-2017 ГГ.

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество «отказных» материалов	Удельный вес к возбужденным делам (в %)
1992	2,8 млн.	1,3 млн.	47,7 %
2002	2,5 млн.	3,8 млн.	148,4%
2012	1,9 млн.	6,4 млн.	336,8%
2016	1,85 млн.	6,8 млн.	367%
2017	1,78 млн.	6,3 млн.	354%

палате Российской Федерации, 49% жертв преступлений не заявляют в правоохранительные органы о фактах, совершенных в отношении них противоправных деяний.

В-третьих, нашла отражение в так называемом «тренде» преступности, значение которого к 2010 г. должно было достигнуть уровня 4,4 млн преступлений в год. Однако к 2018 г. по отношению к 2006 г. он сократился на 1,8 млн преступлений или на 47% (табл. 3).

В-четвертых, потребовала выработки соответствующих предложений, сформулированных в п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. В целях его реализации рабочей группой МВД России разработан проект соответствующего федерального закона, который 3 ноября 2016 г. рассмотрен на заседании Экспертного совета при МВД России с участием представителей всех правоохранительных органов, общественных организаций, научных структур, где большинством специалистов был одобрен. Необходимость принципиального изменения процессуальных правил начала производства по уголовному делу в докладе Президенту РФ за 2016 год отмечала Уполномоченный по

правам человека в Российской Федерации профессор Т.Н. Москалькова.

Не менее актуальным аргументом за исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела является и складывающаяся в последние годы следственная и судебная практика возбуждения уголовного дела при выявлении в ходе расследования новых эпизодов преступной деятельности лица, привлеченного к уголовной ответственности, или установлении новых лиц, совершивших преступления совместно с лицом, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело, существенно изменившаяся под непосредственным воздействием позиции Верховного Суда РФ и еще в большей степени Конституционного Суда РФ. [14]

В силу позиции высших судебных инстанций в следственной и судебной практике в числе основополагающих сегодня стоит вопрос о том, надо ли возбуждать новое уголовное в случае, когда в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении лица, которому предъявлено обвинение, установлены соучастники преступления или если в ходе расследования уголовного дела по факту совершения конкретным лицом преступления выявлены новые эпизоды его преступной деятельности. Этот вопрос сегодня разрешается неоднозначно, о чем свидетельствует весьма дискуссионная публикация советника Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда Российской Федерации К.Б. Калиновского [12] и отсутствие единой точки зрения по данному вопросу представителей непосредственно судей.

В связи с этим автор отмечает, что Верховный Суд РФ как в период действия УПК РСФСР, так и УПК РФ последовательно в своих решениях утверждал, что нормы уголовного

В связи с этим автор отмечает, что Верховный Суд РФ как в период действия УПК РСФСР, так и УПК РФ последовательно в своих решениях утверждал, что нормы уголовного

Таблица 3

СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В 1980-2016 ГГ.

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2014	2015	2016	2017
Количество зарегистрированных преступлений (млн.)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4 прогноз	2,166	2,388 (без КФО)	2,160	2,058

ловно-процессуального законодательства не предусматривают обязанность органов предварительного расследования и органов дознания выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлено, что к совершенному преступлению причастно и другое лицо или в процессе предварительного расследования выявлено, что лицом, кроме преступления, по которому возбуждено уголовное дело, совершены и другие преступления.

Значимым в этом плане является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 1998 г. по делу Б., осужденному по ч. 1 ст. 228, п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. №3. С. 19), которым отменено постановление Президиума Краснодарского краевого суда о возвращении дела на дополнительное расследование и, соответственно, оставлен без изменения приговор Ленинского районного суда г. Краснодара, которым Б. осужден по ч. 1 ст. 228, п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ. Суд надзорной инстанции усмотрел существенное нарушение закона в том, что уголовное дело, по которому Б. был осужден, возбуждено только в отношении У., задержанного с марихуаной, которое затем было прекращено. Исходя из чего краевым судом сделан вывод, что производство по делу в отношении Б. проводилось без возбуждения уголовного дела. По мнению Верховного Суда РФ, проведение расследования согласно ч. 1 ст. 129 УПК возможно лишь после возбуждения уголовного дела. Однако ни ст. 129, ни ст. 112 УПК РСФСР не предусматривают обязанности органов предварительного следствия выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела, когда по делу установлено, что к совершенному преступлению причастно другое лицо. Из материалов дела видно, что У. задержан 10 октября 1997 г. и в этот же день вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ. Но еще до возбуждения уголовного дела, во время доставления У. в ЛОВД и обнаружения у него марихуаны, он заявил, что приобрел

ее у Б. При обыске 11 октября 1998 г. у Б. было изъято 16,44 г марихуаны, последний был задержан, 14 октября ему предъявлено обвинение и он заключен под стражу. По мнению Верховного Суда РФ, действия У. и Б. взаимосвязаны, расследование проводилось в отношении них одновременно в рамках возбужденного дела и выносить постановление о возбуждении уголовного дела специально в отношении Б. не требовалось.

При принятии УПК РФ позиция законодателя в части возбуждения уголовного дела и проведения расследования в указанных выше случаях принципиально не изменилась, на что указывает и содержание ч. 1 ст. 448 УПК РФ, устанавливающей возможность привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении другого лица.

Указанное требование закона подтверждается и судебной практикой, в том числе кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20 января 2004 г. (дело № 6-073-03) (СПС КонсультантПлюс), согласно которому отменено постановление Уральского окружного военного суда от 22 октября 2003 г. о прекращении уголовного дела в отношении Л., С. и М. на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, поскольку в постановлении о возбуждении уголовного дела отсутствуют какие-либо сведения о возбуждении уголовного дела в отношении указанных лиц. В данном определении подтверждены обоснования, приведенные выше в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 1998 г.

Как отмечено выше, другая правовая проблема, требующая своего разрешения, связана с выявлением в ходе расследования уголовного дела новых эпизодов преступной деятельности лица, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело. Верховный Суд РФ в кассационном определении от 25 сентября 2006 г. (дело №14-о06-29) (СПС КонсультантПлюс) указал, что ни ст. 146, ни ст. 149 УПК РФ не предусматривают обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено

совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Таким образом, этим лицам может быть предъявлено обвинение и без дополнительного вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела.

Позиция Конституционного Суда РФ по изложенным выше вопросам до определенного периода вполне сочеталась с указанной выше судебной практикой Верховного Суда РФ. Например, согласно определению Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. № 79-О [2] признано законным и обоснованным расследование уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности депутата законодательного собрания г. Санкт-Петербурга А.А. Ковалева, расследование в отношении которого происходило в рамках уже возбужденного уголовного дела и отдельное постановление о возбуждении уголовного дела непосредственно в отношении этого гражданина не выносилось. Тем самым данным определением подтверждена конституционность правового содержания ч. 1 ст. 448 УПК РФ в части обоснованности привлечения к уголовной ответственности нового лица по уже возбужденному уголовному делу.

Однако в последующие годы позиция Конституционного Суда РФ принципиально изменилась, что наглядно видно из ряда его решений. Так, из определения Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 343-О [3] следует, что правовое содержание норм ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 108 и ст. 171, 172 УПК РФ не предполагает возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого и применение в отношении него меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуждено. О необходимости вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела Конституционный Суд РФ высказался и в определении от 21 декабря 2006 г. № 533-О. [1] В этом определении речь идет о дополнении предъявленного органом предварительного расследования обвинения при наличии достаточных данных, указывающих на признаки нового (дополни-

тельно выявленного в ходе расследования) преступления. Вновь возбужденное уголовное дело при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве. Одновременно Конституционный Суд РФ указал, что определение того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к ведению уполномоченных на это органов.

Соответственно, принципиально изменилась и складывающаяся судебная практика, наглядным примером чего является ряд решений судебных инстанций. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 60-Д-13-3 (URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/420226294>) указано, что Г. и З. признаны виновными в совершении действий сексуального характера, группой лиц, с применением насилия в отношении потерпевшего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Уголовное дело было возбуждено по п. «б» (как минимум – совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ только в отношении гражданина З. По мнению Верховного Суда РФ, в отношении Г. в силу положений ст. 140 и 146 УПК РФ также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела, что, исходя из позиции автора, противоречит изложенной выше многолетней практике самого Верховного Суда РФ по этому вопросу.

Аналогичную позицию занимают и нижестоящие судебные инстанции. Например, согласно апелляционному определению Московского областного суда от 26 июня 2014 г. по делу № 22-3724/2014 (архив Московского областного суда за 2014 г.) гражданин Д. привлечен к уголовной ответственности за совершение 5 краж чужого имущества, в том числе за два преступления, уголовные дела о которых были возбуждены в отношении других лиц. Судебная коллегия пришла к

выводу о незаконности осуждения Д. по этим двум эпизодам, поскольку уголовные дела в отношении Д. по ним не возбуждались.

Изложенное свидетельствует о заформализованности ряда положений УПК РФ и анахронизме мышления в части необходимости сохранения процессуального института возбуждения уголовного дела и одновременно позволяет сформулировать вывод, что

началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела из УПК РФ должны быть исключены.

Библиографический список

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Геворкяна Руслана Тиграновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 № 533-О // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 29, 33, 153, 226, 254 и 384 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.01.2004 № 79-О // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс.
4. О повышении качества расследования : циркуляр Прокуратуры СССР от 05.06.1937 № 41/26 // Социалистическая законность. 1937. № 7.
5. Арсеньев, Б.Я. Возбуждение уголовного дела / Б.Я. Арсеньев // Настольная книга следователя / под общ. ред. Генерального прокурора Союза ССР Г.Н. Сафонова. – М., 1949.
6. Вицин, С.Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве / С.Е. Вицин // Российская юстиция. – 2003. – № 6.
7. Волеводз, А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А.Г. Волеводз // Уголовный процесс. – 2014. – № 1.
8. Гаврилов, Б.Я. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса: нужна ли она российскому предварительному расследованию и в каком виде? / Б.Я. Гаврилов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4.
9. Гаврилов, Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики / Б.Я. Гаврилов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38).

10. Гордиенко, В.В.¹ Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью / В.В. Гордиенко // Российский следователь. – 2011. – № 16.
11. Дикарев, И.С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография / И.С. Дикарев, А.П. Кругликов. – М.: Юрлитинформ, 2014.
12. Калиновский, К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? / К.Б. Калиновский // Российский следователь. – 2009. – № 6.
13. Кожокар, В.В.² Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Кожокар. – М., 2016.
14. Кожокар, В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // В.В. Кожокар // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1.
15. Колоколов, Н.А. Уголовное судопроизводство: стратегия и тактика / Н.А. Колоколов // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4.
16. Крымов, В.А.³ Институт частного обвинения как основа процессуального порядка начала производства по уголовному делу / В.А. Крымов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4.
17. Марковичева, Е.В. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : монография / Е.В. Марковичева, В.Ф. Васюков. – М., 2016.
18. Полянский, Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М., 1960.
19. Строгович, М.С. Уголовный процесс : учебник для юридических высших учебных заведений / М.С. Строгович. – М., 1940.
20. Федоров, А.В. Нужна ли по делам о наркопреступлениях стадия возбуждения уголовного дела? / А.В. Федоров // Наркоконтроль. – 2017. – № 1.
21. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. – СПб., 1996. – Т. 2.
22. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – 4-е изд., испр. и перераб. – М., 1962.
23. Шадрин, В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела / В.С. Шадрин // Законность. – 2015. – № 1.

1 До 2006 г. – начальник Департамента уголовного розыска МВД России.

2 В 2012-2017 гг. – помощник министра внутренних дел Российской Федерации).

3 В 2014-2016 гг. – следователь СУ УМВД России по г. Вологде.

УДК 34+343

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятель-
ности Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
zhns21@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОРГАН ДОЗНАНИЯ» И «ОРГАН, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

ON RELATIONS BETWEEN NOTIONS «AGENCY IN CHARGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION» AND «FIELD INVESTIGATION AGENCY»

В статье проводится сопоставительный анализ понятий орган дознания и орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Вносятся предложения о корректировке уголовно-процессуального законодательства в части проведения сотрудниками оперативных подразделений дознания и неотложных следственных действий.

A contrastive analysis of notions «agency in charge of preliminary investigation» and «field investigation agency» is made in the article. Proposals to amend the criminal procedure legislation in terms of carrying out investigations and urgent investigative actions by officers of operational divisions are put forward.

Ключевые слова: орган дознания, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, неотложные следственные действия, оперативные подразделения, полномочия.

Keywords: agency in charge of preliminary investigation, field investigation agency, urgent investigative actions, operational divisions, powers.

Втеории и правоприменительной практике правоохранительных органов, ориентированных на решение задач уголовной юстиции, в течение длительного времени не прекращается полемика относительно сущности и отличий органов, осуществляющих дознание по уголовным делам, и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД).

Необходимость в такой дифференциации возникла после принятия УПК РФ, положения которого наряду с другими проблемами создали предпосылки для смешения понятий «орган дознания» и «орган, осуществляющий ОРД».

В соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ «дознание – форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) (здесь и далее выделено нами. – Н.Ж.), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия

необязательно». Даже поверхностный анализ данного определения позволяет сделать выводы, что, во-первых, дознание – деятельность по расследованию уголовного дела, во-вторых, оно может осуществляться дознавателем (следователем).

Не уделяя здесь внимания статусу следователя (поскольку он по форме и сути выбивается из рассматриваемой проблемы), уточняем, что дознаватель согласно п. 7 ст. 5 УПК РФ – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом.

Дознавателем может быть лицо, имеющее соответствующее правомочие (сотрудник подразделения дознания), либо любой другой сотрудник, временно наделенный начальником органа дознания такими полно-

мочиями. И если относительно сотрудника подразделения дознания все достаточно ясно (это его профессиональная деятельность), то определить круг должностных лиц второй группы весьма непросто. Наверное, таким лицом может быть любой сотрудник органа внутренних дел, которому начальник этого органа поручит осуществление дознания по конкретному факту противоправной деятельности. Однако в указанном органе существует множество так называемых неактивных или обеспечивающих подразделений (служба тыла, кадры и т.п.), сотрудники которых могут не иметь юридического образования, а потому быть принципиально не готовыми к осуществлению дознания. Означает ли это, что руководитель может поручить проведение дознания только сотрудникам оперативных подразделений? [1, с. 17-18] Могут ли для этого быть задействованы участковые уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовой службы, подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения и т.п.? Закреплен ли перечень таких лиц нормативно? И если да, то где?

Отвечая на поставленные вопросы, следует констатировать, что ни в УПК РФ, ни в иных законодательных и подзаконных нормативных правовых актах конкретного перечня должностных лиц, могущих быть уполномоченными на проведение дознания, нет. Основываясь на законодательной логике, можно предположить, что руководитель органа дознания может поручить его проведение любому подчиненному сотруднику независимо от его специализации и готовности к проведению дознания. [6, с. 229]

С учетом предписаний приказа МВД России от 30.04.2011 № 333дсп «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»¹ следует отнести к таким лицам должностных лиц, входящих в подразделения оперативные (8) и иные (их вместе с подразделениями дознания насчитывается 16). Но

если учесть специализацию 24 представленных подразделений, то выяснится, что реально осуществлять функции дознания могут должностные лица только 4 оперативных подразделений – уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции, контроля за оборотом наркотиков и по противодействию экстремизму, а также 4 иных подразделений – участковых уполномоченных полиции, по обеспечению безопасности дорожного движения, по делам несовершеннолетних, дознания.

Таким образом, исключив из этих списков подразделение дознания, уже обладающее правомочиями по его осуществлению, мы приходим к выводу, что полномочиями по проведению дознания реально могут быть наделены сотрудники четырех оперативных и трех иных подразделений полиции.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что каждое такое подразделение обременено собственными достаточно объемными и серьезными полномочиями, в связи с чем возложение дополнительной нагрузки по проведению дознания на любого сотрудника создаст предпосылки для менее качественного исполнения или вообще не исполнения возложенных на него должностными инструкциями обязанностей.

Кроме того (и это стоит отметить отдельно), использование в качестве дознавателя сотрудника оперативного подразделения сразу образует еще одну проблему, связанную с его оперативно-розыскным статусом и навыками.

В соответствии с ч. 2 ст. 41 УПК РФ «не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия». Подвергая краткому комментарию данную норму, следует отметить, что, с одной стороны, лицо, проводившее по данному факту оперативно-розыскные мероприятия, как никто лучше владеет совокупностью информа-

¹ Издан в соответствии с ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», указами Президента РФ от 01.03.2011 № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации», от 01.03.2011 № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации», от 01.03.2011 № 250 «Вопросы организации полиции» и на основании подпункта 7 пункта 21 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

ции, необходимой для качественного проведения дознания, и было бы вполне логичным поручить именно ему его проведение, с другой – в этом случае возможна ситуация, когда сотрудник при проведении дознания будет постоянно подменять процессуальные действия хорошо известными ему оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ), что заранее обрекает на оценку итогов дознания как полученных с нарушением закона. [5, с. 47]

Более того, используя толкование исследуемой нормы «от обратного», можно полагать, что если сотруднику оперативного подразделения, осуществлявшему по данному факту ОРМ, нельзя поручать по нему дознание, то верен и противоположный вывод: лицо, проводящее или проводившее дознание по данному делу, не может осуществлять по нему ОРМ ни в ходе дознания, ни по его окончании. А ведь в качестве сыщика должностное лицо оперативного подразделения было бы значительно полезнее для решения задач правоохранительной деятельности.

Таким образом, с одной стороны, возникает непреодолимое противоречие между оперативно-розыскным статусом должностного лица органа, осуществляющего ОРД, и его временным полномочием по проведению дознания, с другой – специалист отвлекается от известной ему деятельности на выполнение несвойственных функций.

Каков выход из существующего положения?

Во-первых, его подсказывает сам законодатель. Так, в ч. 2 ст. 40 УПК РФ содержится предписание, согласно которому «на органы дознания возлагаются:

1) **дознание по уголовным делам**, по которым производство предварительного следствия необязательно, – в порядке, установленном главой 32 настоящего Кодекса;

2) **выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам**, по которым производство предварительного следствия обязательно, – в порядке, установленном статьей 157 настоящего Кодекса».

А это «де юре» должно означать, что орган дознания может осуществлять два вида процессуальной деятельности (дознание по уголовным делам, выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам) и ничего более. Отсюда возможен единственный вывод: отнесение в ч. 1 рассматриваемой статьи к органам дознания органов внутренних дел Российской Федерации, а также иных органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (т.е. осуществляющих деятельность, как правило, за пределами уголовного судопроизводства, но наделенных как орган дознания процессуальными функциями), – антиномия¹ по отношению к положению ч. 2 этой же статьи. Стоит ли говорить, что если законодатель не может согласовать два предписания в одной статье закона, то уничижительное отношение к закону в целом бытует у многих представителей правоохранительной системы. [2]

Во-вторых, в соответствии с п. 24 ст. 5 УПК РФ «органы дознания – государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с настоящим Кодексом осуществлять дознание и **другие процессуальные полномочия**». И здесь законодатель разъясняет правоприменителю, что орган дознания может осуществлять исключительно процессуальные полномочия, т.е. предусмотренные УПК РФ. Следует напомнить, что в рассматриваемом законодательном акте никаких иных полномочий относительно должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, не предусмотрено.

Кстати, не следует забывать, что кроме раскрытия преступлений перед сыщиками в черед других поставлена еще одна, не менее, а, наверное, более важная задача – предотвращение преступлений, где роль должностных лиц, осуществляющих процессуальные функции, практически сведена к нулю. [4] Поэтому полагать, что сотрудники оперативных подразделений не очень загружены оперативной работой, было бы неверным.

¹ Антиномия – противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых доказуемо логическим путем. [См.: 8, с. 23].

И совсем уж непонятными для многих разумно мыслящих сотрудников представляются положения ч. 4 ст. 157 УПК РФ, согласно которым «после направления уголовного дела руководителю следственного органа **орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя.** В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания **обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры** для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах».

Парадоксальность ситуации заключается в двух взаимосвязанных обстоятельствах. Направленное руководителю следственного органа уголовное дело, где обнаружено лицо, совершившее преступление, не мгновенно приходит к нему, и тем более к следователю. Получается, что в период времени, определяемый несколькими сутками (а может, и более), оперативная работа не должна осуществляться, поскольку это противоречит закону. Кроме того, гарантии, что обнаружено то лицо, которое совершило преступление, либо все его участники, тоже нет. А если все же подозреваемый не установлен и ОРМ осуществляются, то кому и каким образом сообщать о полученных результатах, если дело до следователя еще не дошло? [7]

На эти вопросы вполне понятный ответ, лишаящий всякого смысла положение ч. 4 ст. 157 УПК РФ, содержится в определении Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 167-О-О, в котором представлены следующие разъяснения: «Согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» каждое из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (статья 7) является самостоятельным и применяется независимо от другого, а потому наличие или отсутствие одного из них не отменяет и не исключает другого и не снимает обязанности с органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при решении определенных этим Федеральным законом ее задач

принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства (пункт 1 статьи 14). **Недопустимость проведения оперативно-розыскных мероприятий по другим законным основаниям, когда отсутствуют поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам либо материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве, а потому и недопустимость использования результатов таких мероприятий в доказывании по уголовному делу,** о чем, по сути, ставят вопрос заявители, **приводили бы к фактической отмене предусмотренных законом иных оснований для проведения таких мероприятий, блокировали бы реализацию органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, возложенных на них задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в целях защиты конституционно значимых ценностей от преступных посягательств»** [3, с. 110-114].

Можно было бы и далее критиковать существующее законодательное регулирование взаимоотношений процессуалистов и сыщиков при раскрытии преступлений, однако следует остановиться еще на одном положении, приводящем стройную систему аргументов отказа от понимания органов дознания в нынешнем их виде в менее логичное состояние.

Речь идет о такой процессуальной функции как выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам. С одной стороны, как уже отмечалось выше, в ч. 2 ст. 40 УПК содержится предписание, согласно которому «на органы дознания возлагаются: дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно..., и выполнение неотложных

следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно...». С другой стороны, преобразуя его в соответствии с предложенной нами идеей отказа от проведения дознания должностными лицами оперативных и иных подразделений, не являющихся сотрудниками подразделения дознания, мы можем сделать вывод, что указанные должностные лица должны быть наделены полномочиями по выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам.

Анализ практики приводит к заключению, что если в городе эти полномочия сотрудников органов внутренних дел не столь актуальны в связи с возможностью достаточно быстрого прибытия следователя или дознавателя на место происшествия, то в малонаселенной местности такие ситуации возникают весьма часто. Вот в этих случаях выполнять неотложные следственные действия, причем не важно – по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, или по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, на наш взгляд, должны быть уполномочены должностные лица органов внутренних дел, не являющиеся традиционными носителями процессуальных функций, – участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения, наконец, сотрудники оперативных подразделений.

В связи с этим наши рекомендации по выходу из этой непростой ситуации сосредоточены на одновременном решении нескольких пересекающихся проблем.

1. Следует из ст. 40 УПК РФ исключить помещенную в п. 1 ч. 1 норму, согласно которой к органам дознания относятся «органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные

органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности».

2. Целесообразно наделить правомочием по проведению дознания исключительно подразделения дознания соответствующих ведомств, а их руководителей назвать руководителями не подразделения (ст. 40.1 УПК РФ), а органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ). В связи с этим следует изменить ряд предписаний УПК РФ, переориентировав указанные в них полномочия отдельных органов и должностных лиц в соответствии с их основными должностными правомочиями.

3. Нужно закрепить в УПК РФ наделение должностных лиц органов внутренних дел (да и иных аналогичных правоохранительных ведомств), традиционно не исполняющих функции следствия или дознания, полномочиями по выполнению неотложных следственных действий по любым уголовным делам.

4. Необходимо ввести в УПК РФ новые процессуальные фигуры: «руководителя органа, осуществляющего ОРД» и «сотрудника оперативного подразделения». В этом случае письменные поручения о проведении ОРМ (и только ОРМ) будут адресоваться компетентному в этих вопросах руководителю с понятным всем статусом, а при необходимости участия в работе следственной (вернее – следственно-оперативной) группы сотрудник оперативного подразделения, выделенный с этой целью тем же руководителем органа, осуществляющего ОРД, будет привлекаться не только для оказания содействия расследованию, но и для реальной работы по раскрытию преступления.

Эти изменения в уголовно-процессуальном законодательстве помогут решить длительно существующую и очень важную проблему недолжного взаимодействия процессуалистов и сыщиков в сфере борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. Бедняков, Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д.И. Бедняков. – М., 1991.
2. Бобров, В.Г. Некоторые суждения по монографии Н.С. Железняк и А.Д. Васильева «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты / В.Г. Боровик // Оперативник (сыщик). – 2011. – №1 (26).
3. Железняк, Н.С. Оперативно-розыскная деятельность по делам о наркотиках в решениях высших судов Российской Федерации : обзор судебной практики / Н.С. Железняк. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017.
4. Железняк, Н.С. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : проект / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.
5. Зажицкий, В.И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / В.И. Зажицкий // Российская юстиция, 2001. – №3.
6. Зникин, В.К. Принципы и основные понятия перехода избыточности оперативной информации в достаточность уголовно-процессуальных доказательств / В.К. Зникин. – М. – 1998.
7. Луговик, В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект / В.Ф. Луговик. – Омск : Омская юридическая академия, 2014.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 3-е изд., стереотип. – М.: АЗЪ, 1996.

УДК 343.102

Юрий Васильевич ОВСЯННИКОВ,

доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук
79135519628@yandex.ru

ПРОИЗВОДСТВО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

PROCEEDINGS AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

В статье рассматриваются отдельные теоретические и практические вопросы процессуальных действий, осуществляемых на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проведения предварительной проверки сообщения о преступлении, на предмет установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и порядку производства процессуальных действий.

The article considers some theoretical and practical issues of procedural actions carried out at the stage of initiation of criminal proceedings in the course of preliminary verification of the report of the crime for the purpose of establishment of sufficient data indicating the signs of the crime. The author substantiates the proposals to improve the criminal procedure legislation and the proceedings of procedural actions.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, предварительная проверка, процессуальные действия, получение объяснений, истребование документов и предметов, изъятие документов и предметов, обыск, выемка, осмотр места происшествия.

Keywords: stage of initiation of a criminal case, preliminary verification, procedural actions, receiving explanations, evocation of documents and reclamation of objects, seizure of documents and objects, search, seizure, crime scene examination.

В теории уголовного процесса общепризнанной является точка зрения, согласно которой уголовно-процессуальными признаются отношения (а значит, и действия и решения), которые урегулированы уголовно-процессуальным правом. Иные отношения, например связанные с регистрацией в органах внутренних дел информации о преступлениях, выставлением учетных и отчетных документов (например, статистических карточек), которые в большинстве определяются ведомственными нормативными актами, принято именовать организационными (непроцессуальными).

Вопрос о том, могут ли именоваться уголовно-процессуальными решения о произ-

водстве проверочных действий, необходимо рассматривать в ином ракурсе.

Не возникает сомнений в правовой природе таких действий, как получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, назначение судебной экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требование производства документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, дача органу дознания письменного поручения о проведении оператив-

но-розыскных мероприятий. Эти действия упомянуты в законе. [7; 8] Сложнее определить характер действий более частного порядка. Например, принимая решение о истребовании документов и предметов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), следователь должен представлять механизм осуществления этого действия: объект, формы воздействия и др. При этом возможно возникновение частных вопросов, например о форме истребования, форме фиксации произведенных действий и др. Прямых уголовно-процессуальных предписаний на этот счет не имеется. Однако из ряда положений закона следуют правила, которые могут быть использованы в рассматриваемых ситуациях. Так, в юридической литературе достаточно убедительно изложены соображения, основанные на смысле, духе закона, по поводу оформления факта истребования документов и предметов протоколом [9, с. 25], то есть можно признать, что и эти решения лежат в плоскости уголовно-процессуальных отношений.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает, что по поступившим заявлениям и сообщениям о преступлениях могут быть получены объяснения. Тем самым законодатель предусматривает возможность проверки и дополнения информации, указанной в поводе, для обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом.

Возможность получения объяснения как способа предварительной проверки оправдывается, с одной стороны, необходимостью получения информации о совершенном или подготавливаемом преступлении, с другой – возможностью получения этой информации без каких-либо ущемлений законных прав и интересов граждан.

Следует оговориться, что не всегда решение о получении объяснений связано с необходимостью охраны прав и интересов личности. Во-первых, хотя получение объяснений имеет под собой правовую основу (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и является уголовно-процессуальной деятельностью, в законе отсутствуют: основания получения объяснений, перечень лиц, от которых могут быть получены объяснения, предмет, т.е. обстоятельства, о

которых можно получать объяснения, описание процедуры получения объяснения, формы фиксации информации.

В теории уголовного процесса принято считать, что получение объяснений и допрос имеют аналогичный фактический характер, т.е. обладают внешним сходством. Как допрос, так и получение объяснений вызывается необходимостью получения сведений о фактах от осведомленного лица. Как в первом, так и во втором случае познание осуществляется путем восприятия письменной или устной информации от лиц, свидетельствующих о фактах, обстоятельствах, событиях, которые они наблюдали либо о которых получили соответствующую информацию. В обоих случаях передача информации основана на вспоминании событий прошлого и предполагает решение поставленных мыслительных задач с последующим словесным изложением, то есть речь идет о фиксации переданной информации.

Объяснения очевидцев, полученные в ходе предварительной проверки, могут быть использованы для решения вопроса о наличии оснований к возбуждению уголовного дела. На последующих стадиях уголовного процесса они теряют значение как источник сведений о фактах и должны быть заменены показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, полученными в ходе допроса. В этом состоит существенное отличие объяснения, полученного в рамках начальной стадии уголовного процесса, от допроса, проводимого уже по возбужденному уголовному делу, с целью установления всей совокупности обстоятельств, составляющей предмет доказывания по уголовному делу. Это первое, но не единственное отличие. Существует еще ряд свойств правового характера, проявляющихся в процедуре получения объяснения (отсутствие каких-либо санкций уголовно-правового характера за дачу ложного объяснения и отказ от дачи объяснения, невозможность применения уголовно-процессуального принуждения и др.).

Серьезным недостатком правового регулирования получения объяснений является неопределенность юридического статуса и круга участников предварительной проверки.

Несомненно, восполнение указанных пробелов имеет большое теоретическое и практическое значение. Так, в законе необходимо дать перечень лиц, от которых должны быть получены объяснения (например, заявитель, правонарушитель, очевидец и т.д.).

Резюмируя сказанное, отметим, что решение о принятии объяснения нуждается в законодательном реформировании и четком регулировании этого процессуального действия.

Важным является вопрос: что следует считать основанием получения объяснения. С.А. Шейфер, анализируя основания следственных действий, рассматривает их как «сложный процессуальный институт, охватывающий различные процессуальные и фактические аспекты. Важную роль в его структуре играет наличие правомочий органа расследования на проведение расследования по делу. Отсутствие таких полномочий равнозначно отсутствию оснований на проведение следственных действий, что приводит к недопустимости полученных доказательств».

Столь же важен познавательный аспект, в котором раскрываются фактические основания проведения следственного действия.

Не менее важен правообеспечительный аспект. Он, в дополнение к познавательному, ограничивает усмотрение органа расследования. [14, с. 121] Используя высказывание С.А. Шейфера как суждение общего характера, перейдем к частностям. Ранее мы вели речь о схожести объяснения и допроса. Поставленный вопрос, на наш взгляд, следует рассматривать под этим углом зрения. Если условно провести тождество между объяснением и допросом, то, думается, логично говорить о тождестве основания производства допроса и основания получения объяснения. По мнению В.В. Кальницкого, основанием для вызова и допроса любого лица в качестве свидетеля является наличие фактических данных, позволяющих полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу. [5, с. 27]

Сказанное в полной мере относится и к объяснению. Но в чистом виде предложенное понятие не может рассматриваться как

основание для получения объяснения. Все это подтверждает необходимость ограничивать предмет объяснения сведениями, указываемыми на признаки преступления и круг лиц, от которых могут быть получены такие объяснения. Таким образом, основанием получения объяснения являются фактические данные, позволяющие полагать, что лицу могут быть известны какие-либо обстоятельства, без установления которых невозможно принять решение в стадии возбуждения уголовного дела. Причем эти фактические данные должны содержаться в повеле к возбуждению уголовного дела, результатах осмотра места происшествия, результатах оперативно-розыскных мероприятий или иной информации.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность до возбуждения уголовного дела истребовать документы и предметы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Рассматривая данное процессуальное действие, нужно отметить, что законодатель имеет в виду истребование как средство и способ предварительной проверки в отличие от истребования как способа получения доказательств (ст. 86 УПК РФ). Решение об истребовании необходимых материалов, как и решение о получении объяснений, на наш взгляд, обладает признаком универсальности в силу отсутствия законодательного регулирования процедуры их производства. Но это совсем не означает, что решение вопроса о возбуждении уголовного дела осуществляется на основании внепроцессуальных материалов, лишенных доказательственной силы.

Общим для обоих видов истребования является отсутствие какой-либо законодательной процедуры производства этого действия как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования. Различие же заключается в конечном результате процедур. На начальном этапе уголовного судопроизводства получают «документы и предметы», а в ходе расследования – «обстоятельства», способствующие установлению по делу доказательств.

Нет однозначного понимания рассматриваемого действия учеными-процессуалистами. Из закона не ясно, что считать «доку-

ментами и предметами». Могут ли это быть только письменные документы или под ними следует подразумевать предметы материального мира, которые при возбуждении уголовного дела приобретут статус «вещественных доказательств». Так, ряд авторов понимают под ними только письменные документы и все материалы подразделяют на три группы:

- непосредственно связанные с преступным событием, например документы со следами подчисток, подделок;

- устанавливающие обстоятельства, о которых сообщалось в заявлении или сообщении (справки о причинении материального ущерба, телесных повреждений и т.д.);

- материалы различного рода проверок. К ним могут относиться материалы об административных правонарушениях, акты (ревизий, контрольных закупок). [10, с. 30]

Ю.Н. Белозеров и В.В. Рябokonь также отмечают, что «уголовно-процессуальный закон не содержит исчерпывающих указаний о характере материалов, истребуемых в стадии возбуждения уголовного дела. ... Как свидетельствует практика работы правоохранительных органов, чаще всего это письменные документы (накладные, справки, акты ревизий, выписки из приказов, характеристики и т.п.)» [1, с. 35].

По мнению В.В. Николюка, В.В. Кальницкого, В.Г. Шаламова, которое, на наш взгляд, является оптимальным, под термином «материалы» понимаются не только письменные документы, но и предметы. Обосновывая свою точку зрения, авторы пишут: «Данный вывод вытекает из анализа закона. В соответствии со ст. 70 УПК РСФСР должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, разрешено требовать представления необходимых предметов и документов. Здесь законодатель уже четко указал, что истребуются как письменные документы, так и предметы» [9, с. 10].

Отсутствие в законе процедуры истребования необходимых материалов и формы его процессуального закрепления приводит к нарушению прав и интересов граждан. Многие юристы рассматривают «истребование документов и предметов» как универсальное средство, в которое можно вместить все мно-

гообразие встречающихся в практике и не урегулированных законом методов предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Часто истребованием «маскируются» фактически проведенные обыски, принудительное получение до возбуждения уголовного дела продуктов жизнедеятельности человека – образцов крови, мочи, слюны и др. В большинстве случаев такие действия оформляются документами, не предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством (протоколами изъятия, различными актами, рапортами и т.п.). [6, с. 35]

Кроме того, в законе отсутствуют и основания принятия решения об истребовании документов и предметов. Универсальность истребования заключается и в том, что оно характерно для начального этапа уголовного судопроизводства, по смыслу закона не может быть произведено принудительно, хотя в термине «истребование» заключается властное действие. За невыполнение гражданами и должностными лицами требований следователя, органа дознания, прокурора, судьи о выдаче необходимых материалов на стадии возбуждения уголовного дела с их стороны не может последовать каких-либо процессуальных санкций. Как верно отметил А.Б. Судницын: «существенное отличие истребования от основного способа собирания доказательств – следственных действий – заключается в том, что первое не обеспечено механизмом принудительного исполнения» [11, с. 27]. В случаях злого отказа для того, чтобы получить необходимые материалы, следует возбудить уголовное дело и получить их уже в порядке ст. 86 УПК РФ.

Таким образом, неурегулированность порядка истребования уголовно-процессуальным законодательством слабо обеспечивает достоверительный характер этого действия, что может привести порой к необоснованному возбуждению уголовного дела. Кроме этого само истребование зачастую не означает законченной процедуры. Следующим за ним может быть решение о производстве специального исследования.

Законодатель в ст. 144 УПК РФ назвал действия, которые могут выполнить дознаватель, орган дознания, следователь, руководи-

тель следственного органа при производстве предварительной проверки заявлений и сообщений: истребование необходимых документов и предметов и получение объяснений, однако без производства следственных действий, предусмотренных кодексом.

Нередко на начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности этих процессуальных действий бывает недостаточно. [3; 4] В связи с этим возникает вопрос о допустимости иных способов проверки первичной информации о преступлении, как предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, так и выработанных практикой правоохранительных органов.

Одним из способов, предусмотренных законом, является решение о производстве осмотра места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), которое возможно до возбуждения уголовного дела.

Необходимо отметить, что осмотр места происшествия как следственное действие введен в уголовно-процессуальное законодательство в 1963 году, «хотя нетрудно предположить, что *de facto* он проводился всегда, когда того требовали обстоятельства» [12, с. 32].

Правовое основание принятия решения о производстве осмотра места происшествия в законе четко не определено, несмотря на то что само положение о производстве данного следственного действия закреплено в ст. 176 УПК РФ, которая носит наименование «Основания производства осмотра». В данной норме сформулированы лишь цели разновидностей осмотра. Ими являются: 1) обнаружение следов преступления и других вещественных доказательств; 2) выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Но цель не основание. Цель может быть сформулирована в самой норме, и в то же время норма закона сама является непосредственной целью уголовного судопроизводства. Цели уголовно-процессуальных норм состоят в том, чтобы обеспечить объективность, достоверность, всесторонность и полноту каждого следственного и судебного действия.

Рассматривая систему и процессуальную форму следственных действий, С.А. Шейфер

определяет цель производства следственного действия как один из элементов совокупности правовых оснований их проведения. Основания проведения следственных действий он подразделяет на правовые и фактические. «Правовые основания следственных действий, – это совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом условий, дающих следователю право произвести то или иное действие. Соответственно, фактическими основаниями являются конкретные сведения о возможности извлечения доказательственной информации из следов определенного вида» [14, с. 60].

Детализируя основания для производства конкретного следственного действия, В.В. Кальницкий сформулировал следующее определение: «Основанием для производства осмотра местности или помещения является наличие фактических данных о совершенном там преступлении или связанном с ним изменении обстановки, а также о значении обстановки на местности или в помещении для доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу» [5, с. 75-76]. Данное определение является базовым для такого следственного действия, как осмотр, и мы его полностью поддерживаем, но необходимо добавить, что для осмотра места происшествия фактические данные должны содержать сведения, приводящие лишь к вероятному выводу о наличии общественно опасного деяния.

Анализ ч. 2 ст. 176 УПК РФ указывает, что законодатель, допуская производство осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, не устанавливает каких-либо условий, хотя ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР предусматривала два условия, при наличии которых осмотр может быть произведен: 1) в случаях, не терпящих отлагательства; 2) при возбуждении уголовного дела немедленно после проведения осмотра места происшествия, при наличии к тому оснований. [5, с. 76]

Первому условию определялось самостоятельное значение, однако без разъяснения, какие случаи считать «не терпящими отлагательства». Второе условие полностью согласовалось с положением ст. 112 УПК РСФСР, которое предписывало одновременно с воз-

буждением уголовного дела принять меры к закреплению следов преступления, что, несомненно, соответствовало цели следственного действия как процессуального действия, состоящего в обнаружении, закреплении и изъятии фактических данных с целью получения доказательств. [5, с. 8]

Целесообразность такой законодательной формулировки заключается в том, чтобы правоприменитель своевременно реагировал на факт общественно опасного деяния, потому что запоздалый осмотр места происшествия способен привести к невосполнимой утрате доказательств и в конечном счете – к провалу всего расследования.

Принимая решение о производстве осмотра места происшествия, необходимо строго учитывать условия, которые должны удовлетворять этому следственному действию, а также четко и правильно фиксировать порядок его проведения. Если указанные условия не учитываются, а процессуальный порядок нарушается, то это приводит к различным ошибкам и упущениям. В практике правоохранительных органов имеют место ситуации, когда осмотр места происшествия как следственное действие используется в качестве универсального способа получения необходимых материалов в стадии возбуждения уголовного дела без учета его назначения в уголовном судопроизводстве. [9, с. 44]

Искажение правоприменителем под воздействием различных мотивов требований правовых предписаний ст. 144 и ч. 2 ст. 176 УПК РФ приводит к тому, что под видом осмотра места происшествия проводятся иные следственные действия, например обыск, выемка. Нельзя сказать, что такие явления остаются незамеченными в науке уголовного процесса. Так, В.В. Григорьев отмечал: «Пользуясь тем, что осмотр места происшествия допущен до возбуждения уголовного дела, работники органов внутренних дел порой под его видом проводят форменный обыск» [2].

Негативной следует признать практику, когда в отдельных регионах издаются рекомендации по организации расследования экономических преступлений, преступлений,

связанных с незаконным оборотом наркотических средств, которыми предписывается прибегать к осмотру места происшествия для обнаружения и изъятия наркотиков, иных предметов, применяемых для их изготовления и потребления. [9, с. 45]

Указанные нарушения, по нашему мнению, происходят из-за неправильного понимания правоприменителем оснований принятия решения о производстве осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела.

В связи с этим, на наш взгляд, возникает необходимость введения в институт предварительной проверки элементов дифференциации процессуальной формы. Деятельность начального этапа уголовного судопроизводства могла бы выглядеть следующим образом: во-первых, институт предварительной проверки должен подчиняться правилам подследственности, предусмотренным ст. 151 УПК РФ, т.е. проводить проверку должен тот орган, которому, исходя из первичных материалов, подследственно преступление; во-вторых, если речь в повODE идет о преступлении, подследственном органу дознания, то проверку должны проводить сотрудники органа дознания из числа начальствующего состава, обладающие соответствующей подготовкой; в-третьих, на ведомственном уровне необходимо закрепить положение, запрещающее самостоятельное производство предварительной проверки лицам, не обладающим достаточной профессиональной подготовкой (стажерам, практикантам, инспекторам ПДН, лицам, переведенным в подразделения уголовного розыска, участковым уполномоченным полиции, лицам из служб, не связанных с процессуальной деятельностью, до прохождения ими специальной подготовки).

Предложенный порядок производства процессуальных действий представляется целесообразным уже в силу того, что это позволит более эффективно регулировать деятельность субъектов при производстве предварительной проверки в стадии возбуждения уголовного дела.

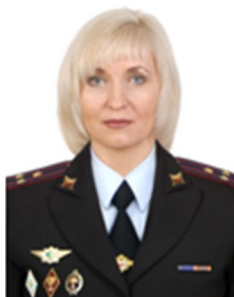

Библиографический список

1. Белозеров, Ю.Н. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел / Ю.Н. Белозеров, В.В. Рябоконь. – М., 1988.
2. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел / В.Н. Григорьев. – Ташкент, 1989.
3. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации : курс лекций / А.А. Давлетов. – 3-е изд. – Екатеринбург, 2014.
4. Кальницкий, В.В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Кальницкий // Законодательство и практика. – 2015. – №2.
5. Кальницкий, В.В. Следственные действия : учебное пособие / В.В. Кальницкий. – Омск, 2001.
6. Марфицин, П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Г. Марфицин. – М., 1993.
7. Мешков, М.В. Поводы к возбуждению уголовного дела: процессуально-правовые новеллы / М.В. Мешков, В.В. Гончар // Российский судья. – 2012. – №11.
8. Мешков, М.В. Новые нормы института возбуждения уголовного дела / М.В. Мешков, В.В. Гончар // Законность. – 2012. – №5.
9. Николук, В.В. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Николук, В.В. Кальницкий, В.Г. Шаламов. – Омск, 1990.
10. Рассмотрение органами дознания заявлений и сообщений о преступлениях / С.П. Щерба [и др.]. – М., 1987.
11. Судницын, А.Б. Истребование и изъятие предметов (документов) при проверке сообщения о преступлении / А.Б. Судницын // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – №4 (25).
12. Томин, В.Т. Очерки теории эффективного уголовного процесса / В.Т. Томин, М.П. Поляков, А.П. Попов ; под ред. проф. В.Т. Томина. – Пятигорск, 2000.
13. Чеботарев, Р.А. Объективизация доказывания при производстве следственных осмотров и обысков при расследовании убийств / Р.А. Чеботарев, О.В. Челышева // КриминалистЪ. – 2011. – №1(8).
14. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М., 2001.

УДК 343.9

Татьяна Викторовна АСТИШИНА,

заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Всероссийского института повышения квалификации МВД России (г. Домодедово), кандидат юридических наук

tanja05970@yandex.ru

Виктор Николаевич ОМЕЛИН,

главный научный сотрудник НИЦ-3 Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва), доктор юридических наук, профессор

v.omelin@mail.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ TO THE ISSUE OF METHODS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

В статье на основе анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года ^о 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», научной литературы рассматриваются понятие методов оперативно-розыскной деятельности как методов практической деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и оперативно-розыскных мероприятий, разновидности методов ОРД, анализируется соотношение методов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий. С учетом выявленных отличительных признаков авторами предложена дефиниция методов ОРД.

Based on the analysis of the Federal Law of the Russian Federation No. 144-FZ of August 12, 1995 «On Operational-Search Activity» and scientific literature, the concept of methods of operational-search activity and varieties of methods of operational search activity are considered in the article; correlation of methods of operational-search activity and operational-search measures is analyzed. The authors proposed the definition of methods of operational-search activity taking into account the revealed distinctive features.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, методы оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия, методы научных исследований проблем ОРД.

Keywords: operational-search activity, methods of operational-search activity, operational-search actions, methods of scientific re-search of problems of the operational-search activity.

В теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) сложилась научная система понятий, которая в основном может быть оценена положительно. Понятийный аппарат общей теории ОРД, включающий понятия ОРД, правовой основы, принципов, сил, средств, методов, форм ОРД, оперативно-розыскных мероприятий и др., получил развитие в трудах многих ученых.

Центральное место в системе оперативно-розыскных категорий принадлежит методам практической деятельности субъектов

ОРД. Данные методы представляют собой сложное и многоплановое явление, обладающее разнообразными чертами и свойствами. Выявление этих свойств, признаков и их исследование является предметом активного научного поиска.

Термин «методы ОРД» дважды упомянут в тексте Федерального закона от «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД). В первом случае в ст. 3 при формулировке одного из принципов ОРД – сочетания гласных и негласных методов и средств. Во втором случае норма, предусмотренная

в ч. 1 ст. 12, относит сведения о методах, использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), к государственной тайне.

Рассмотрение сущности методов ОРД непосредственно связано с этимологическим аспектом понятия «метод». В общепринятом понимании метод означает способ, прием практического осуществления чего-либо. Термин «метод» происходит от греческого «methodos», что означает «способ познания, исследования явлений природы и общественной жизни: прием, способ или образ действия» [9, с. 376].

Методы ОРД, используемые для достижения целей, решения оперативно-розыскных задач ОРД, представляют собой сложное явление. Для того чтобы определить сущность и выявить особенности методов ОРД, следует, прежде всего, различать методы, применяемые в процессе разработки оперативно-розыскных приемов и рекомендаций (методы научного познания, используемые в теории ОРД), и методы, разрабатываемые и рекомендуемые для использования в практике ОРД. Первые являются методами научных исследований проблем ОРД, а вторые – методами практической деятельности субъектов ОРД.

Нет необходимости обстоятельно доказывать огромное значение научных методов познания явлений общественной жизни. В философской литературе общепризнанно, что научные методы дают правильное направление в работе ученого, помогают ему избрать кратчайший, наиболее плодотворный и эффективный путь достижения истинных знаний. Если исследователь будет действовать наугад, пользуясь только принципом «проб и ошибок», то он едва ли может рассчитывать на серьезный успех. Конечно, научный метод сам по себе, в отрыве от других факторов, обеспечивающих успех познания, не приведет нас к истине, но он дисциплинирует ход познания, служит как бы компасом ученому, дает ему возможность экономить силы, быстрее, более рациональным путем достигать истины. [1, с. 79].

Вместе с тем в специальной литературе отдельными авторами допускается смешение

этих разных по природе и назначению методов. Такое смешение отчасти проистекает от широкого научного толкования.

Как нам представляется, методы научных исследований проблем ОРД есть инструменты творческих, теоретических поисков познания истины. Практические методы ОРД отличаются от научных тем, что они имеют явно выраженную разведывательно-поисковую направленность для решения практических задач борьбы с преступностью и относятся к организационно-методическим и тактическим категориям.

Как и любая другая наука, теория ОРД имеет не только свой предмет познания, но и свои научные методы, которые она использует для познания закономерностей, образующих ее предмет. Исходя из накопленной практики использования существующих научных методов познания применительно к сфере ОРД, В.А. Лукашов предложил следующую систему методов научных исследований проблем ОРД:

- 1) диалектический метод научного познания – диалектический материализм, который служит основой применения общенаучных методов исследования;
- 2) общенаучные методы исследования:
 - а) метод логической обработки материалов;
 - б) историко-логический метод;
 - в) математический и статистический методы;
 - г) социологические методы;
 - д) психологические и социально-психологические методы;
 - е) системно-структурный метод;
 - ж) метод моделирования;
 - з) теоретико-экспериментальный метод;
 - и) программно-целевой метод. [10, с. 102]

В наши цели не входит детальный анализ приведенных методов научного познания и их обоснованности, в целом с ними можно согласиться. Они потребовались нам для того, чтобы продемонстрировать систему методов научного познания, используемых учеными при исследовании организационно-управленческих, оперативно-тактических и правовых проблем ОРД.

ОРД как разновидность правоохранительной деятельности по своему содержанию, целям, средствам отличается от научного исследования. Вместе с тем как в ОРД, так и в научном исследовании могут применяться одноименные методы познания, гносеологическая сущность которых остается одной и той же независимо от сферы применения.

Отметим в связи с этим интересные суждения Р.С. Белкина, который, рассматривая соотношение и связь методов криминалистики и методов практической деятельности по борьбе с преступностью, резонно указывает: «Так, например, наблюдение и в том, и в другом случае представляет собой планомерное, целеустремленное, преднамеренное восприятие, сущность которого не изменится независимо от того, будет ли применять данный метод следователь или ученый-криминалист. Однако условия применения этого метода познания, объект наблюдения, цель наблюдения и др. будут в обоих случаях различными, что не может не отразиться на приемах наблюдения, его роли в процессе познания, достоверности результатов этого метода и т.п. Различия между научным и судебным исследованиями определяют и ту специфику, которую приобретают общие методы познания при их применении в борьбе с преступностью» [3, с. 241]. Думается, сказанное в полной мере сохраняет значение для анализа соотношения и связи методов оперативно-розыскной теории и методов практической деятельности субъектов ОРД.

Характеризуя соотношение методов теории ОРД и методов практической деятельности субъектов ОРД, следует иметь в виду, что некоторые общенаучные методы исследования организационно-управленческих, оперативно-тактических и правовых проблем ОРД бывает невозможно применить в повседневной практической деятельности при решении задач ОРД. Как отмечалось выше, рассматривая систему общенаучных методов исследования теории ОРД, В.А. Лукашов, в частности, выделяет историко-логический метод, «при использовании которого генетический анализ изучаемых явлений и процессов в сфере ОРД отражает логику их развития, раскрывает перед исследователем их содер-

жание в виде последовательного во времени углубления наших знаний» [10, с. 104].

Представляется, что при всей важности практического изучения истории ОРД данный метод научного познания может оказаться вообще неприменимым, например при проведении ОРМ, проводимых по конкретному делу оперативного учета. В то же время некоторые методы практической деятельности субъектов ОРД, например агентурный метод, по нашему мнению, не могут быть использованы как методы научных изысканий ученого.

Изучение специальной литературы показывает, что в ходе формирования научных представлений в теории ОРД сложилась целая система взглядов относительно методов практической деятельности (далее – методы ОРД), их разновидностей и др.

Так, с точки зрения А.Е. Чечётина, к методам ОРД относятся разведывательный опрос, оперативное наблюдение, оперативный осмотр, оперативное распознавание, агентурный метод, оперативная комбинация, экспериментальный метод, метод аналитической разведки, легендирование, метод контроля сетей электросвязи. [11, с. 31-37] Не вдаваясь в детальный анализ приведенных суждений, отметим лишь определенное смешение автором отдельных методов ОРД с некоторыми оперативно-розыскными мероприятиями, перечисленными в настоящее время в ст. 6 ФЗ об ОРД.

К сожалению, в теории ОРД не сложилась еще полная ясность о соотношении методов ОРД и оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Следует заметить, что объективные трудности в соотношении ОРМ и методов ОРД стали создаваться с принятием в 1992 г. Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» и в 1995 г. Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В определенной мере это объясняется тем, что в указанных законах отдельные ранее традиционно рассматриваемые в специальной литературе методы ОРД (разведывательный опрос, скрытое наблюдение, оперативный осмотр) были отнесены законодателем к самостоятельным ОРМ.

В соответствии со ст. 6 ФЗ об ОРД опрос, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружения, участков местности и транспортных средств включены в перечень ОРМ.

Как нам представляется, каждый метод ОРД (способ, прием) должен обладать «самостоятельностью» с точки зрения его применения. В связи с этим недопустимо, на наш взгляд, именовать методом ОРД разведывательный опрос, оперативное наблюдение, учитывая, что опрос, наблюдение законодатель закрепил в качестве самостоятельных ОРМ. Методы ОРД должны дополнять структуру ОРД, но не подменять собой ОРМ.

Анализ современных подходов к понятию ОРМ позволяет предложить следующее определение: ОРМ – это предусмотренные законом и подзаконными нормативными актами органов, осуществляющих ОРД, разведывательно-поисковые действия, проводимые уполномоченным субъектом преимущественно негласными средствами и методами при наличии определенных оснований и в соответствии с установленным порядком, направленные на получение, фиксацию и проверку сведений, предметов и документов как источников таких данных, значимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также для решения иных оперативно-розыскных задач.

Укажем основные признаки (черты), которые, по нашему мнению, характеризуют методы ОРД:

1) методы ОРД используются для практического решения оперативно-розыскных задач, в том числе выступают как инструмент, способствующий получению оперативно значимой информации;

2) методы ОРД используются должностными лицами органов, уполномоченных на осуществление ОРД, а также лицами, оказывающими конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, в качестве средства реализации предоставленной им компетенции. Объем полномочий указанных лиц, определяется ФЗ об ОРД, иными законами и подзаконными нормативными актами, в том числе МВД России;

3) методы ОРД всегда реализуются в конкретных организационно-тактических формах ОРД. Основные организационно-тактические формы (комплексы) ОРД, в ходе которых применяются методы ОРД, включают: выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, оперативно-розыскную профилактику преступлений, оперативную разработку, оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений и др.

Важнейшей правовой формой применения методов ОРД являются ОРМ. Аналогичной позиции придерживается Д.В. Ривман, который, формулируя определение ОРМ, указывает, что это «комплекс (система) ... организационно упорядоченных, целенаправленных, предназначенных для решения конкретных оперативных задач по борьбе с преступностью, нормативно регламентированных гласных и негласных действий, реализуемых с использованием специальных методов и средств» [8, с. 12].

Вне проявления указанных организационно-тактических форм методы ОРД внешне проявляться не могут;

4) один и тот же метод ОРД может использоваться при проведении различных ОРМ. Например, агентурный метод, суть которого заключается в разведывательно-поисковых приемах и способах, основанных на легендированном поведении уполномоченных субъектов и доверительных отношениях с объектом оперативной заинтересованности, используемых для получения от него оперативно значимой информации [6], может применяться, например, при проведении таких ОРМ, как оперативное внедрение, наведение, опрос;

5) перечень ОРМ ограничен законодателем (ст. 6 ФЗ об ОРД). Перечень методов ОРД по мере совершенствования практики, развития теории ОРД постоянно уточняется; одни методы утрачивают значение, другие – берутся на вооружение.

Следует отметить, что в отдельных работах при исследовании сущности отдельных ОРМ иногда допускается подмена ОРМ методами ОРД. Так, в одном из комментариев к Федеральному закону «Об оперативно-ро-

зыскной деятельности» отмечается, что анализ текста ст. 6 данного закона свидетельствует о том, что в ней определены «различные методы сбора, проверки и обеспечения использования информации, связанной со сферой и инфраструктурой преступности». Далее в этой же работе формулируются понятия отдельных ОРМ. При этом последние определяют через понятие метод: опрос – эмпирический метод, который адаптирован различными видами правоохранительной деятельности, в том числе ОРД; наведение справок – это ОРМ, основанное на эмпирическом методе, обеспечивающем выяснение сведений, характеризующих лиц и другие объекты материального мира; проверочная закупка – один из методов сбора образцов для сравнительного исследования, применяемых оперативными подразделениями и т.п. [4, с. 202, 206, 209]

По нашему мнению, при такой трактовке происходит подмена понятия ОРМ методами ОРД, которая едва ли способствует правильному пониманию сущности как первых, так и вторых. Кроме этого добавим, что приведенные определения ОРМ формулируются без учета нормативных предписаний ФЗ об ОРД. Как отмечалось выше, законодатель четко разделяет указанные понятия.

Мы готовы согласиться с мнением А.Е. Чечётина, что, используя понятие «метод» в правовых нормах, законодатель тем самым дает ему юридическое право на жизнь как самостоятельному институту оперативно-розыскной деятельности наряду с оперативно-розыскными мероприятиями. [11, с. 30]

Такой же точки зрения придерживаются другие авторы. Отвечая на вопрос: нуж-

но ли вообще использовать такую категорию, как «методы ОРД», В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров указывают, что в процессе осуществления ОРД выполняются определенные действия, которые не могут быть отнесены к ОРМ. И не столько по причине их отсутствия в законе, сколько потому, что по своему содержанию они отличаются от ОРМ. К таким действиям авторы отнесли: ведение переговоров с преступниками, использование в оперативно-розыскной практике гипноза и экстраординарных психофизиологических возможностей человека, разработку и использование психологического портрета предполагаемого преступника. Подводя итог сказанному, ученые делают вывод о том, что необходимо сформулировать и научно обосновать исходные положения, определяющие сущность методов как самостоятельного института ОРД, их отличия от ОРМ и т.д. [2, с. 22-23]

По нашему мнению, в перечень методов ОРД можно включить следующие: аналитическая разведка [5], метод оперативно-экономического анализа [7, с. 29-43], оперативное распознавание [10, с. 452-456].

С нашей точки зрения, с учетом перечисленных отличительных признаков методов ОРД можно предложить следующее определение. Под методами ОРД (методами практической деятельности субъектов ОРД) следует понимать комплексы тактически однородных, научно обоснованных разведывательно-поисковых приемов и способов, избираемых и используемых с учетом сложившейся оперативно-розыскной ситуации и конкретных фактических обстоятельств в целях решения оперативно-розыскных задач.

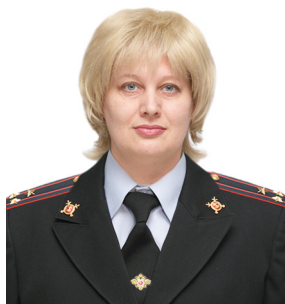
Библиографический список

1. Андреев, И.Д. Методологические основы познания социальных явлений : монография / И.Д. Андреев. – М., 1977.
2. Аتماжитов, В.М. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : труды Академии управления МВД России. – М., 2001. – С. 20-32.
3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – С. 241.
4. Горяинов, К.К. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : комментарий / К.К. Горяинов, Ю.Ф. Кваша, К.В. Сурков. – М., 1997.
5. Гриб, В.Г. Использование аналитических методов в информационной разведке специализированных подразделений / В.Г. Гриб, А.В. Макиенко // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией. – М., 1996.
6. Климов, И.А. Агентурный метод защиты личности, общества, государства и борьбы с преступностью : монография / И.А. Климов, Г.К. Синилов, Л.Л. Тузов ; под общ. ред. Г.К. Синилова. – Калининград, 2002.
7. Леханова, Е.С. Оперативно-экономический анализ в профессиональной подготовке кадров сотрудников правоохранительных органов по борьбе с отмыванием денег / Е.С. Леханова // Актуальные вопросы подготовки кадров в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. – М., 2009. – С. 29-43.
8. Ривман, Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Д.В. Ривман. – СПб. 2003.
9. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
10. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М., 2006.
11. Чечётин, А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура : препринт / А.Е. Чечётин. – Барнаул. 2004.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

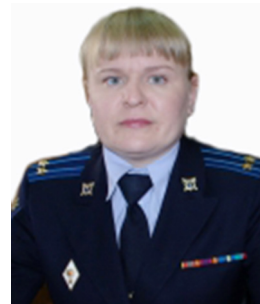
УДК 343.985.7

**Елена Евгеньевна
КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ,**

доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент

kontra2505@mail.ru

**Наталья Геннадьевна
ПРЕЙС,**

заместитель начальника Сибирского линейного управления МВД России – начальник следственного управления

Natalya_preis@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ, А ТАКЖЕ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОГО ЛУ МВД РОССИИ)

TOPICAL ISSUES OF INVESTIGATIVE PRACTICE OF SMUGGLING NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, THEIR PRECURSORS OR ANALOGUES AS WELL AS HIGHLY POTENT SUBSTANCES (BASED ON DATA OF SIBERIAN TRANSPORT POLICE DEPARTMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

В статье проведен анализ элементов предмета доказывания контрабанды наркотиков, а именно: предмета преступления, в качестве которого выступают наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества; способа осуществления преступных действий; субъективной стороны данного вида преступных посягательств; субъекта преступления. Кроме того, на основе анализа практики расследования контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, а также сильнодействующих веществ выявлены проблемы, возникающие в процессе доказывания отдельных элементов данных преступлений. В качестве таковых выступили: субъективная сторона преступления, предмет посягательства, место, способ преступления. Также авторами предлагается базовая система тактических задач расследования, позволяющая алгоритмизировать данный процесс, что позволит повысить качество расследования анализируемого вида преступлений.

The analysis of the elements of the subject-matter of the case in smuggling drugs is presented in the article and namely, target of crime that is narcotic drugs, psychotropic and highly potent substances, modus operandi in the crime, mens rea (state of mind) in the given type of crime and the perpetrator. Furthermore some problems arising in the course of proving individual elements of mentioned crimes are identified in the article based on the analysis of investigative practice of smuggling narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors or analogues as well as highly potent substances. Mens rea (state of mind), target of crime, crime scene and modus operandi are considered as individual elements of such crimes. The authors present the basic system of tactical investigative tasks, allowing to make an algorithm of the investigation that enables to improve the quality of the investigation of the crime type being analyzed.

Ключевые слова: контрабанда наркотиков, предмет доказывания контрабанды наркотиков, тактические задачи расследования контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, а также сильнодействующих веществ.

Keywords: drug smuggling, subject-matter of the case in smuggling drugs, tactical tasks of investigation of the smuggling of drugs, psychotropic substances, their analogues or precursors and potent substances.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации (URL: <http://crimestat.ru>), в 2017 г. на территории России зарегистрированы 2058476 преступлений, из них 208681 (10,1% от общего количества) – в сфере незаконного оборота наркотиков (+3,7%). Среди преступлений, совершенных на транспорте, – связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ – 10821 (+5%).

Согласно данным официального сайта МВД России (URL: <https://мвд.рф/reports>), в этой группе преступлений незаконные производство, сбыт, пересылка, приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, а также нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ составляют 97,4% (203393 преступления); только их сбыт – 51,5% (107446 преступлений); незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно сбыт сильнодействующих веществ составили 0,4% (894 преступления); на долю контрабанды (ст. 229.1 УК РФ) приходится 0,3% (711 преступлений); на пересылку наркотических средств или психотропных веществ – 0,1% (229 преступлений); на производство – 0,08% (172 преступления); хищения либо вымогательство наркотических средств, психотропных веществ составили 0,03% (78 преступлений). И эти тенденции сохраняются на протяжении нескольких лет.

Количество случаев контрабанды наркотиков в общем массиве деяний, образующих незаконный оборот наркотиков, не очень велико, однако на практике расследование этой категории преступлений нередко затруднено рядом факторов, что требует комплексного анализа проблем в целях разработки эффективных криминалистических рекомендаций по расследованию анализируемых деяний.

Обратимся к элементам предмета доказывания исследуемых составов преступлений.

Напомним, что контрабанда наркотиков, согласно ст. 229.1 УК РФ, представляет собой незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

Статья 226.1 УК РФ предусматривает ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ.

Первым элементом в предмете доказывания этих преступлений является собственно их предмет (здесь и далее курсив наш. – Е.К., Н.П.). В качестве такового могут выступать: наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо части этих растений, инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, а также сильнодействующие вещества.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О судебной практике по делам о контрабанде» [1] подчеркнул, что при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1 УК РФ, судам необходимо

устанавливать принадлежность незаконно перемещенных товаров или иных предметов к перечисленным в этих статьях предметам контрабанды. Если при установлении принадлежности незаконно перемещенных товаров или иных предметов к предметам контрабанды требуются специальные познания, то суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов.

Доказыванию также подлежит объективная сторона преступления, которая представляет собой незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза¹ либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза предмета преступления. Это означает совершение действий по ввозу или вывозу указанных предметов любым способом, определенным таможенным законодательством.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1 УК РФ, в тех случаях, когда незаконное перемещение предмета контрабанды осуществлено не только через таможенную границу, но и через государственную границу, содеянное следует рассматривать как одно преступление при наличии единого умысла лица на совершение перечисленных действий. Если у лица, совершившего контрабанду предметов, указанных в статьях 226.1 и 229.1 УК РФ, через таможенную границу, в дальнейшем возник умысел на перемещение этих же предметов через государственную границу, содеянное образует совокупность преступлений.

Если лицо наряду с незаконным перемещением через таможенную границу либо через государственную границу предметов, перечисленных в статьях 226.1 и 229.1 УК РФ, совершает умышленное противоправное деяние, связанное с незаконным оборотом этих предметов, в том числе их перевозку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 226.1 и (или) 229.1 УК РФ и соот-

ветствующими статьями УК РФ (в частности, статьями 218, 220, 222, 222.1, 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 234, 355 УК РФ). [1]

В соответствии с пунктом 5 указанного постановления под незаконным перемещением товаров или иных предметов через таможенную границу следует понимать перемещение товаров или иных предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

Что касается доказывания конкретного способа контрабанды, то согласно этому же постановлению незаконное перемещение товаров или иных предметов через таможенную границу при контрабанде может совершаться посредством сокрытия от таможенного контроля товаров или иных предметов, то есть путем совершения любых действий, направленных на то, чтобы затруднить обнаружение таких товаров (предметов) либо утаить их подлинные свойства или количество, это могут быть придание одним товарам (предметам) вида других, использование тайников, специально изготовленных или приспособленных для контрабанды в предметах багажа, одежды или оборудованных на транспортных средствах, используемых для перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу.

В качестве третьего элемента в предмете доказывания следует назвать место совершения преступления, которым выступает либо таможенная граница Таможенного союза, если эта граница контролируется компетентными органами Российской Федерации (т.е. фактически внешняя граница Таможенного

¹ Таможенный союз стран Евразийского экономического союза – соглашение двух или более государств (форма межгосударственного соглашения) об отмене таможенных пошлин в торговле между ними. Таможенный союз предусматривает также образование «единой таможенной территории». В 2017 году Таможенный союз состоял из следующих членов ЕАЭС: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

союза с сопредельными государствами, не входящими в указанный союз, при условии, что она находится на территории Российской Федерации), либо Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза. Если предмет преступления перемещается через таможенную границу Таможенного союза, однако эта граница находится на территории государств – членов Таможенного союза, российский уголовный закон – общее правило – к таким действиям не применяется (ст. 11 УК РФ). [2]

Субъективная сторона контрабанды характеризуется виной в форме только прямого умысла. Прямой умысел заключается в том, что лицо осознает, что незаконно перемещает через таможенную границу Российской Федерации соответствующие предметы, предвидит опасность своих действий и желает такого результата. Цель и мотив преступления не входят в содержание субъективной стороны контрабанды, но могут учитываться при назначении наказания.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Как показывает анализ следственной практики, наиболее часто проблемы возникают при расследовании контрабанды сильнодействующих веществ, поскольку затруднено доказывание ряда элементов, входящих в его предмет.

Во-первых, это субъективная сторона преступления.

Как правило, задержанные лица выдвигают следующие оправдательные обстоятельства:

– незнание того, что средство является психоактивным веществом.

Так, обвиняемый Р. в ходе допроса показал, что «не знал, что заказанные им препараты являются сильнодействующими и запрещены в свободном обороте на территории Российской Федерации, так как он заказывал курсы спортивных добавок, состав данных препаратов указан не был. Было только указано, что препарат предназначен для увеличения выносливости и укрепления мышц, восстановления суставов...» (обвинительное заключение по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного ст. 226.1

УК РФ. Архив Сибирского ЛУ МВД России). Аналогична позиция обвиняемого М., который в ходе допроса заявил, что «со своего домашнего компьютера заказал препарат, он знал, что это стероид, но не знал его состав, т.к. на сайте он указан не был. Также он не знал, что стероиды, и в частности стероид «TURANOBOL», содержат в себе сильнодействующее вещество» (обвинительное заключение по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ. Архив Сибирского ЛУ МВД России);

– незнание того, что предмет преступления пересекает границу государства.

Так, обвиняемый М. в ходе допроса показал, что «вину свою не признает, т.к. заказывал препарат в магазине «Рустероид», он не знал, что магазин находится на территории Республики Беларусь и доставка будет осуществляться из указанной страны. О том, что препарат доставлен из Республики Беларусь он узнал непосредственно при задержании от сотрудников полиции» (обвинительное заключение по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ. Архив Сибирского ЛУ МВД России). В данном случае сложность вызывает не только доказывание наличия умысла на перемещение запрещенного вещества через границу, но и доказывание момента возникновения этого умысла;

– ссылка на то, что перемещается лекарство, а не запрещенное вещество.

При выдвижении такого оправдательного обстоятельства трудности доказывания субъективной стороны связаны еще и с тем, что Конституционный Суд РФ постановил «признать положение статьи 226.1 УК РФ, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ, не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное положение – при наличии приводящей к его произвольному истолкованию и применению неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рам-

ках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, – не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия» [2].

Во-вторых, трудности возникают при доказывании собственно предмета преступления, когда им выступает аналог наркотического средства или психотропного вещества или новое потенциально опасное психоактивное вещество¹. Это обусловлено отсутствием достаточного количества специалистов (экспертов), осуществляющих производство химико-токсикологической экспертизы в целях подтверждения того факта, что психоактивное вещество оказывает действие, аналогичное действию наркотического средства или психотропного вещества.

В-третьих, трудности связаны с доказыванием места пересечения и времени совершения преступления, тем более в тех случаях, когда перемещение осуществляется почтово-багажными отправлениями на самолете, поезде, а также посылками посредством почтовых отправлений.

Также может возникнуть трудность в доказывании способа (события) преступления в случаях, когда, например, задержанный с наркотическим средством при пересечении границы на транспортном средстве утверждает, что сам его употребляет, но забыл выложить из личных вещей, одежды. Это также затрудняет и доказывание субъективной стороны преступления.

Выдвижение таких оправдательных обстоятельств приводит к следующим последствиям. Если предметом выступает наркотическое средство, то при недоказуемости

умысла на совершение незаконного перемещения запрещенного предмета через границу у сотрудников правоохранительных органов остается возможность привлечь лицо к уголовной ответственности за незаконное хранение наркотика. Если же предметом выступает сильнодействующее вещество и не доказан умысел на сбыт или на перемещение, то ни состав преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ, ни состав преступления, предусмотренного статьей 234 УК РФ, доказан быть не может.

Еще одна трудность в процессе расследования обусловлена организованным характером деятельности контрабандистов, на что неоднократно в своих трудах указывали ученые-криминалисты. Так, авторами выявлено, что «структуры преступных групп, организаций, сообществ построены по сетевому признаку и носят сложный характер. Основу структуры составляют соты или ячейки, в которые входят до 5 человек, в них действует иерархическая система с распределением ролей. Существующая специализация членов организованной преступной деятельности позволяет, во-первых, повышать эффективность наркобизнеса, а во-вторых, является гарантией безопасного функционирования входящих в ее состав организаций. Поэтому провал одного из членов или ячейки не влияет на стабильность функционирования всей системы в целом» [4].

Это приводит к тому, что, во-первых, затруднено выявление всей структуры группы; во-вторых, усложняется доказывание функциональных ролей в группе контрабандистов.

Примером совершения контрабанды наркотиков группой лиц может быть следующий: А. сообщил К. об имеющемся у него наркотике, передал ей незаконно хранящееся у него наркотическое средство, дав указание скрыть его при себе, а впоследствии переместить с территории Российской Федерации на территорию Республики Абхазия.

1 В Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен, включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом (статья 2.2 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

Осознавая преступные намерения А., К. выразила словесное согласие на совершение преступления, приняла от А. наркотические средства, тем самым вступила с ним в преступный сговор с целью незаконного хранения без цели сбыта, а также контрабанды наркотических средств. Действуя по указанию А., примерно в 07 часов 27 сентября 2012 года, находясь в комнате отдыха сауны <...>, К. получила от А. сверток с наркотическими средствами, с целью обеспечения безопасности их незаконного хранения и сокрытия от таможенного контроля при последующем перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС дополнительно обернула его в полимерный пакет розового цвета, а затем поместила себе во влагиалище, после чего стала незаконно хранить при себе без цели сбыта. 27 сентября 2012 года в 18 часов 45 минут А. и К., действуя группой лиц по предварительному сговору, прибыли на линию совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля № <...> (пешеходная составляющая) таможенного поста МАПП <...> Сочинской таможни, расположенного <...>. В тот же день примерно в 18 часов 50 минут при пересечении таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС из Российской Федерации в Республику Абхазия К. была задержана сотрудниками Сочинской таможни, после чего в период с 18 часов 55 минут до 19 часов 15 минут при проведении ее личного таможенного досмотра самостоятельно извлекла у себя из влагиалища и выдала полимерный пакет розового цвета с находящимся внутри свертком из фольгированной бумаги черного цвета, в котором были упакованы три свертка четырехугольной формы, обернутых скотчем коричневого цвета, в двух из которых находилось вещество белого цвета, которое согласно заключению эксперта № <...> от <...> является наркотическим средством <...> общей массой 0,65 грамма (приговор по делу № 1-122/13 Адлерского районного суда г. Сочи от 05.03.2013. URL: <https://rospravosudie.com>).

Как видно, несмотря на незначительное количество данных преступлений в общей структуре преступности в сфере незаконно-

го оборота наркотиков, их расследование на практике требует усиления доказательственной базы по ряду элементов состава преступления, что нередко происходит в ситуации активного противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Эти выводы позволяют говорить о необходимости алгоритмизации процесса расследования данного вида преступлений и разработки перечня необходимых тактических задач и средств их решения для усиления доказательственной базы.

Ранее нами предлагалась система тактических задач в целом при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, где отмечалось, что общими тактическими задачами по исследуемой категории преступлений будут являться:

- «Предварительная проверка первичных материалов о преступлении»;
- «Доказывание виновности», которая, в свою очередь, может решаться через ряд промежуточных тактических задач:
 - а) «Доказывание объективной стороны преступления»;
 - б) «Установление признаков субъективной стороны преступления»;
 - в) «Установление предмета преступной деятельности» (специфическая для данной группы преступлений);
 - «Установление факта получения денежных средств и (или) иного имущества в результате совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотиков» (в целях обеспечения последующей конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ);
 - «Изучение личности обвиняемого»;
 - «Установление причин и условий совершения преступления с целью их профилактики».

Факультативными тактическими задачами могут быть:

- «Установление лица, совершившего преступление» (в случае совершения так называемого «неочевидного» преступления);
- «Установление структуры группы и доказывание функциональных ролей ее участников» (в случае группового характера преступления);

– «Нейтрализация противодействия со стороны заинтересованных лиц» (в случае его оказания);

– «Установление факта совершения нескольких нераскрытых преступлений одним лицом». [3]

С учетом вышеизложенного можно рекомендовать некоторый набор тактических задач расследования контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, а также сильнодействующих веществ, последовательное решение которых позволит алгоритмизировать этот процесс, повысив тем самым эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с данным видом преступлений. Представляется, что первоочередными в данном списке будут следующие тактические задачи:

– «Предварительная проверка первичных материалов о преступлении»;

– в рамках решения тактической задачи «Доказывание виновности» доказывание объективной и субъективной сторон преступления и предмета преступной деятельности;

– «Установление структуры группы и доказывание функциональных ролей ее участников»;

– «Нейтрализация противодействия со стороны заинтересованных лиц».

Изучение вопросов о последовательности решения данных тактических задач с учетом возникающих на практике следственных ситуаций и набора средств их решения требует дальнейшего научного анализа и задает перспективы исследования в направлении разработки основ методики расследования контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, а также сильнодействующих веществ.

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о контрабанде : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 // СПС КонсультантПлюс.

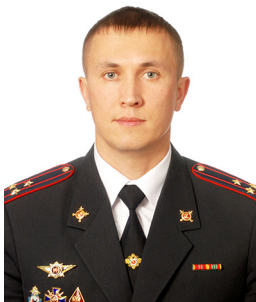
2. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева : постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П // СПС КонсультантПлюс.

3. Космодемьянская, Е.Е. Методика расследования незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры : учебное пособие / Е.Е. Космодемьянская, М.Г. Ермаков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017.

4. Чистова, Л.Е. Личность преступника по делам о контрабанде наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, как элемент криминалистической характеристики преступлений данного вида / Л.Е. Чистова // СПС КонсультантПлюс.

УДК 343.102+343.13

Даниил Георгиевич ШАШИН,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ, ВЕЩЕСТВ И ДОКУМЕНТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБСЛЕДОВАНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

PROBLEMS OF SEIZING ITEMS, SUBSTANCES AND DOCUMENTS IN THE COURSE OF INSPECTION OF HABITABLE PREMISES BY OPERATIONAL DRUG CONTROL UNITS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

В статье рассматриваются проблемы изъятия запрещенных или ограниченных в обороте предметов и веществ, а также документов, обнаруженных при проведении обследования жилого помещения. Даются ответы на вопросы, возникающие в практической деятельности оперативных подразделений: а) будет ли признан законным протокол обследования помещения и изъятия предметов и документов и будут ли изъятые в ходе оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) предметы и вещества приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств; б) необходимо ли при обнаружении в ходе ОРМ запрещенных веществ сообщить в дежурную часть, зарегистрировать сообщение о преступлении, вызвать следственно-оперативную группу и дальнейшее изъятие проводить в рамках осмотра места происшествия.

The issues of seizing prohibited (banned) or restricted for turnover items and substances as well as documents discovered in the course of inspection of habitable premises are considered in the article. The author gives answers to the questions arising in the practice of operational units activities: a) whether the record on inspection of premises and seizing items and documents is considered legitimate and whether items and substances seized in the course of operational-search activities are entered into the case file as physical evidence; b) whether it is necessary to report prohibited substances discovered in the course of operational-search activities to the police dispatch room, to register the crime report, to call an operational investigative group and to continue seizure within the framework of a crime scene investigation.

Ключевые слова: обследование жилища, изъятие, следственно-оперативная группа, запрещенные или ограниченные в обороте предметы и вещества, документы, имеющие признаки подделки.

Keywords: inspection of premises, seizure, operational investigative group, prohibited or restricted items and substances, documents with signs of forgery.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) при решении задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), перечисленные в ст. 6 закона об ОРД, производить при их проведе-

нии изъятие документов, предметов, материалов и сообщений.

Одним из таких ОРМ, часто применяемым в практической деятельности оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков, является ОРМ, предусмотренное п. 8 ст. 6 закона об ОРД, – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование). Нередко при проведении

рассматриваемого ОРМ в жилом помещении обнаруживаются запрещенные или ограниченные в обороте предметы и вещества или документы, имеющие признаки подделки, которые необходимо изъять, что вызывает определенные трудности в связи с неоднозначностью оперативно-следственной практики по данной проблематике.

В практике оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков зачастую характерна следующая ситуация и связанные с этим вопросы.

В соответствии с предписаниями закона об ОРД сотрудники оперативных подразделений, имея постановление суда о проведении обследования в жилище, обнаруживают при проведении ОРМ наркотические средства или иные запрещенные или ограниченные в обороте предметы и вещества. Трудности вызывают следующие вопросы: а) будет ли признан законным протокол обследования помещения и изъятия предметов и документов и будут ли изъятые в ходе ОРМ предметы и вещества приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств; б) необходимо ли при обнаружении запрещенных веществ в ходе ОРМ сообщать в дежурную часть, зарегистрировать сообщение о преступлении, вызвать СОГ и дальнейшее изъятие проводить в рамках осмотра места происшествия?¹

Во-первых, обратим внимание на составляемый при обследовании документ, если производится изъятие. При проведении обследования подлежат изъятию обнаруженные документы, имеющие признаки подделки, а также вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, находящиеся у лиц без специального разрешения, при этом Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (приказ МВД России от 01.04.2014 № 199) устанавливает, что результаты изъятия оформляются протоколом. Отметим, что инструк-

ция не регламентирует порядок проведения обследования жилого помещения, однако методы и порядок проведения обследования в целом не отличаются от порядка обследования иных помещений. Указанная инструкция в части составления протокола при изъятии в рамках ОРМ не противоречит закону об ОРД.

Как устанавливает ч. 1 ст. 15 закона об ОРД: «В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных ОРМ должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации».

Протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. Однако ни закон об ОРД, ни приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 не указывают точного названия составляемого протокола. На практике встречаются следующие названия: «протокол обследования помещения и изъятия предметов и документов», «протокол изъятия», «протокол изъятия запрещенных или ограниченных в обороте предметов, веществ» и другие. Считаем, что какого-либо принципиального значения название документа не имеет, если, конечно, оно полностью не будет противоречить нормативным предписаниям (например, если документ будет назван актом изъятия, выемки и т.д.). В свою очередь, содержание протокола имеет большое значение.

В протоколе должно быть отражено следующее:

- 1) место и дата проведения обследования, в ходе которого проводилось изъятие, время его начала и окончания с точностью до минуты;
- 2) должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;
- 3) фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в обследовании, а в необходимых случаях их адреса и другие данные о личности;
- 4) перечень изъятых предметов и документов, а также обнаруженных документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых

¹ Данные вопросы были получены в письменном виде из УНК УМВД по Чукотскому автономному округу. Название протокола и содержание вопросов полностью сохранены.

из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения, с указанием их количества и индивидуальных признаков;

5) сведения о технических средствах, использованных при проведении обследования, объекты, к которым эти средства были применены, общее время аудио-, видеозаписи.

Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в обследовании. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении, в том числе и собственноручно. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола удостоверяются подписями этих лиц.

Протокол подписывается лицом, составившим его, и лицами, участвовавшими в обследовании. Если лицо, участвующее в обследовании, отказалось подписать протокол, сотрудник, проводивший обследование, вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется его подписью, а также подписями лиц, приглашенных для удостоверения факта, содержания, хода проведения и результатов обследования.

Лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое подлежит обязательному занесению в протокол, в том числе по его желанию собственноручно.

После подписания протокола изготавливается его копия, которая передается юридическому лицу либо физическому лицу, указанному в протоколе, о чем в нем делается запись. При невозможности изготовления копии протокол составляется в двух экземплярах.

В случае отказа от получения, а также при невозможности вручить копию протокола по иным обстоятельствам об этом делаются отметки в протоколе и в его копии (втором экземпляре), удостоверенные подписью сотрудника, проводившего обследование, а также подписями лиц, приглашенных для удостоверения факта, содержания, хода проведения и результатов обследования.

Копия протокола (второй экземпляр) направляется юридическому лицу либо физи-

ческому лицу, указанному в протоколе, по почте заказным письмом не позднее рабочего дня, следующего за днем окончания обследования.

Во-вторых, отвечая на вопросы, поясним следующее. В соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной межведомственным приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/182 0/42/535/398/68, результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД.

Представляется, что при обнаружении каких-либо запрещенных предметов сотрудниками полиции при обследовании может быть составлен рапорт об обнаружении признаков преступления, который и должен быть зарегистрирован в установленном порядке в дежурной части. К нему будут приложены все документы по проведению изъятия для последующего принятия правового решения в соответствии с нормами УПК РФ: судебное разрешение на проведение обследования жилища, протокол изъятия, объяснения присутствующих лиц и сотрудников полиции, копия направления на исследование изъятых, заключение специалиста об исследовании изъятых и другие документы (перечислено основное). В этом случае результаты ОРД будут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 11 закона об ОРД).

Оснований для признания протокола изъятия, составленного в соответствии с требованиями законодательства, незаконным мы не находим. Более того, также не имеется оснований не признавать изъятые в данном случае предметы, вещества или документы вещественными доказательствами по уголовному делу, так как последние, в зависимости от ситуации служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления либо являются: а) предметами,

веществами или документами, на которые были направлены преступные действия; б) полученными в результате совершения преступления деньгами, ценностями и иным имуществом; в) иными предметами и документами, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 81 УПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 81 УПК РФ указанные предметы, документы и вещества признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление лицом, осуществляющим предварительное расследование.

С другой стороны, вызов следственно-оперативной группы (СОГ) для производства изъятия при проведении осмотра жилища (при обнаружении запрещенных предметов в процессе проведения рассматриваемого ОРМ) многое может осложнить. Так, следственный осмотр жилого помещения может быть произведен либо с согласия проживающих в нем лиц, либо на основании судебного решения (ч. 5 ст. 177 УПК РФ). Трудно представить, что проживающие лица дадут согласие на производство осмотра жилища. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, следователь или дознаватель возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра. Думается, что в период дежурных суток у следователя или дознавателя, входящего в СОГ, на это мало возможностей в силу необходимости выездов на места происшествий и ограниченности во времени.

Теоретически существует и еще один вариант решения ситуации: проведение осмотра жилища в «неотложном порядке» с последующим направлением материалов для проверки его законности в суд. Рассматриваемый вариант не вполне пригоден по следующим соображениям.

УПК РФ устанавливает, что «ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 часов

с момента поступления указанного ходатайства» (ч. 2 ст. 165 УПК РФ). Заметим, что чаще всего органы предварительного расследования обращаются в суды по месту их нахождения, то есть территории обслуживания, а СОГ, в свою очередь, не может выезжать на происшествия, происходящие не в зоне обслуживания территориального ОВД.

Закон об ОРД также гласит, что рассмотрение материалов, связанных с ограничением неприкосновенности жилища при проведении ОРМ, осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении (ч. 1 ст. 9 закона об ОРД). Данное законоположение оспаривалось В.Н. Дудченко в Конституционном Суде РФ. Заявитель утверждал, что эта статья не определяет, к подсудности суда какого уровня относится рассмотрение ходатайств органов, осуществляющих ОРД, и в силу своей неопределенности позволяет указанным органам обращаться с ходатайством о разрешении проведения ОРМ в любой суд по своему усмотрению, а не в районный суд, как это установлено уголовно-процессуальным законом для получения разрешения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права (ст. 165 и 186 УПК РФ). Тем самым, по мнению заявителя, было нарушено конституционное право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ).

Конституционный Суд РФ установил, что определение на основе действующего нормативного регулирования подсудности конкретных дел и материалов относится к ведению судов общей юрисдикции. При этом вопрос о принятии тем или иным судом к рассмотрению ходатайства о проведении ОРМ, связанного с ограничением конституционных прав и свобод граждан, должен решаться исходя из положений не только ст. 9 закона об ОРД, но и ст. 165 и 186 УПК РФ, определяющих подсудность материалов по ходатайствам органов предварительного расследования и прокурора о проведении следственных действий (в том числе контроля и записи телефонных переговоров), ограничивающих конститу-

ционные права и свободы граждан, а также ст. 31-36 УПК РФ, устанавливающих общие правила подсудности уголовных дел, в связи с возбуждением или расследованием которых проводится соответствующее ОРМ. [4]

Если представить, что инициатором является оперативное подразделение территориального ОВД, которое обслуживает указанную территорию (отдел, отделение, группа), то судебное разрешение на проведение ОРМ будет получено в районном суде, то есть там же, куда и должен будет обратитьсяследователь, состоящий в СОГ. Проводить ОРМ с целью выявления преступлений не на «своей» территории оперативному подразделению территориального ОВД просто невыгодно в силу не только распространения юрисдикции на указанную территорию иного ОВД, но и статистических показателей: уголовное дело будет возбуждено там, где совершено преступление, то есть по правилам территориальной подследственности, следовательно, будет учитываться за ОВД, обслуживающим данную территорию.

Получается, что практически одновременно оперативное подразделение обратится и получит разрешение судьи на проведение обследования и через некоторое время по подобному вопросу (получение разрешение на осмотр жилища или на признание его законным) обратитсяследователь, входящий в СОГ этого же территориального ОВД. Не исключено, что это будет тот же самый судья.

Судебное решение на проведение ОРМ, безусловно, может быть получено и в ином

суде, если его инициатором было, например, оперативное подразделение (отдел, отделение, группа) управления по контролю за оборотом наркотиков субъекта Российской Федерации, то есть по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении, или если оперативное подразделение иного территориального ОВД проводит ОРМ с целью документирования дополнительных (предикатных) составов преступлений.

Запретов на обращение в суд для решения указанных вопросов со стороны оперативного подразделения и следователя нет, но это как минимум несколько странно. При этом умаляется сама суть законодательных предписаний закона об ОРД, уполномочивающих оперативные подразделения проводить изъятие при ОРМ. Такие действия, как вызов СОГ на место проведения ОРМ для проведения следственного осмотра, будут осложнять работу не только СОГ, но и судов. Считаем, что изъятие запрещенных или ограниченных в обороте предметов и веществ, а также документов, обнаруженных при проведении обследования жилого помещения, может и должно производиться в рамках проводимого ОРМ. Это не противоречит закону и здравому смыслу, не осложняет работу иных органов (органов предварительного расследования и судов), кроме того, не будет происходить «смешивание» процедур, то есть оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ.
2. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ.
3. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 01.04.2014 № 199.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 № 560-О.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.985.2

Вячеслав Борисович ШАБАНОВ,

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), доктор юридических наук, профессор

lawcrim@bsu.by

Борис Валерьевич АСАЁНОК,

начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент

boris.asayonok@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ФОРМЫ

PECULIARITIES OF OBTAINING EVIDENTIARY INFORMATION WITH THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE: PROBLEMS OF LEGAL FORM

В статье рассмотрены методологические аспекты использования при доказывании различных форм специальных знаний. Авторы приходят к выводу о том, что классификация на процессуальную и непроцессуальную формы использования специальных знаний в определенной степени уже изжила себя и во многом создает искусственную преграду для поиска новых правовых средств и способов вовлечения в доказательственную деятельность различных видов специальных знаний. В статье предлагается обновленный подход, позволяющий преобразовать считающуюся традиционной классификацию форм использования специальных знаний, в этих целях разработаны новые подходы к классификации форм использования специальных знаний в криминалистике, уголовном и административном процессе.

Some methodological aspects of using various forms of special knowledge in proving a case are considered in the article. The authors come to the conclusion that classifying the use of special knowledge into procedural and non-procedural forms is out-of-date and makes it difficult to search for new legal means and ways of involving various kinds of special knowledge in evidentiary activities. An updated approach to the classification of forms of the use of special knowledge in Criminalistics, Criminal and Administrative Procedure is presented in the article.

Ключевые слова: специальные знания, процессуальная и непроцессуальная формы использования специальных знаний, классификации форм использования специальных знаний.

Keywords: special knowledge, procedural and non-procedural forms of using special knowledge, classification of forms of using special knowledge.

Вопрос о формах использования специальных знаний традиционно развивался в русле наук уголовного процесса и криминалистики и лишь в последнее время стал предметом научного интереса для наук судебной экспертизы (экспертологии), оперативно-розыскной деятельности и административного процесса (административно-деликтного процесса). При этом традиционным и устоявшимся в правовой науке является взгляд, согласно которому формы использования специальных знаний делятся на процессуальную и непроцессуальную. Выражая устоявшееся мнение, следует обратить внимание, что «основанием дифференциации форм использования специальных знаний на процессуальную и непроцессуальную считается получение результата, имеющего доказательственное значение» [7, с. 126]. Это положение поддерживается очень многими (если не большинством) учеными в сфере судопроизводства [9, с. 65-66; 10, с. 6; 11, с. 15-16], а также находит определенное отражение в процессуальном законодательстве (к примеру, заключение эксперта по результату назначенной и проведенной в административном либо уголовном процессе судебной экспертизы является законным источником доказательств). Данный тезис часто встречается в различных правовых источниках и несет в себе якобы основную сущностную характеристику для разделения форм использования специальных знаний. Еще одним важным признаком процессуальной формы признается использование специальных знаний в юридических целях. [9, с. 47]

Встречается еще множество иных научных позиций, но если свести воедино все признаки специальных знаний, относящиеся к процессуальной форме, то они выглядят следующим образом:

основания использования специальных знаний прямо предусмотрены процессуальным законодательством (к примеру, основания для назначения экспертизы или привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях);

порядок использования специальных знаний в той либо иной степени регламентируется процессуальным законодательством в широком смысле;

использование специальных знаний подчинено достижению какого-либо юридически значимого результата в рамках конкретного дела (уголовного или дела об административном правонарушении);

результаты использования специальных знаний могут иметь доказательственное значение (заключение эксперта является источником доказательств в уголовном процессе, специалист оказывает содействие в собирании доказательств при производстве следственного действия и т.п.).

Указанные признаки позволяют структурировать процессуальную форму использования специальных знаний с выделением тех либо иных видов, имеющих регламентацию в процессуальном законодательстве. Так, к процессуальной форме использования специальных знаний в большинстве случаев относят:

назначение и производство экспертизы;

участие специалиста при производстве процессуальных действий;

дачу показаний экспертом и специалистом [9, с. 127],

а также заключение специалиста.

Все иные виды использования специальных знаний преимущественно относят к непроцессуальной форме. Так, Н.А. Трифонова относит к непроцессуальным формам консультацию эксперта, справочную деятельность, проведение предварительных исследований при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и предварительные исследования на месте происшествия, техническую помощь эксперта. [11, с. 16] Е.В. Иванова отдельно указывает на осуществление проверки по криминалистическим учетам, изготовление субъективных портретов по заданию оперативных работников, осуществление проверки следов по криминалистическим учетам, обучение приемам и методам работы со следами и обращению с новой криминалистической техникой. [7, с. 126-127]

Вместе с тем с момента появления первых системных исследований специальных знаний до нашего времени накопилась критическая масса исключений, которые сложно однозначно отнести к какой-либо из вышеозначенных форм. Они не соответствуют всем

указанным признакам, хотя и имеют определенные сходные с ними черты.

К таким особым формам использования специальных знаний, как представляется, относятся:

использование результатов экспертиз, не относящихся к судебным (экспертизы, назначенные в рамках таможенного, налогового, природоохранного законодательства и др.);

использование специальных знаний сведущих лиц, приглашенных стороной защиты в уголовном или административном процессе при реализации ее законных полномочий, предусмотренных соответствующим процессуальным законодательством;

использование специальных знаний в рамках оперативно-розыскной деятельности при осуществлении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» (ст. 24 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]);

назначение и осуществление ревизий и проверок в качестве полномочия органа, ведущего уголовный или административный процесс (к примеру, проверка финансово-хозяйственной деятельности в порядке ч. 2 ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) [5]).

Эти формы использования специальных знаний имеют разные особенности оформления и реализации в доказывании, сферы применения, характер правового регулирования и др. Главное, что все их объединяет, это возможность использования таких форм специальных знаний в доказывании по конкретному делу (уголовному или делу об административном правонарушении). С классическим пониманием процессуальной формы использования специальных знаний указанные исключения рознит следующее:

1) возможность их осуществления либо в самых общих чертах, без особой детализации, указана в соответствующем процессуальном законодательстве, либо такого упоминания о возможности их использования в процессуальном законодательстве нет вообще (процессуальная форма всегда регламентирована процессуальным законодательством), например, право защитника запрашивать мнения

специалистов по вопросам, требующим специальных знаний – в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 6.12 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП РБ) [3];

2) порядок реализации этих форм использования специальных знаний не регламентирован процессуальным законодательством: он предусмотрен либо иным отраслевым законодательством, либо локальными нормативными правовыми актами;

3) эти формы использования специальных знаний изначально могут осуществляться вне связи с конкретным уголовным делом или делом об административном правонарушении: до начала соответствующей процессуальной деятельности в рамках проверочной или иной юрисдикционной деятельности, которая осуществлялась до возбуждения уголовного дела или начала административного процесса; во время приостановления административного или уголовного судопроизводства; при осуществлении законных, но не являющихся процессуальными действий;

4) относимость результатов использования специальных знаний такой формы как критерий оценки доказательств должна дополнительно изучаться и доказываться в рамках производства по уголовному делу или делу об административном правонарушении (специальные знания в процессуальной форме используются только в конкретном деле в рамках административного процесса или уголовного процесса, и их относимость, как правило, не вызывает сомнений);

5) поскольку такие специальные знания (непроцессуальной формы) используются вне административного или уголовного процесса, субъекты их использования не являются участниками административного или уголовного процесса, но орган или должностное лицо, ведущие административный или уголовный процесс, могут использовать результаты применения специальных знаний в доказывании по конкретному делу; также не является участником административного или уголовного процесса сведущее лицо, специальными знаниями которого пользуется защитник или лицо, осуществляющее оперативно-розыск-

ную деятельность. Субъектом же использования специальных знаний в административном или уголовном процессе являются компетентные участники процесса, например эксперт, специалист;

б) результаты использования таких специальных знаний не имеют четко определенной формы в качестве источников доказательств, но могут оцениваться в качестве таковых (к примеру, как иные документы и другие носители информации в контексте ст. 100 УПК РФ или ст. 6.11 ПИК РФ); в отличие от процессуальной формы, где оформление результатов использования специальных знаний не только указано, но и подробно регламентировано.

Таким образом, изучаемые специфические виды использования специальных знаний имеют существенные отличия от традиционного понимания процессуальной формы их использования.

По нашему мнению, рассматриваемый выше особый порядок использования специальных знаний не может быть отнесен к непроцессуальной форме их использования.

Во-первых, взгляды на саму непроцессуальную форму использования специальных знаний не имеют той степени юридической определенности, которая характерна для формы процессуальной или рассматриваемой нами специфической формы использования специальных знаний. Особенностью непроцессуальной формы даже по названию является то, что ее наполнение (содержание) определяется не через сущностные элементы каких-либо видов деятельности (к примеру, деятельность эксперта, криминалиста в уголовном, административном процессе), а через автоматическое отнесение к такой форме всего, что не имеет соответствующего процессуального оформления, закрепления, значения. В силу этого непроцессуальная форма использования специальных знаний существует как сосредоточение всего, чему не нашлось места в форме процессуальной. Кроме того, само противопоставление «процессуальная форма – непроцессуальная форма» дает основание определять вторую в качестве отрицания первой. Такой подход не является целесообразным для изуче-

ния всех тех видов деятельности, связанных с использованием специальных знаний, которые относятся к непроцессуальным. По определению такая форма использования специальных знаний (непроцессуальная) не дает возможности использовать те либо иные виды использования специальных знаний как представляющие интерес в качестве доказательств. А это далеко не так. К примеру, ст. 6.11 ПИК РФ позволяет использовать в качестве источников доказательств иные документы, полученные в порядке, предусмотренном законодательными актами, а также акты проверки, составленные в порядке, регламентируемом актами законодательства. И УПК РФ – использования в качестве источников доказательств материалов оперативно-розыскной деятельности (ст. 101). То есть в качестве источников доказательств возможно вовлечение в доказательственную базу широкого перечня результатов использования специальных знаний, которые юридическая наука называет непроцессуальными.

Следствием указанного, как видится, является вывод о том, что классификация на процессуальную и непроцессуальную формы использования специальных знаний в определенной степени уже изжила себя. Такое разделение в юридической теории и практике лишь препятствует эволюционному расширению возможностей использования различных форм использования специальных знаний, имеющих значение для разрешения дел юридического характера.

Таким образом, классификация форм использования специальных знаний на процессуальную и непроцессуальную, как представляется, создает искусственную преграду для поиска новых правовых средств и способов вовлечения в доказательственную деятельность различных видов специальных знаний. С учетом этого, возможно, имеет смысл преобразовать считающуюся традиционной классификацию форм использования специальных знаний, предложив несколько обновленный подход.

Представляется обязательным оставить в основе новой классификации критерий получения доказательственной информации по делу юридического характера. Этот критерий

является стержневым для совершенствования порядка использования специальных знаний в уголовном процессе, административном, гражданском, хозяйственном (арбитражном – для российского законодательства). Однако с учетом того, что использование специальных знаний регламентируется не только процессуальным законодательством, но и иными видами отраслевого законодательства (на уровне как законов, так и подзаконных актов), следует в качестве обобщенного критерия определить наличие или отсутствие закрепления того либо иного порядка использования специальных знаний в законодательстве в целом, а не только в соответствующем процессуальном законодательстве.

С учетом этого целесообразно было бы, как с позиций криминалистики, так и с позиций отраслевых процессуальных наук (уголовного процесса, административного и др.), отойти от понятия «процессуальная форма использования специальных знаний», заменив его термином «предусмотренная законодательством форма использования специальных знаний». Предлагаемая форма использования специальных знаний может быть структурирована по ряду критериев.

Так, по критерию применимости (отношения) к той категории дел юридического характера, находящихся в производстве, по которым осуществляется использование специальных знаний:

а) абсолютно применимые формы – регламентируемые соответствующим отраслевым процессуальным законодательством, которое регулирует использование данной формы использования специальных знаний по конкретному делу (например, заключение эксперта по судебной экспертизе, назначенной в рамках уголовно-процессуального законодательства по уголовному делу);

б) относительно применимые формы – регламентируемые иным процессуальным законодательством кроме того, которое регулирует использование данной формы специальных знаний по конкретному уголовному делу (например, использование в уголовном процессе заключения эксперта по экспертизе, назначенной и проведенной в административном и гражданском процессе при

условии, что результаты таких экспертиз доказывают значимые, т.е. относимые к рассматриваемому уголовному делу, факты);

в) формы, применимость которых следует доказывать при производстве по конкретному уголовному делу (например, результаты таможенной экспертизы, проведенной в порядке, предусмотренном таможенным законодательством, к конкретному уголовному делу, если эти результаты содержат относимую, достоверную и достаточную для доказывания по уголовному делу информацию).

С учетом уровня правовой регламентации предлагается определить:

а) формы, регламентируемые кодексами (процессуального и материального законодательства);

б) формы, регламентируемые иными законодательными актами (если говорить о законодательстве Республики Беларусь, то это законы Республики Беларусь, указы Президента Республики Беларусь, постановления Правительства Республики Беларусь);

в) формы, указанные в законодательных актах и получившие регламентацию (или детально регламентированные) в иных актах законодательства.

Преимуществом данной классификации представляется, прежде всего, то, что она учитывает сам факт наличия иных форм использования специальных знаний кроме тех, что предусмотрены процессуальным законодательством, и все эти формы находятся в едином правовом пространстве. Таким образом, создается правовая возможность устранения либо хотя бы уменьшения искусственных преград для признания допустимыми доказательствами тех результатов использования специальных знаний, которые напрямую не закреплены в соответствующем процессуальном законодательстве.

Разместить все многообразие экспертиз в уголовном, административном, хозяйственном (арбитражном – для российского законодательства) или гражданском процессе нет возможности и даже необходимости. Однако если та либо иная форма использования специальных знаний не имеет процессуальной «прописки», но имеет иную законодательную регламентацию, то это, как видится, не долж-

но автоматически обозначать, что полученные с ее помощью доказательства имеют меньшую доказательственную значимость, чем результаты, полученные в соответствии с процессуальным законодательством, или же вообще не имеют доказательственного значения.

Например, при выявлении признаков нарушения таможенного законодательства используется таможенная экспертиза, регламентируемая Таможенным кодексом ЕАЭС (ст. 389). [4] Порядок ее назначения, проведения и оформления результатов во многом схож с тем, что предусмотрен уголовно-процессуальным и административно-процессуальным законодательством. Содержание проведенного экспертного исследования вообще может быть абсолютно идентичным в силу использования тех же экспертных методик, что и при проведении судебных экспертиз (к примеру, ч. 4 ст. 389 Таможенного кодекса ЕАЭС предусматривает такой вид таможенных экспертиз, как криминалистические, что говорит о единой методике их проведения с судебными экспертизами). Но судом результаты таможенной экспертизы не признаются равными результатам судебной экспертизы лишь на том основании, что они получены вне порядка, предусмотренного уголовно-процессуальным доказательством. Это означает, что заключение таможенного эксперта не оценивается наравне с заключением эксперта (судебного), а относится судом к категории «иных документов». А по уголовному делу назначается судебная экспертиза с идентичным содержанием. Не оценивая относимость, достоверность и достаточность таможенной экспертизы, а основываясь лишь на ее допустимости, суд не только умаляет результаты таможенной экспертизы в качестве источника доказательств по уголовному делу, но и создает предпосылки для увеличения расходов на ведение уголовного процесса, которые в конечном счете будут отнесены на счет конкретных людей.

Предлагаемая классификация, как видится, позволит, кроме прочего, вернуть в сферу научно-практического внимания вопрос о приоритетном значении в процессе доказывания судебных экспертиз по сравнению с иными регламентируемыми законодатель-

ством формами использования специальных (экспертных в данном случае) знаний. Законодательством определяется порядок проведения и оформления более сотни различных видов экспертиз в различных сферах человеческой деятельности: от экспертиз в сфере промышленной безопасности до оценочных экспертиз. И некоторые из них, будучи подвергнутыми правильной оценке в качестве источников доказательств (на предмет относимости, достоверности и достаточности), вполне могли бы привести к уменьшению количества случаев назначения судебных экспертиз.

Также с учетом предлагаемых подходов возможно более корректно определить место проверок и ревизий, назначаемых органами, ведущими уголовный процесс. Наличие только лишь процессуальной и непроцессуальной форм использования специальных знаний сделать этого в полной мере не позволяет. Как уже ранее указывалось, проверка финансово-хозяйственной деятельности регламентируется УПК РБ как полномочие органа предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 173). Проведение проверок как один из способов собирания доказательств указано в качестве полномочия судьи и должностного лица органа, ведущего административный процесс (п. 3 ч. 2 ст. 6.12 ПИКОАП РБ).

Учитывая традиционную классификацию форм использования специальных знаний, нерешенным является вопрос о том, чем являются результаты проверки финансово-хозяйственной деятельности с точки зрения применения специальных знаний при ее осуществлении. И являются ли они специальными знаниями с точки зрения процессуального законодательства. Как отмечает П.А. Кудрявцев, «не бесспорным с процессуальной точки зрения является и статус лица, непосредственно проводящего проверку или ревизию. Окончательно расставить в данном вопросе точки над *i* вряд ли удастся, поскольку сама «процессуальность» ревизии и документальной проверки – категория спорная. Прежде всего такая ситуация складывается ввиду отсутствия в уголовно-процессуальном законе как самих понятий ревизии и проверки,

регламента их назначения и производства, так и порядка привлечения специалистов для этих целей. Некоторые авторы относят ревизию к непроцессуальным формам участия сведущих лиц, поскольку она не преследует цели получения доказательств, а использует уже имеющиеся результаты. Другие считают такую позицию ошибочной, полагая, что все действия, предусмотренные УПК РФ, носят уголовно-процессуальный характер» [8, с. 9].

Определение процессуальной значимости результатов проверки, в принципе, не вызывает проблем ни в практике, ни в теории. Так, ст. 100 УПК РБ и ст. 6.11 ПИКоАП РБ в полной мере позволяют приобщать результаты проверок к материалам уголовных дел и дел об административных правонарушениях в качестве источников доказательств (иные документы и другие носители информации). Но это не предreshает вопрос об отнесении проверки к процессуальной форме использования специальных знаний. Да, полномочие на проведение проверки закреплено в качестве такового в соответствующих кодексах, т.е. назначение проверки – это полноценное процессуальное решение. Но порядок ее осуществления регламентируется другими законодательными актами. В Республике Беларусь одним из комплексных правовых актов, регламентирующих проведение проверок, является Положение о порядке организации и проведения проверок, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 (в ред. от 16.10.2017). [6] Его анализ показывает, что объектами проверок во многих случаях становятся финансово-хозяйственная деятельность, выполненные работы, объекты строительства, проектно-сметная документация и другие, которые проверяются на предмет соответствия их требованиям актов законодательства, в том числе требованиям технических нормативных правовых актов. Таким образом, по крайней мере в ряде случаев, объект исследования является двуединым:

1) материальные объекты, документы или деятельность в специфической сфере, содержащей признаки специальных знаний (знания в области науки, техники, ремесла и др.);

2) нормативные правовые акты (в том числе технические), на предмет соответствия которым изучаются проверяемые объекты или деятельность.

Исследуя вопрос о содержании проверок в российском законодательстве, П.А. Кудрявцев указывает на возможность проведения проверок на предмет соответствия приказам и иным предписаниям, соблюдения технологических и производственных процессов и т.п. [8, с. 9] Это свидетельствует о том, что предметом проверки здесь также является соответствие определенных документов, объектов и деятельности правовым актам в определенной сфере.

Получается, что предмет проверки может включать в себя и некие юридические знания. Зная, что вопрос об отнесении юридических знаний к специальным является предметом многолетней научной полемики, в которой преобладают голоса о недопустимости такого подхода, позволим себе лишь кратко указать на некоторые аспекты нашего взгляда на данную проблематику:

1) отрицание того, что отдельные аспекты юридических знаний (хоть иногда и в очень специфических сферах) уже нашли свое место в практике правоохранительной деятельности (к примеру, нормативные правовые акты технического характера, используемые при проведении как проверок, так и экспертиз). Отрицание их наличия в качестве специальных знаний есть отрицание очевидного, что не позволяет дать им полноценную научную и практическую оценку в контексте процесса доказывания;

2) вопрос о правовой (юридической) экспертизе или использования познаний специалиста-юриста не является чем-то абсолютно новым в современных правовых реалиях и даже нашел отражение в контексте права Конституционного Суда Республики Беларусь назначать экспертизу по вопросам, относящимся к конституционному судопроизводству (в контексте статей 3, 23, 40 и 41 Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (в ред. 22.12.2016)) [1] – очевидно, что такими вопросами могут быть и юридические вопросы;

3) вопрос о том, являются ли знания специальными, следует решать не с позиций их специфичности для обыденного или юридического знания вообще, а с позиций профессиограммы или, к примеру, набора компетенций судьи, органа, ведущего административный или уголовный процесс;

4) в контексте соотношения профессиональных (юридических или иных) знаний лица, ведущего административный или уголовный процессы, и специальных знаний в данных видах процессуальной деятельности следует указать на обнаруженную нами разницу в подходах.

Применительно к последнему тезису необходимо обратить внимание, что данный вопрос еще не рассматривался криминалистикой в качестве самостоятельного предмета научного исследования. По сути, пока еще не делается ни в научных, ни в правовых источниках разницы между специальными знаниями, которые используются в административном процессе и в уголовном процессе. И это еще станет предметом отдельного серьезного исследования. Однако на данном этапе позволим себе обозначить те фундаментальные отличия, которые не позволяют ставить знак равенства между специальными знаниями в двух рассматриваемых видах юридического процесса.

Во-первых, административный процесс (в качестве деятельности процессуально-юридического характера) не является основным видом деятельности для большинства органов и должностных лиц, ведущих административных процесс (в отличие от уголовного процесса, где органы уголовного преследования и суд профессионально занимаются именно процессуально-юридической деятельностью). Должностные лица и органы, ведущие административный процесс, в большинстве своем являются субъектами, наделенными полномочиями осуществлять государственный контроль, надзор и регулирование в определенной сфере государственного управления (к примеру, органы государственного пожарного надзора Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; органы, осуществляющие государственный контроль за использованием и охраной земель;

органы, осуществляющие государственный промышленный надзор, и др.). Они также наделены полномочиями вести административный процесс, но это их полномочие является вторичным, производным по отношению к их основной деятельности. Осуществление государственного контроля, надзора и регулирования в качестве основного рода деятельности требуют от должностных лиц наличия специальных знаний (в том числе в науке, технике, ремесле и др.) в определенной области государственного управления. Именно эти специальные знания позволяют своевременно и квалифицированно выявлять и пресекать административные правонарушения в соответствующей сфере. Таким образом, наличие собственных знаний, относящихся к специальным, является важнейшей характеристикой для многих должностных лиц, ведущих административный процесс. Именно в области применения специальных знаний они выявляют те либо иные виды административных правонарушений (к примеру, санитарно-ветеринарный контроль, таможенный контроль, пограничный контроль, надзор в сфере промышленной безопасности и др.). Можно сказать, что без наличия этих специальных знаний они не были бы компетентными по выявлению и пресечению соответствующих административных правонарушений.

Во-вторых, специальные знания в уголовном процессе применяются преимущественно после его начала – на стадиях возбуждения уголовного дела или предварительного расследования. В административном же процессе основной объем использования специальных знаний приходится на допроцессуальную служебную деятельность соответствующего должностного лица. Таким образом, в административном процессе к его началу уже имеются результаты использования тех либо иных специальных знаний, которые следует только оценить и принять решение о приобщении к материалам дела об административном правонарушении. При этом возможно также использование специальных знаний в процессуальном порядке, предусмотренном ПИКопАП РБ (участие специалиста и эксперта в административном процессе).

К сожалению, в рамках данной публикации нет возможности в полной мере исследовать указанные проблемы, а также обратить внимание на особенности использования специальных знаний защитником, субъектом оперативно-розыскной деятельности. Как нет возможности в полной мере отразить точку зрения на дефинирование и классификацию тех форм использования специальных знаний, которые определяются в качестве непроцессуальных. Вместе с тем с учетом вышеуказанного представляется правильным сформулировать следующие выводы:

существующая и признаваемая традиционной классификация форм применения специальных знаний на процессуальную и непроцессуальную в настоящая время препятствует эволюционному вовлечению в процесс доказывания по делам юридического характера новых видов и направлений использования специальных знаний;

с учетом этого предлагается исключить из видов форм использования специальных знаний процессуальную форму, заменив данное понятие на понятие «предусмотренная законодательством форма использования специальных знаний»;

данная форма может включать в себя различные подсистемы видов в зависимости от критериев применимости (отнесения) к определенной категории юридических дел, а также уровня правовой регламентации;

результатом разработки нового подхода будет широкое использование тех регламентируемых законодательством форм, которые соответствуют критериям относимости, достоверности и достаточности, и избежание (либо хотя бы уменьшение) их дублирования процессуальными формами использования специальных знаний;

спецификой использования специальных знаний в административном процессе является то, что они зачастую используются при выявлении и пресечении конкретных видов административных правонарушений и применяются до начала административного процесса, т.е. являются собственными специальными знаниями в сфере компетенции соответствующего должностного лица, уполномоченного в последующем вести административный процесс по выявленному административному правонарушению.

Библиографический список

1. О конституционном судопроизводстве : закон Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З (в ред. 22.12.2016) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 (в ред. от 16.10.2017) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь : нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Иванова, Е.В. Специальные знания о наркотических средствах в судопроизводстве России / Е.В. Иванова. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 351 с.
8. Кудрявцев, П.А. Ревизия на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с получением вредных последствий: криминалистический и процессуальный аспекты / П.А. Кудрявцев // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 7-11.
9. Лазарева, Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу : монография / Л.В. Лазарева. – М. : Изд-во ООО «Юрлитинформ», 2009. – 224 с.
10. Лоза, Ю.Я. Экспертиза в адміністративному судочинстві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.07 – адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право / Ю.Я. Лоза. – Київ, 2001. – 19 с.
11. Трифонова, Н.А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Н.А. Трифонова. – Иркутск, 2006. – 24 с.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.9

Николай Николаевич ЦУКАНОВ,

заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск), доктор юридических наук, доцент

Nikolai_Zukanov@mail.ru

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

zhns21@mail.ru

СТАДИЯ ПЕРЕСМОТРА ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИВЫЧНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

THE STAGE OF REVIEWING RESOLUTIONS AND DECISIONS IN CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENCES: TO THE ISSUE OF EXPEDIENCY OF HABITUAL FEATURES

В работе обращается внимание на отдельные элементы концепции стадии пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях. Оценивается целесообразность существующего порядка определения начального момента отсчета срока обжалования постановления по делу, а также правила о невозможности пересмотра дела судом, вынесшим первоначальное постановление по делу об административном правонарушении, возможность выбора между судебным и несудебным порядками обжалования постановления по делу об административном правонарушении.

Particular elements of the concept of stages of reviewing resolutions and decisions in cases on administrative offences are under consideration in this article. The authors evaluate the expediency of the existing procedure for determining the initial moment of counting out the term of appeal in the case, the expediency of the rule on impossibility of reviewing the case by the court that issued the initial resolution in the case on an administrative offence, as well as the possibility of choosing between judicial and non-judicial procedure for appealing the resolution in the case on an administrative offence.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, постановление по делу об административном правонарушении, стадия пересмотра постановлений и решений, обжалование, протест прокурора

Keywords: proceedings in cases on administrative offences, resolution in the case on an administrative offence, stage of reviewing resolutions and decisions in cases on administrative offences, appeal, prosecutor's objection.

Правовое регулирование стадии пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях нельзя назвать идеальным для восприятия. Определенную сложность представляет даже многообразие используемых КоАП РФ формулировок. В частности, глава 30 КоАП РФ предусматривает полномочия должностных лиц правоохранительных органов обращаться с соответствующими жалобами, получать копии соответствующих процессуальных решений. Причем в одних случаях речь идет о должностных лицах, уполномоченных составлять протокол об административном правонарушении (ч. 1.1 ст. 30.1 КоАП РФ), в других – имеется в виду должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении (ч. 2.1 ст. 30.8 КоАП РФ), в третьих – должностное лицо, вынесшее постановление (ч. 2.2 ст. 30.8 КоАП РФ, ч. 5 ст. 30.9 КоАП РФ, ч. 4 ст. 30.12 КоАП РФ), в четвертых – должностное лицо, направившее дело на рассмотрение судье (ч. 5 ст. 30.12 КоАП РФ – вступившее в законную силу решение по результатам рассмотрения жалобы на вынесенное судьей постановление), отдельно указывается руководитель коллегиального органа административной юрисдикции (ч. 6 ст. 30.9 КоАП РФ). В конечном итоге далеко не каждый правоприменитель знает о наличии у него права подачи жалобы.

Значительное и не всегда обоснованное разнообразие в указанную сферу вносят судебные органы. Современная юридическая доктрина исходит из того, что суть обобщений судебной практики состоит не в противопоставлении нормативным правовым актам, а в адаптации судебной системы к существующей нормативно-правовой среде. Своими разъяснениями судебные органы дают основания нового понимания и применения комментируемых правовых норм, но не создают при этом новых норм права. Однако реальное значение правовых позиций судебных органов и судебной практики весьма часто выходит за рамки такой логики. В частности, нетрудно заметить, что действующая редакция главы 30 КоАП РФ не оперирует термином «обжалование в порядке надзора», однако этот

термин используется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [1]. Именно Верховным Судом Российской Федерации констатируется право судьи принять отказ от жалобы и вынести определение о прекращении производства по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении на любом этапе рассмотрения жалобы [2], расширяется перечень процессуальных актов, подлежащих обжалованию в порядке главы 30 КоАП РФ [1], хотя следует согласиться с мнением И.С. Федотова, отметившего, что «отсутствие официального толкования понятия "определение, исключающее возможность дальнейшего движения дела" продолжает создавать неопределенность в правоприменительной практике» [5, с. 34].

При этом не всегда разъяснения даже Верховного Суда Российской Федерации выглядят бесспорными. Например, на вопрос о возможности отмены вступившего в законную силу постановления о привлечении лица к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП и прекращения производства по делу об административном правонарушении в силу того, что в действиях лица усматривается состав преступления, предусмотренный ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации даёт отрицательный ответ, поскольку это «ухудшало бы положение лица, которое привлечено к административной ответственности, что противоречит требованиям действующего законодательства» [3]. Но в этом случае без внимания остается факт по сути незаконного применения ст. 7.27 КоАП РФ. Ситуацию усугубляет и вариативность процессуальных форм, в отдельных случаях «санкционируемая» судебными органами, например, в постановлении Верховного Суда РФ от 14 января 2011 г. № 13-АД10-4 несущественным недостатком признается составление протокола об административном правонарушении в отношении двух самостоятельных юридических лиц.

Тем не менее в большинстве своем реализуемые на данной стадии правила привычны для многих поколений российских юристов, в целом адекватны среде их практического применения и не рассматриваются в качестве имеющих альтернативу. Однако это не исключает возможность постановки вопроса о процессуальной целесообразности некоторых из них.

Важнейшей особенностью модели, закрепленной главой 30 КоАП РФ, является связь начала течения срока обжалования постановления по делу не с моментом принятия или провозглашения решения (как, например, в ч. 1 ст. 180 АПК РФ, ст. 321 ГПК РФ, ст. 389.4 УПК РФ, ст. 268 КоАП РСФСР), а с моментом вручения или получения копии постановления (ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ). Вопрос имеет очевидное практическое значение, поскольку согласно ст. 31.1 КоАП РФ точное установление момента окончания срока обжалования необходимо для определения даты вступления постановления в законную силу.

Установленные КоАП РФ условия способствуют возникновению серьезных сложностей при определении момента вступления постановления в законную силу в случае наличия нескольких участников, имеющих право на подачу соответствующей жалобы, например, если лицу, в отношении которого ведется производство, копия постановления вручена в день его вынесения, а потерпевшему (нескольким потерпевшим) направлена по почте. Как минимум возникают условия, при которых заинтересованные лица далеко не всегда могут иметь возможность узнать, вступило ли постановление в законную силу или нет. Считаем, что ч. 1 ст. 30.3 КоАП должна быть изложена в следующей редакции: «Жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение десяти суток со дня его объявления в соответствии с ч. 1 ст. 29.11 настоящего Кодекса».

Привычным является правило, согласно которому КоАП РФ не допускает пересмотр

постановлений самим субъектом, его вынесшим. Похожая норма закреплена в п. 6 ст. 8 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹. Принято считать, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, имеет возможность представить свои доводы уже в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении, а субъект, рассмотревший дело по существу, как правило, не заинтересован в признании собственных ошибок и допущенных нарушений.

По этому поводу М.Я. Масленниковым предложено ввести порядок, при котором жалоба первоначально рассматривается должностным лицом, вынесшим постановление, и лишь в случае полного или частичного отказа в удовлетворении жалобы она направляется тому субъекту, которому была адресована. [4, с. 139] Идея была подвергнута вполне справедливой, на наш взгляд, критике, поскольку в таком случае лицо фактически лишается возможности непосредственного обращения в суд за защитой своих прав и свобод. [6, с. 125] В частности, при наличии потерпевшего (в случае необоснованного вынесения постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении) истечение сроков давности (почти гарантированное в предлагаемом варианте) существенно затрудняет восстановление его нарушенных прав.

Между тем вариант, связанный с расширением возможности судебных органов своевременно исправлять допущенные ошибки, мог бы, на наш взгляд, представлять интерес, особенно с учетом географических особенностей России. На практике нередко имеют место случаи, когда обстоятельства, препятствующие вынесению юрисдикционного решения, в силу каких-либо причин выясняются уже после того, как это решение было вынесено. Например, такая ситуация может возникнуть, если лицо, привлекаемое к административной ответственности за мелкое хулиганство, стремясь минимизировать нега-

¹ «Запрещается направлять жалобу на рассмотрение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которых обжалуется».

тивные последствия, скрывает от суда свой статус сотрудника полиции, в результате чего подвергается административному аресту. Вряд ли имеются основания сомневаться в том, что при наличии такой возможности судья районного суда отменил бы собственное явно незаконное решение. Однако сделать это будет обязан вышестоящий суд, который может находиться во многих сотнях километров от нарушителя.

КоАП РФ предоставляет соответствующим участникам производства возможность самостоятельного выбора между обращением в суд и обращением во внесудебный орган (должностному лицу). Например, принимая во внимание перегруженность судебных органов и значительно более высокую стоимость их рабочего времени, Положение об административном судопроизводстве (Verwaltungsgerichtsordnung (VwGO)), принятое в ФРГ в 1960 г., определяет, что обращение в административный суд возможно лишь в том случае, если жалоба лица была отклонена административной инстанцией, вышестоящей по отношению к той, которая издала обжалуемый акт. Иск об оспаривании управленческого акта может быть подан в административный суд только после проверки этого акта в порядке предварительного административного производства (раздел 8 § 73 VwGO) «Специальные положения для принятия и оспаривания иска»).

В России данный вопрос решается с учетом двух дополнительных обстоятельств. Во-первых, имеется в виду невысокий уровень доверия населения к несудебным органам административной юрисдикции с учетом ориентированности последних на обеспечение преимущественно ведомственных интересов. Доминирование несудебного порядка обжалования постановлений должно естественным образом явиться результатом его конкурентных преимуществ организационно-

правового характера – сокращенных сроков и возможности дальнейшего обжалования в судебном порядке. Во-вторых, принимается к сведению в целом невысокая активность участников производства по инициации данной стадии. Так, по данным ГИАЦ МВД России за январь-июнь 2016 г. сотрудниками органов внутренних дел были вынесены 40 667 953 постановления по делам об административных правонарушениях. 33 326 (т.е. 0,082%) из них отменены по итогам реализации стадии пересмотра. Принимая во внимание, что в 2008–2009 гг. этот показатель составил 0,05% от общего числа постановлений, вынесенных должностными лицами органов внутренних дел, можно предположить несущественное увеличение интенсивности реализации гражданами своего права на жалобу, прежде всего в связи с правонарушениями в сфере безопасности дорожного движения (из 33 326 отмененных постановлений 33 307 – об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ). Считаем в этой части существующий на настоящий момент порядок в целом обоснованным, хотя и требующим замены в среднесрочной перспективе по причине своей энергозатратности.

Закрепленная КоАП РФ нормативно-правовая модель стадии пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях была сформирована в советский период и до настоящего момента не претерпела существенных изменений. В современных условиях её «хронические проблемы», связанные с привычными решениями, воспринимаются правоприменителями в качестве естественного негативного элемента общего фона административно-юрисдикционной деятельности и могут быть минимизированы посредством нормативно-правовых уточнений.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // СПС КонсультантПлюс.
2. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2006 года : обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. // СПС КонсультантПлюс.
3. Ответы на вопросы о практике применения судами Кодекса РФ об административных правонарушениях, жилищного и земельного законодательства, иных Федеральных законов (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2005 г.)
4. Масленников, М.Я. Административный процесс: теория и практика / М.Я. Масленников ; отв. ред. А.С. Дугенец. – М.: НОУ «Школа спецподготовки «Витязь». – 2008. – 364 с.
5. Федотов, И.С. Применение норм о пересмотре постановлений по делам об административных правонарушениях / И.С. Федотов // Административное право и процесс. – 2016. – № 3. – С. 31-35.
6. Якимов, А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации : монография / А.Ю. Якимов. – М.: Проспект, 1999. – 200 с.

УДК 340.62

Юлия Васильевна ЗИНЕНКО,

доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат медицинских наук

afrodita0601@mail.ru

Владимир Федорович МОИСЕЕВ,

заведующий отделом судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы, кандидат медицинских наук,

moiseeff2014@yandex.ru

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЕВ СТРАНГУЛЯЦИОННОЙ
МЕХАНИЧЕСКОЙ АСФИКСИИ ПРИ ПОВЕШЕНИИ В Г. КРАСНОЯРСКЕ
ЗА 2015–2017 ГГ. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ КРАСНОЯРСКОГО
КРАЕВОГО БЮРО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)**

**STATISTICAL ANALYSIS OF CASES OF STRANGULATION MECHANICAL
ASPHYXIA AS A RESULT OF HANGING IN KRASNOYARSK FOR THE
PERIOD 2015-2017 (ON ARCHIVAL MATERIALS OF REGIONAL STATE
BUDGET HEALTH CARE INSTITUTION OF THE KRASNOYARSK
REGIONAL BUREAU OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION)**

В России после трех лет небольшого прироста с 2016 года отмечается ухудшение демографической ситуации, которое резко ускорилось в 2017 году. В связи с этим чрезвычайно актуальным является изучение случаев смерти, связанных с суицидом. Ведущее место среди групп самоубийств занимает повешение. В статье отражены структурные данные о численном, возрастном и гендерном составе лиц, погибших в результате механической асфиксии при повешении, выявленные по архивным материалам актов медицинских исследований и заключений судебно-медицинских экспертиз КГБУЗ ККБСМЭ за 2015-2017 гг. Приводятся результаты анализа зависимости смерти от странгуляционной механической асфиксии при повешении и состояния алкогольного и наркотического опьянения.

In Russia, after three years of a small increase, there has been a deterioration in the demographic situation since 2016, which accelerated sharply in 2017. In this regard, it is extremely important to study the deaths associated with suicide. Hanging takes the leading place among suicide groups. This article reflects the structural data on the numerical, age and gender composition of persons who died as a result of mechanical asphyxia from hanging on archival materials of certificates of medical researches and the conclusions of forensic medical examinations of Regional state budget health care institution of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medical Examination for 2015-2017. The results of the analysis of the dependence of mortality on strangulation mechanical asphyxia as a result of hanging of men and women in the state of alcohol and drug intoxication are presented.

Ключевые слова: структура смертности, насильственная смерть, суицид, повешение, странгуляционная механическая асфиксия.

Keywords: structure of mortality, violent death, suicide, hanging, strangulation mechanical asphyxia.

Одним из приоритетов нашего государства является демографическая политика, которая ориентирована на повышение ожидаемой продолжительности жизни населения за счет снижения преждевременной, особенно предотвратимой, смертности лиц трудоспособного возраста. [5]

Согласно официальным статистическим данным, в России с 2016 года после трех лет небольшого прироста началось сокращение численности населения, которое резко ускорилось в 2017 году. С учетом этого факта чрезвычайно актуальным является изучение случаев смерти, связанных с суицидом. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2017 году в России на 100 тысяч жителей приходилось 14,2 случаев самоубийств.

Ведущее место среди самоубийств занимает повешение. Особую заинтересованность в исследовании этого феномена как социального явления проявляют медицинские работники иных специальностей: гигиенисты, психологи, психиатры, а также социологи. [6] Проблемные же аспекты диагностики случаев смерти от суицида, в частности повешения как причины смерти, исследуют только судебно-медицинские эксперты.

Так как в практической деятельности врача-судебно-медицинского эксперта наиболее часто встречается strangulation механическая асфиксия при повешении, этот раздел танатологии до сих пор представляет интерес в плане исследования взаимосвязи этого вида

механической асфиксии с социально-бытовыми факторами, которые могли бы быть использованы при обосновании выводов и заключения судебно-медицинского эксперта.

Учитывая актуальность исследуемого вопроса, нами проведен ретроспективный анализ случаев смерти от strangulation механической асфиксии при повешении за 2015-2017 гг. по г. Красноярску по архивным материалам отдела экспертизы трупов Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы.

Можно констатировать, что общая смертность в г. Красноярске с каждым годом увеличивается (таблица 1). При этом ненасильственная смертность в анализируемом периоде увеличивалась плавно и отмечено некоторое снижение насильственной смертности в 2017 году после небольшого роста в 2015-2016 годах.

Несмотря на некоторое изменение структуры смертности, strangulation механическая асфиксия при повешении стабильно остается в среднем на уровне 1,8% от общего количества аутопсий (рис. 1) и по г. Красноярску прочно занимает третье место в структуре причин насильственной смерти, уступая механической травме и отравлениям (рис. 2). По частоте встречаемости механическая асфиксия за анализируемый период времени составляет 21-23% всей насильственной смерти, на долю strangulation механической асфиксии при повешении приходится 54-58%.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩЕЙ СМЕРТНОСТИ И СМЕРТНОСТИ
ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРИЧИН
ПО ОТДЕЛУ ЭКСПЕРТИЗЫ ТРУПОВ В Г. КРАСНОЯРСКЕ
ЗА 2015-2017 ГГ. ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ КГБУЗ ККБСМЭ

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего экспертиз и исследований	7420	7580	7675
Насильственная смерть	1097	1151	1054
Ненасильственная смерть	6113	6155	6337
Причина смерти не установлена	210	274	284

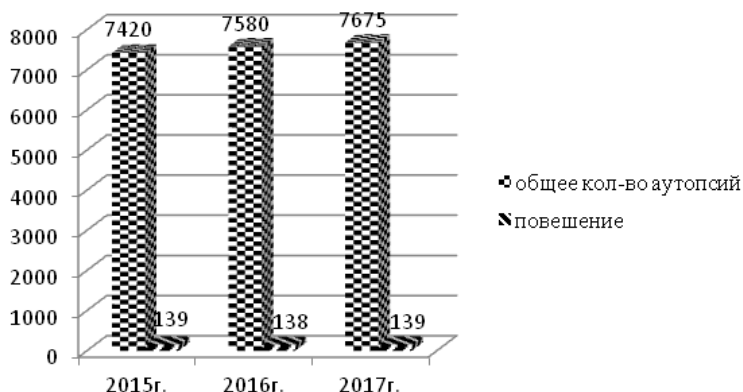

Рис. 1. Распределение количества случаев странгуляционной механической асфиксии (повешения) от общего количества аутопсий по г. Красноярску за 2015-2017 гг. по данным КГБУЗ ККБСМЭ

Рис. 2. Распределение насильственной смерти по видам внешнего воздействия по г. Красноярску за 2015-2017 гг. по архивным материалам отдела экспертизы трупов КГБУЗ ККБСМЭ

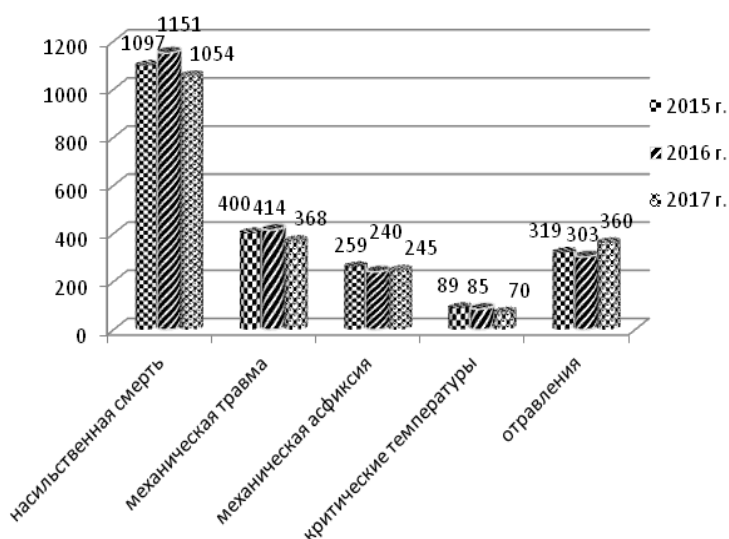

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО СЛУЧАЕВ СТРАНГУЛЯЦИОННОЙ МЕХАНИЧЕСКОЙ АСФИКСИИ (ПОВЕШЕНИЯ) И ДОЛЯ ПОВЕШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРИЧИН НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ ПО Г. КРАСНОЯРСКУ ЗА 2015-2017 ГГ. ПО ДАННЫМ КГБУЗ ККБСМЭ

Годы	Всего аутопсий по отделу экспертизы трупов за год	Количество аутопсий в случаях насильственной смерти за год	Странгуляционная механическая асфиксия (повешение) за год	Процентное соотношение повешения в структуре причин насильственной смерти
2015	7420	1097	139	12,6
2016	7580	1151	138	12,1
2017	7675	1054	139	13,2
За 3 года	22675	3302	416	12,6

Странгуляционная механическая асфиксия при повешении в структуре причин насильственной смерти в среднем составляет около 12,6% (табл. 2).

Уровень женских самоубийств в большинстве стран мира, включая Россию, существенно уступает уровню мужских суицидов, однако женщины гораздо чаще мужчин

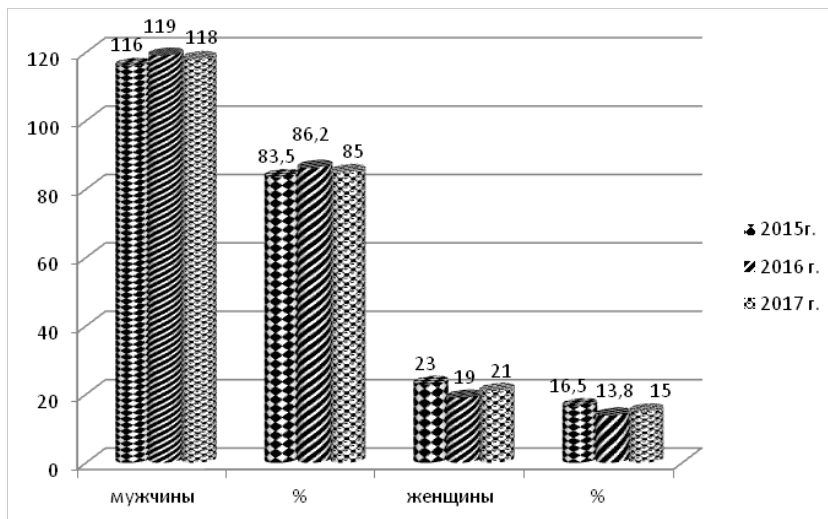

Рис. 3. Гендерная структура погибших от strangуляционной механической асфиксии при повешении в г. Красноярске за 2015-2017 гг.

совершают попытки самоубийства. В то же время конкретные различия в частоте совершения самоубийств мужчинами и женщинами оцениваются в литературе неодинаково. По данным многочисленных выборочных исследований, число мужских суицидов, приходящихся на один женский, колеблется от 3 до 8. [2] Полагаем, что такое различие обусловлено психофизиологическими особенностями лиц разных полов, а также особенностями мужского и женского мышления. Мужчины выбирают более «жесткие» способы суицидов (повешение, огнестрельное оружие), женщины прибегают к более «щадящим», реже заканчивающимся смертью способам (отравление лекарственными веществами, вскрытие вен). [2; 3; 7; 12]

Эти данные подтверждаются проведенным нами исследованием – от strangуляционной механической асфиксии при повешении мужчины погибали в 2015-2017 гг. в 5,6 раза чаще, чем женщины (рис. 3).

Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что женщины выбирают менее летальные способы суицида, чем мужчины, в силу того, что суицидальные попытки используются ими не с целью убить себя, а с целью повлиять на окружение или привлечь внимание к своим проблемам. [2; 9; 13] Согласно другому объяснению, женщин в большей степени, чем мужчин, заботит их внешний вид после смерти. [4]

Большинство исследователей придерживаются мнения, согласно которому наиболее

высокий суицидальный риск у женщин отмечается в пожилом и старческом возрасте. [2] Так, ряд авторов указывают, что у женщин максимум суицидального риска приходится на возраст 60 лет и старше. [1; 8] У мужчин, согласно официальным статистическим данным, наиболее высокий суицидальный риск отмечается в молодом возрасте, максимум приходится на возраст 30-40 лет.

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют, что преобладающие доли мужчин, погибших от strangуляционной механической асфиксии при повешении, приходится на возрастные категории 22-35 лет и 36-60 лет, женщин, погибших от strangуляционной механической асфиксии при повешении, – 22-35 лет, то есть лица репродуктивного возраста. Полученные данные имеют большое социальное значение, учитывая отрицательную демографическую ситуацию в России.

Таким образом, от strangуляционной механической асфиксии при повешении в основном умирают трудоспособные люди в возрасте 22-60 лет. Причем отмечается отчетливая тенденция к данному виду суицида у лиц молодого возраста обоих полов (22-35 лет), для которых характерны крайние реакции на негативные обстоятельства. Этот социально значимый фактор для диагностики подтверждается результатами проведенных исследований погибших на алкогольное опьянение (рис. 4).

Таблица 3

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА СМЕРТНОСТИ ОТ СТРАНГУЛЯЦИОННОЙ
МЕХАНИЧЕСКОЙ АСФИКСИИ ПРИ ПОВЕШЕНИИ В Г. КРАСНОЯРСКЕ
ЗА ПЕРИОД 2015-2017 ГГ. ПО ДАННЫМ КГБУЗ ККБСМЭ

Возраст	Мужчины			Женщины		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
17-21	7	6	7	4	-	2
22-35	45	34	37	11	5	3
36-60	52	54	44	3	5	7
61-75	12	15	24	5	1	5
76-90	-	10	6	-	7	3
>90	-	-	-	-	1	1

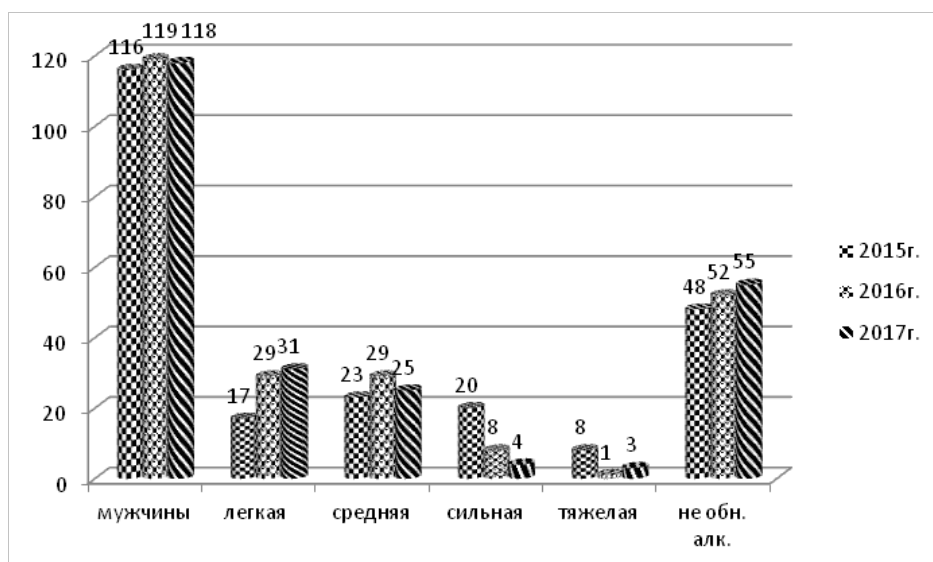

Рис. 4. Соотношение мужчин, погибших от странгуляционной механической асфиксии при повешении, в зависимости от степени алкогольного опьянения в г. Красноярске за период 2015-2017 гг.

Большая часть мужчин (56%), погибших от странгуляционной механической асфиксии при повешении, находились в состоянии алкогольного опьянения, причем в равных долях были выявлены легкая и средняя степень алкогольного опьянения – около 39%, сильная – у 16%, тяжелая – у 6%. У 44% повесившихся мужчин этиловый алкоголь в крови не обнаружен.

У большинства женщин (66,6%), погибших от странгуляционной механической асфиксии при повешении, этиловый алкоголь в крови не обнаружен (рис. 5). Среди женщин, находящихся в алкогольном опьянении, около 14% находились в алкогольном опьянении средней степени и около 13% в алкогольном опьянении легкой степени. Минимальное чи-

сло женщин находились в сильном и тяжелом алкогольном опьянении – по 3,2%.

Около 7% лиц мужского пола и 4,7% лиц женского пола от общего числа погибших от данного вида насильственной смерти находились в наркотическом опьянении, причем большая часть таких лиц находились в возрастной категории 22-35 лет. Следует отметить, что в 2017 году доля повесившихся мужчин, находящихся в момент смерти в состоянии наркотического опьянения, составила 69%.

Таким образом, при анализе структуры смертности от странгуляционной механической асфиксии при повешении выявлено, что наибольшее число лиц составили мужчины в возрасте от 22 до 60 лет. Анализ на

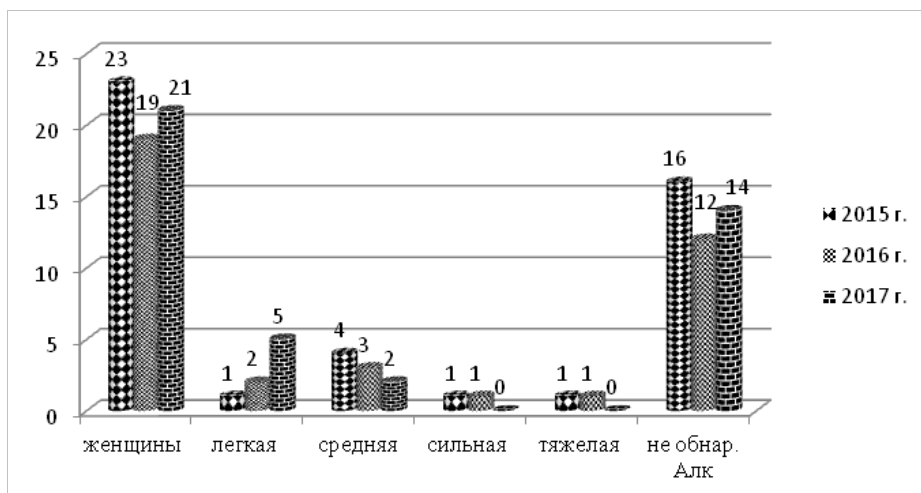

Рис. 5. Соотношение женщин, погибших от strangulation механической асфиксии при повешении, в зависимости от степени алкогольного опьянения в г. Красноярске за период 2015-2017 гг.

Таблица 4

СООТНОШЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПОГИБШИХ ОТ СТРАНГУЛЯЦИОННОЙ МЕХАНИЧЕСКОЙ АСФИКСИИ ПРИ ПОВЕШЕНИИ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ И ВОЗРАСТНОЙ КАТЕГОРИИ В Г. КРАСНОЯРСКЕ ЗА ПЕРИОД 2015-2017 ГГ.

Возраст	Мужчины			Женщины		
	2015	2016	2017	2015	2016	2017
17-21	-	-	2	-	-	-
22-35	5	-	8	2	-	1
36-60	1	2	8	-	-	-
61-75	-	-	-	-	-	-
76-90	-	-	-	-	-	-
>90	-	-	-	-	-	-

состояние алкогольного опьянения показал, что среди повесившихся мужчин большинство находились в состоянии алкогольного опьянения, тогда как у большинства женщин этиловый алкоголь в крови не обнаружен. В структуре смертности мужчин и женщин, находящихся в момент смерти в алкогольном опьянении, преобладающую долю составили лица в алкогольном опьянении легкой и средней степени. В общем числе погибших от strangulation механической асфиксии при повешении за анализируемый период 7,3% мужчин и 4,7% женщин находились в состоянии наркотического опьянения.

Самоубийства в России являются серьезной социальной проблемой, которая требует внимания со стороны как государства, так и общества в целом. Для решения данной проблемы необходимо постоянно отслеживать и контролировать ее текущее состояние, а также внедрять комплексные программы профилактики суицидального поведения с учетом различных факторов, влияющих на его возникновение и развитие, в том числе и с учетом способов совершения суицидов, возрастных и гендерных особенностей суицидентов.

Библиографический список

1. Богоявленский, Д.Д. Российские самоубийства и российские реформы / Д.Д. Богоявленский // Население и общество : информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. – 2001. – № 52. – С. 1-4.
2. Васильев, В.В. Суицидальное поведение женщин (обзор литературы) / В.В. Васильев // Суицидология. – 2012. – № 1. – С. 18-27.
3. Гилод, В.М. Клинико-социальная и психопатологическая характеристика пациентов кризисного стационара, совершивших суицидальные попытки : дис. ... канд. мед. наук. – М., 2003.
4. Клиническая психиатрия : пер. с англ., перераб. и доп. / гл. ред. Т.Б. Дмитриева. – М.: ГЭОТАР Медицина, 1999. – 290 с.
5. Лисихина, Н.В. Некоторые аспекты социоэпидемиологического анамнеза отравлений наркотическими средствами и психотропными веществами со смертельным исходом / Н.В. Лисихина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX международной научно-практической конференции. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – С. 68-71.
6. Молин, Ю.А. Судебно-медицинская экспертиза повешения / Ю. А. Молин. – СПб.: НПО «Мир и семья, 2005. – 336 с.
7. Редько, А.Н. Самоубийства как социально-гигиеническая проблема : дис. ... канд. мед. наук. – Краснодар, 1992.
8. Рыбникова, И.Л. Возрастной анализ и медико-психологические особенности суицидов различных групп населения мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) : дис. ... канд. мед. наук. – СПб., 2002.
9. Hawton, K. Sex and suicide: Gender differences in suicidal behaviour // The British Journal of Psychiatry. – 2000. – Vol. 177. – P. 484-485.
10. Phillips, K.A., Coles M.E., Menard W. et al. Suicidal ideation and suicide attempts in body dysmorphic disorder // J. Clin. Psychiatry. – 2005. – Vol. 66, № 6. – P. 717-725.
11. Rezaeian, M. Age and sex suicide rates in the Eastern Mediterranean Region based on global burden of disease estimates for 2000 // East. Mediterr. Health J. – 2007. – Vol. 13, № 4. – P. 953-960.
12. Rich C.L., Ricketts J.E., Fowler R.C., Young D. Some differences between men and women who commit suicide // Am. J. Psychiatry. – 1988. - Vol. 145, Jun.- P.718-722.
13. Mosciki E.K. Gender differences in completed and attempted suicide // Ann. Epidemiol. -1994. - Vol. 4, № 2. – P. 152-158.

УДК 355/359

Анатолий Пименович ШКУРО,
профессор кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск), кандидат педагогических наук, доцент
shooterdvmvd@mail.ru

Алексей Константинович ЦЕПЕЛЕВ,
начальник кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)
shooterdvmvd@mail.ru

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕЛКОВЫХ ДВИГАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ

TECHNICAL MEANS TO IMPROVE EFFECTIVENESS IN FORMATION OF SHOOTING MOTOR SKILLS

В статье раскрывается проблема обучения пулевой стрельбе. С целью инновационного подхода к тренировочному процессу обосновывается применение учебных средств, позволяющих увеличить плотность занятий, повысить мотивацию, отодвинуть монотонию. Доказывается, что чем больше будет использовано учебно-тренировочных средств разной направленности, тем стабильнее будет динамический стереотип действий.

The issues of training in bullet shooting are considered in the article. For the purpose of innovative approach to the training process, the use of teaching aids increasing the intensity of classes and motivation, elimination of monotony is substantiated in the article. It is proved that the more diverse training aids will be used, the more stable the dynamic stereotype of actions will be.

Ключевые слова: учебно-тренировочные средства, интенсификация обучения, пулевая стрельба.

Keywords: training aids, intensification of training, bullet shooting.

Современная система подготовки спортсменов может рассматриваться как процесс направленного воздействия на нервно-мышечный аппарат человека, при котором обеспечивается оптимальный тренировочный эффект.

Сложность и многогранность тренировочного процесса выдвигают проблему получения объективной информации, а также поиска новых средств и методических приемов, позволяющих наиболее полно реализовать двигательные возможности спортсмена. В то же время важно отметить, что любое, даже самое хорошее средство не дает при постоянном применении положительных эффектов. Чрезмерное использование таких средств, в

том числе и современных тренажеров, может привести к отрицательным последствиям. Поэтому следует обратить внимание на обязательность уменьшения эффекта и реальную возможность отрицательных последствий от применяемых в тренировке средств. [1]

Доказано, что успешность обучения любому виду стрельбы зависит от целого ряда причин: материально-технического обеспечения, объема учебных часов, организационно-методического обеспечения учебного процесса и т.д. Далеко не последнюю роль в этом играет уровень развития психофизических качеств, так же как и состояние отдельных функциональных систем организма, определяющих способности к обучению

стрельбе [5]. В настоящее время показатели объема и интенсивности тренировочной работы у спортсменов высокого класса приблизились к пределу их возможностей при условии сохранения здоровья. Следовательно, улучшение спортивных результатов в пулевой стрельбе должно идти по пути поиска новых средств и методов, повышающих эффективность тренировочных занятий, без значительного возрастания объема и интенсивности тренировочной работы.

Каждый спортсмен постоянно сталкивается с проблемой соревновательного стресса. Тот, кто способен справиться с ним, становится чемпионом, другие, поддающиеся стрессу, не достигают успеха. Для эффективного преодоления стресса разработаны и применяются различные методики: аутогенная тренировка, реактивная релаксация, медитация, гипноз, идеомоторная тренировка и другие. Почти все эти методы основаны на саморегуляции, т.е. обучают спортсмена управлению собственными психическими процессами, мышечным тонусом, сердечным ритмом и т.д. Необходимость информации о пространственных характеристиках движения, затрачиваемом времени, количестве прилагаемых усилий, выраженных в количественных величинах – неперенное условие для спортивного совершенствования. Самым распространенным и, пожалуй, самым эффективным способом регуляции стресса стала биологическая обратная связь. [2]

Идея использования срочной обратной информации в процессе обучения движениям основана на сознательном сопоставлении своих субъективных оценок и ощущений с объективными данными.

Процесс совершенствования движений спортсмена представляет собой частный случай управления со свойственными процессу управления закономерностями. Появляется необходимость количественных мер как для оценки эффективности применяемых средств, так и для оценки исходных и последующих уровней, что требует большей результативности канала обратной связи.

В основе методики лежит непосредственное взаимодействие человека с чувствительным прибором, который информирует

испытуемого о состоянии его биологических функций в каждый момент. В результате спортсмен, получая срочную обратную информацию об этих «непроизвольных», или подсознательных, физиологических реакциях, может их регулировать. Технология эффективного обучения стрельбе из стрелкового оружия достигается с использованием комплекса технических средств. [4; 5]

В целях получения срочной обратной информации в процессе производства точного выстрела в стрельбе из пистолета Макарова в ДВЮИ МВД России на кафедре огневой подготовки был разработан, апробирован и внедрен в учебно-тренировочный процесс сборной команды института по пулевой стрельбе кольцевой уровень и удерживающий его универсальный кронштейн.

В процессе тренировки без патрона (вхолостую) спортсмен, выполняя упражнение, удерживает пистолет с закрепленным на нем универсальным кронштейном с «круглым уровнем», наблюдает за перемещением шарика, стараясь удержать его в центре круга, и записывает в стрелковую книжку положение шарика в момент производства прицельного выстрела вхолостую. После небольшого отдыха спортсмен выполняет упражнение с использованием патронов и записывает расположение пробоин в стрелковую книжку.

По окончании тренировки стрелок вместе с тренером анализируют, систематизируют и делают выводы и предположения о том, какие группы мышц отстают в физическом развитии, либо вводят коррекцию в технику изготовления и выстрела. При необходимости производится поиск новых методик совершенствования спортивного мастерства.

Первые тренировки проводятся без ограничения времени на выполнение упражнения. При этом стрелок стремится понять причину отклонения пробоин, запомнить мышечные ощущения «технически правильного выстрела» в процессе производства точного выстрела. [7]

Длительное положение шарика в центре кольцевого уровня показывает наилучшую устойчивость системы «стрелок – оружие».

Модификации данного технического устройства позволяют проводить тренировки:

- на макетах пистолета в домашних условиях, стрелковом тире, на стрельбище, моделируя условия выполнения медленных и скоростных упражнений;

- тренировка на реальном пистолете без использования патронов, моделируя условия медленных, скоростных упражнений и специальных упражнений-заданий;

- тренировка на реальном пистолете с использованием патронов.

Используя в учебно-тренировочном процессе техническое устройство «круглый уровень» и удерживающий его универсальный кронштейн, установленный на макете пистолета или реальном оружии, спортсмен постоянно видит движения системы «стрелок-оружие» в процессе производства точного выстрела. Стрелок получает срочную обратную информацию, чего нельзя увидеть, используя в тренировке компьютерные тренажеры типа «СКАТТ». Колебания системы «стрелок-оружие» в период подготовки к производству точного выстрела при использовании компьютерных тренажеров видит только тренер, а видеть и чувствовать должен сам стрелок. Только после выстрела спортсмен может увидеть свои движения, и сложно утверждать, что это срочная обратная информация.

Использование данного технического устройства в учебно-тренировочном процессе позволяет создать благоприятные предпосылки овладения рациональной спортивной техникой и снизить вероятность ошибок, возникающих вследствие недостаточно высокого уровня специальной физической подготовленности, закладывая фундамент будущих спортивных стабильно высоких результатов.

Небольшое увеличение веса оружия (на 135 г, что составляет 16,8% от веса пистолета Макарова) увеличивает нагрузку на мышцы и суставы, принимающие активное участие в производстве точного выстрела. Проведенный длительный педагогический эксперимент [7] позволяет утверждать, что этот дополнительный вес не влияет на изменение техники изготовления при стрельбе из реального пистолета.

При правильно поставленной методике тренировочного процесса с использованием

технического устройства «кольцевой уровень» и удерживающего его универсального кронштейна колебания системы «стрелок-оружие» значительно уменьшаются, возрастает кучность стрельбы, сокращаются необоснованные «отрывы», возрастает уверенность в достижении поставленной цели, повышается психологическая устойчивость в производстве точного выстрела.

Вместе с этим спортсмены стали более дифференцированно ощущать прилагаемые мышечные усилия при обработке спускового крючка. Исходя из анализа показателей мелкой моторики, можно сделать заключение, что применение данного устройства способствует регуляции собственных двигательных актов на основе самоконтроля. Это связано, с одной стороны, с увеличением отчетливости мышечно-двигательных ощущений, с другой – с приобретением умений наблюдать за своими двигательными действиями, тонко дифференцировать их выполнение по параметрам пространства, времени, интенсивности прилагаемых усилий. На основе развития отчетливости двигательных ощущений формируются сложные регуляторы двигательной деятельности, так называемые специализированные восприятия: чувство оружия, чувство времени, чувство выстрела, чувство спускового крючка и др. [3].

Разработка тренировочных устройств и тренажеров как одно из направлений в спортивном приборостроении тесно связана с биомеханическими исследованиями, с помощью которых обосновываются конструкции и педагогическая направленность тренировочных и тренажерных устройств. В связи с этим развитие и совершенствование огневой подготовки приобретает сегодня характер актуальной проблемы и нуждается в новых разработках и методах в методике обучения стрельбе.

Все учебно-тренировочные средства по огневой подготовке должны отвечать общим требованиям:

- с достаточной точностью имитировать устройство и работу основных узлов изучаемого оружия;

- максимально обеспечивать наглядность и доступность в обучении, вызывать ин-

терес и повышать активность обучающихся в учебном процессе;

– быть простыми по устройству, надежными и долговечными в работе, не требовать большого количества времени и знаний в подготовке их к занятиям.

Таким образом, применение в учебно-тренировочном процессе данного устройства позволяет обеспечить тренировку сенсорных и моторных функций спортсмена, сформировать специализированные восприятия, совершенствовать координацию движений.

Предлагаемое рационализаторское предложение авторской разработки позволяет интенсифицировать тренировочный процесс за счет получения срочной обратной информации в повсеместном использовании – в тренировочном режиме, в специальной разминке перед соревнованиями, значительно сэкономить финансовые расходы, связанные с подготовкой высококлассных спортсменов и курсантов.

Техническое устройство просто в изготовлении, надежно в эксплуатации, долговечно в работе и не требует большого количества времени и знаний в подготовке его к заня-

тиям, не требует особых условий хранения и внесения дополнительных изменений при использовании с другими системами короткоствольного оружия отечественного и зарубежного производства.

Для закрепления достигнутого результата необходимо проводить «стабилизирующие» и имитационные тренировочные занятия, где одновременно с многократным повторением выполнения упражнений необходимо развивать у занимающихся способность воспроизводить и анализировать мышечные ощущения, характерные для достижения высокого результата.

Применение комплекса технических средств в учебно-тренировочном процессе позволяет сформировать у спортсменов-стрелков устойчивую мотивацию к тренировочным занятиям, основанную на использовании нетрадиционных средств.

Под воздействием целенаправленных занятий с применением разработанных оригинальных технических средств отмечаются улучшение психоэмоционального состояния спортсменов-стрелков, снижение уровня психологического напряжения.

Библиографический список

1. Жилина, М.Я. Использование технических средств для управления тренировочным процессом в стрелковом спорте / М.Я. Жилина // Управление процессом спортивной тренировки : сборник научных трудов. – Л., 1974. – С. 321-325.
2. Жилина, М.Я. Срочная информация в деле совершенствования техники скоростной стрельбы / М.Я. Жилина, В.Г. Васюков // Теория и практика физической культуры. – 1975. – № 2. – С.66-70.
3. Иткис, М.А. Специальная подготовка стрелка-спортсмена / М.А. Иткис. – М.: ДОСААФ, 1982. – 128 с.
4. Корх, В.Я. Совершенствование в пулевой стрельбе / В.Я. Корх. – М.: ДОСААФ, 1975. – 20 с.
5. Огневая подготовка : учебник / под общ. ред. В.Л. Кубышко. – М.: ДГСК МВД РФ, 2016. – 286 с.
6. Фарфель, В.С. Технические средства обучения в спорте как источник дополнительной информации о параметрах движения / В.С. Фарфель // Программированное обучение и технические средства в спортивной тренировке : сборник научных трудов. – Мн.: Полымя, 1969. – С. 35-41.
7. Шкуро, А.П. Совершенствование двигательных действий спортсменов в скоростной стрельбе из пистолета с использованием комплекса технических средств : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / А.П. Шкуро. – Хабаровск, 2002. – 144 с.

АЛГОРИТМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 355/359

Владимир Анатольевич ГЛУБОКИЙ,
доцент кафедры физической подготовки Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат педагогических наук, доцент
glubokiy@mail.ru

ОБОСНОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, СВЯЗАННЫХ С ЗАЩИТОЙ ОТ УДАРОВ РУКАМИ, НОГАМИ, КОЛЮЩЕ-РЕЖУЩИМИ ПРЕДМЕТАМИ

REASONING OF POLICE OFFICERS' ACTIONS AIMED AT DEFENDING FROM PUNCHING, KICKING AND BLADED ARTICLES ATTACKS

В статье представлены результаты научного исследования по обучению сотрудников полиции защите от ударов. Изложено мнение автора о формировании двигательных навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы в отношении правонарушителей, оказывающих активное противодействие или осуществляющих вооруженное нападение на сотрудника полиции. В результате проделанной работы была установлена тесная связь между высоким уровнем общей физической и специальной физической подготовленностью. Представлены наиболее рациональные тактические действия сотрудника полиции при защите от ударов руками, ногами, колюще-режущими предметами.

The results of a research work on training police officers to defend themselves from attacks are presented in the article. The author's opinion on forming motor skills in the use of force and fighting techniques against offenders who resist arrest or commit armed attack on police officers is stated in the article. As a result of research the correlation between the high level of general physical fitness and specialized physical efficiency is determined by the author. The most efficient tactical actions of a police officer in defending from punching, kicking and bladed articles attacks are presented in the article.

Ключевые слова: физическая подготовленность, слушатели, боевые приемы борьбы, защитные действия.

Keywords: physical efficiency, trainees, fighting techniques, defensive tactics.

Актуальность исследуемой проблемы. Сотруднику полиции при неподчинении его законным требованиям могут оказываться следующие виды противодействия: пассивное неповиновение, активное сопротивление, противодействие защищаясь, активное противодействие, вооруженное и (или) групповое нападение. [5]

Наиболее опасными из них являются активное противодействие и вооруженное и (или) групповое нападение. Кроме того, активное сопротивление и противодействие защищаясь может перейти в нападение с целью нанесения побоев, травмы или попытки завладеть специальным средством, оружием сотрудника полиции.

Активное противодействие характеризуется отталкиванием, нанесением ударов руками, ногами, головой, борьбой во взаимном захвате. Вооруженное и (или) групповое нападение – это угроза, сопротивление или нападение в одиночку или в составе группы с использованием оружия любой конструкции, специальных средств или предметов, веществ и механизмов, которые могут причинить тяжкий вред здоровью.

Нападение на сотрудника полиции с применением колющих или режущих предметов может осуществляться в момент задержания правонарушителя в качестве ответного действия. Кроме того, нападение может быть осуществлено, когда сотрудник находится не на службе – по пути к месту проживания, в общественных местах (торговые центры, магазины, рынки), также может произойти в общественном транспорте.

Анализ литературных источников [3] и видеоматериалов, размещенных в свободном доступе в сети Интернет на YouTube, показал, что формирование у сотрудников полиции навыков защиты от ударов руками, ногами, ножом (предметом) является весьма актуальным. Обучение защитам от указанных ударов актуально не только в качестве пресечения противоправных действий, но и в плане обеспечения личной безопасности.

Считаем, что с целью разработки оптимальной методики обучения защитам от различных видов ударов необходимо:

- изучить современные системы самообороны, системы ножевого боя;
- выполнить анализ видеоматериалов, фактов и способов нападений на граждан и сотрудников полиции с ударами руками, ногами, колюще-режущими предметами, кастетным оружием;
- рассмотреть Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации с целью изучения методики формирования навыков защит от ударов руками, ногами, ножом (предметом).

Методы и организация исследования. При проведении научного исследования применялись следующие методы: анализ научно-методической литературы, видеомате-

риалов, педагогическое наблюдение, методы математической статистики.

Научное исследование проводилось на базе Сибирского юридического института МВД России с 2016 г. по 2018 г. Цель педагогического наблюдения заключалась в проверке эффективности действий по защите от нападения, совершаемого с ножом. Эффективность действий оценивалась на учебных занятиях по дисциплине «Физическая подготовка» по теме «Технико-тактическая подготовка». В исследовании принимали участие слушатели 5 курса дневной формы обучения в количестве 50 человек (n=50).

Кроме того, в 2018 г. в нашем исследовании приняли участие 27 (n=27) слушателей, проходящих профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки по должности «Полицейский». Эффективность действий против вооруженного холодным оружием (макетом ножа) противника оценивалась на комплексном практикуме по огневой и физической подготовке.

Для профилактики травматизма использовалось защитное снаряжение: шлем для кудо, жилет защитный, перчатки для рукопашного боя, защита на ноги (футы), бандаж на пах. Запрещалось наносить удары макетом ножа прямо в шею. В качестве оружия использовались деревянные макеты ножей, применяемые на спортивных соревнованиях по ножевому бою по правилам танто-дзюцу.

Цель проведения поединков – защититься от ударов ножом, обезоружить, ограничить свободу передвижения болевым приемом.

Разрешалось наносить макетом ножа колющие и рубящие удары. Разрешались атаки головы, туловища и конечностей (порезы рук, тычковые удары в бедро).

Защищаться от ударов макета ножа можно было уходами с линии атаки, разрывом дистанции, отбивами, подставками, уклонами, нырками, ответными ударами руками и ногами, захватами, болевыми приемами. Формула учебно-тренировочного поединка – 1 минута. У слушателей факультета профессиональной подготовки формула боя составила 30 секунд.

Слушатели факультета профессиональной подготовки оценивались также по уме-

ниям и навыкам быстрого извлечения оружия из штатной кобуры, приведения его в боевую готовность и имитации выстрела по нападавшему, вооруженному холодным оружием. Нападение осуществлялось с расстояния 7 метров. Ассистент должен был пробежать это расстояние и нанести удары или порезы макетом ножа сотруднику. Сотруднику в это время необходимо извлечь оружие, привести его в боевую готовность и одновременно избежать сближения с ассистентом на расстояние удара или захвата.

Кроме того, мы параллельно изучали прикладные направления рукопашного боя: систему активной самообороны «Стрела» (автор В. Крючков); систему Neo Combat (автор Д. Васильев); израильскую систему самообороны Крав-мага; систему армейского ножевого боя, разработанную А. Кистенем.

Кроме того, анализировалась доступная нам учебно-методическая и научная литература.

Результаты исследования и их обсуждение. Учебно-тренировочные поединки показали, что наиболее подготовленные слушатели 5 курса (спортивная квалификация кандидат в мастера спорта или 1 разряд по рукопашному бою, кикбоксингу) за 1 одну минуту боя пропускают в среднем 4-7 атак макетом ножа.

Остальные слушатели, которых можно отнести к среднестатистическим, за одну минуту пропускали от 12 до 23 атак. Наименее подготовленные слушатели за одну минуту пропустили 30 и более ударов макетом ножа.

Слушатели факультета профессиональной подготовки, за исключением одного, все справились с заданием по извлечению оружия и приведения его к бою при защите от нападения с ножом. Следовательно, дистанция 7 метров до правонарушителя является достаточно безопасной, но в то же время необходимо постоянно тренировать навыки быстрого извлечения оружия из штатной кобуры, разрыва дистанции и ухода с линии атаки.

При противоборстве с ассистентом, вооруженным макетом ножа, лучше себя показали слушатели, сдавшие экзамен по физической подготовке на «отлично», они продемонстри-

ровали лучшую «выживаемость», пропустили от 4 до 10 атак. Несколько хуже показатели у имеющих оценку «хорошо», и худшие результаты были отмечены у слушателей, имеющих итоговую оценку по физической подготовке «удовлетворительно».

Нами установлена тесная связь между оценками, полученными на экзамене по физической подготовке, и количеством пропущенных ударов при защите от вооруженного макетом ножа ассистента (коэффициент корреляции $r_{xy}=0,93$). Оказалось, что чем выше уровень общей физической подготовленности, владения навыками и умениями боевых приемов борьбы, тем у сотрудника полиции больше шансов выжить в противоборстве с вооруженным правонарушителем. Можно предположить, что правильно организованное обучение боевым приемам борьбы способствует формированию навыков защиты от ударов, но в то же время не следует смешивать спортивные единоборства с реальной угрозой колющим, режущим или кастетным оружием. В любом случае вооруженный человек всегда имеет преимущество перед невооруженным.

Сотруднику полиции следует избегать возможности нанесения ему ударов руками и ногами правонарушителем. Защита боевыми приемами борьбы должна осуществляться только при невозможности применить специальные средства или оружие или при внезапном нападении. При внезапном нападении необходимо защититься отбивом, подставкой, уходом, после чего нанести ответный удар; если удар не позволяет вывести правонарушителя из устойчивого положения для успешного проведения болевого приема или заставить его прекратить атаку, то следует разрывать дистанцию для извлечения оружия, специального средства. Мы отметили, что наиболее успешно защищаются слушатели, которые могут хорошо передвигаться на ногах, техника передвижений как в боксе – «челнок», «сайд-степ». Кроме того, эти обучающиеся хорошо владеют техникой ударов руками и ногами и успешно их применяют для защиты.

Ограничить свободу передвижения ассистента получается только после перевода

атакующего в положение лежа, это связано с тем, что количество степеней свободы уменьшается, отключаются мышцы ног, исключаются движения туловищем, т.е. появляется возможность выполнения болевого приема на руку.

Если от колющих ударов слушатели могут защищаться относительно успешно, то нанесение рубящих ударов по конечностям, сверху по голове показало трудность защиты от такого вида атак. Сложно также защититься от множественных повторных ударов.

Мы не рассматривали возможность атак при удержании ножа обратным хватом, данные техники разработаны А. Кистенем, В. Крючковым. Удары с таким хватом бьются по короткой траектории и могут наноситься сверху, сбоку, наотмашь, снизу.

Анализ Наставления по организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации показал, что в целом оно соответствует требованиям, предъявляемым служебной деятельностью сотрудника полиции. В Наставлении достаточно приемов и действий, владение которыми позволит эффективно защищаться от ударов руками, ногами, ножом (предметом). Большой плюс действующего Наставления заключается в критериях оценивания боевых приемов борьбы.

Считаем, что проблема заключается в самой методике обучения. Оптимально чтобы вся защита от ударов выстраивалась на одной основе, т.е. защиты от ударов руками должны быть такие же, как и защиты от ударов ножом (предметом). Таким образом, у сотрудника формируется двигательный навык по типу условно выработанного рефлекса. Слишком большой объем двигательных действий, которые он должен изучить, затрудняют выбор, а, как известно, отсутствие выбора облегчает сам выбор.

Закключение. В ходе наблюдений за учебно-тренировочными поединками, анализа прикладных систем рукопашного боя мы выяснили, что наиболее рациональной является защита разрывом дистанции, уходом с линии атаки с возможным отбивом атакующей конечности с последующим (назовем его) расслабляющим ударом.

Захват вооруженной руки лучше всего выполнять двумя руками, при этом не должно быть пауз и остановок, т.е. должна исключаться возможность перехвата противником оружия свободной рукой. При захвате вооруженной руки необходимо одновременно наносить сильные и быстрые удары ногами, с последующей попыткой проведения болевого приема, т.е. следует выполнять расцентровку двигательной системы противника – наносить удары, толчки по разным уровням с целью выведения его из равновесия.

Если стоит задача просто защититься от нападения, то лучше всего не вступать в длительное противоборство с вооруженным правонарушителем, целесообразно выполнить защиту подставкой или отбивом с быстрым ответным ударом. Желательно попытаться избежать повторной атаки и ретироваться.

При обучении сотрудников полиции защищать от ударов руками, ногами, ножом (предметом) необходимо уделять большое внимание передвижениям на ногах, техника такая же, как в боксе или схожих с ним видах единоборств. Кроме того, необходимо формировать навыки нанесения ответных ударов руками (они быстрее), ногами (они сильнее). Также при обучении сотрудников полиции следует обращать внимание на то, что во время демонстрации боевых приемов борьбы (после защиты от ударов руками, ногами, ножом (предметом)) они должны выходить на болевой прием, который входит в содержание Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации.

Анализ прикладных систем показал, что прикладные техники должны накладываться на базовую основу, заложенную на занятиях спортивными единоборствами. В то же время склоняемся к тому, что при нападении на полицейского с холодным оружием сотрудник должен больше уделять внимания своей защите с применением специальных средств или огнестрельного оружия. С целью приведения в боевую готовность оружия, специального средства следует избегать попыток правонарушителя приблизиться, необходимо пытаться разорвать дистанцию или уйти с линии атаки.

Для эффективной подготовки к противоборству с вооруженным правонарушителем из психофизических качеств нужно развивать скоростно-силовые и координационные способности. Методики их развития рассмо-

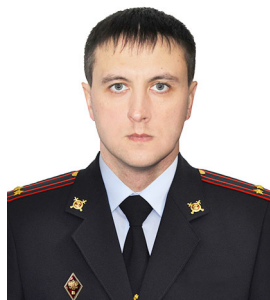
трены в учебно-методической [1, 2] и научной литературе [4], посвященной физической подготовке сотрудников органов внутренних дел, спортсменов в спортивных видах единоборств.

Библиографический список

1. Глубокий, В.А. Использование техники кикбоксинга в процессе формирования боевой готовности ОВД : учебно-методическое пособие / В.А. Глубокий, Е.И. Кокова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2007. – 70 с.
2. Кравчук, А.И. Боевые приемы борьбы : учебно-методическое пособие / А.И. Кравчук, Е.В. Панов. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2007. – 280 с.
3. Панов, Е.В. Теория и методика использования элементов основных видов единоборств в профессиональной подготовке курсантов образовательных учреждений МВД России : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Е.В. Панов. – Красноярск, 2002. – 147 с.
4. Правомерность и эффективность действий вооруженного сотрудника полиции при отражении посягательств, совершаемых с помощью колюще-режущих предметов / Д.В. Литвин [и др.]. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. – 132 с.
5. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебник / под ред. С.В. Кузнецова. – М. : ДГСК МВД России, 2016. – 328 с.

УДК 378.6

**Александр
Владимирович
АФАНАСЬЕВ,**

профессор кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск), кандидат педагогических наук

running_men@mail.ru

**Янина
Александровна
ПАВЛОВА,**

преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

janina.pavlova2012@yandex.ru

**Александр
Григорьевич
ЛИТВИНЕНКО,**

доцент кафедры огневой подготовки Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

shooterdvmvd@mail.ru

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЯ, РАЗВИТИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА»)**

**PRECONDITIONS OF EMERGENCE, FORMATION, DEVELOPMENT
AND PROSPECTS OF IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL EDUCATION
IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
(BY THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE «FIREARMS TRAINING»)**

В статье реконструированы социально-исторические условия развития государства в период с 1917 года по настоящее время как исторические предпосылки организации и последовавшей затем реорганизации содержания профессионального образования в школьно-курсовой системе советской милиции (впоследствии – образовательных организаций системы МВД). Основное внимание в исследовании было уделено анализу содержания учебной дисциплины «Огневая подготовка» («Военное (стрелковое) дело») в различные периоды развития системы ведомственного образования как одной из дисциплин, отражающих прикладную направленность профессионального обучения сотрудников милиции (полиции).

The socio-historical conditions of the development of the state in the period from 1917 up to the present time, as the historical background of the organization and the subsequent reorganization of the content of vocational education in the school and course system of the Soviet militia (later - the educational organizations of the system of the Ministry of the Internal Affairs of RF) are reconstructed in the article. The main attention was paid to the analysis of the content of the course «Firearms Training» («Military (shooting) training») in different periods of the development of the system of departmental education, as one of the courses that reflect the applied direction of militia (police) professional training.

Ключевые слова: советская милиция, сотрудники органов внутренних дел, профессиональное образование, задачи профессионального образования, огневая подготовка, содержание методик.

Keywords: Soviet militia, the staff of internal affairs bodies, professional training, objectives of vocational education, firearms training, methodology contents.

Историко-педагогические исследования сохраняют актуальность для отечественной педагогики, так как способствуют наработке необходимой научно-теоретической базы, на основе которой осмысливаются современные проблемы, разрабатываются новые научные теории и значительно расширяется функция прогнозирования (научное обобщение, абстракция и идеализация). Ввиду этого в контексте совершенствования системы профессионального образования сотрудников правоохранительных органов значение этих исследований трудно переоценить.

В процессе проведения историко-педагогического исследования учитывается уникальность и неповторимость рассматриваемой исторической эпохи, события которой отражаются на развитии отечественной педагогической мысли, состоянии и системе образования, и наоборот. [3, с. 55]

Становление и развитие содержания образования в учебных заведениях правоохранительной системы всегда происходило в соответствии с требованиями государства и с учетом целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами. Этот процесс протекал в контексте историко-политических, социальных, культурных и экономических условий в советском государстве и научных подходов к содержанию профессионального образования в отечественной педагогике.

Наряду с изучением общих закономерностей становления и развития профессионального образования в системе органов внутренних дел, акцент исследования был смещен в сторону учебной дисциплины «Огневая подготовка» (ранее – «Военное (стрелковое) дело») как одной из дисциплин, в которой наиболее наглядно отражаются тенденции развития как общих, так и специальных педагогических средств и методов профессиональной подготовки специалистов для органов внутренних дел.

В первые годы после революции главная цель нового правительства заключалась в укреплении позиций власти большевиков. В связи с этим институт образования официально рассматривался как инструмент борьбы за

социализм и укрепление результатов революции. В плане профессионального образования надлежало создать такого специалиста, который бы активно содействовал строительству нового коммунистического общества и при этом не мешал реализовывать аналогичную цель другим индивидам. Однако вскоре стало очевидным, что для достижения столь глобальной цели необходимо решить более практические образовательные задачи. По этой причине перед вновь формируемой системой образования в первую очередь были поставлены задачи по ликвидации безграмотности и повышению уровня образования и культуры среди всех слоев населения.

28 октября 1917 года НКВД постановил учредить рабочую милицию. В основу постановления Народного комиссариата внутренних дел РСФСР «О рабочей милиции» легла концепция В.И. Ленина о вооруженном народе – рабочих и крестьянах, которые должны охранять государственный порядок. В связи с этим работниками милиции в 1917 году становились трудящиеся нештатных формирований, такие как члены отрядов Красной гвардии, охранных дружин, специальных отрядов охраны и других подобных формирований. Таким образом, правовое положение милиции определялось как одна из категорий государственной службы.

Функции рабочей милиции в рассматриваемый период сводились к тому, чтобы устранить угрозу политического, идеологического или экономического характера в целях осуществления поддержки нового порядка. В силу этого все содержание профессионального образования сводилось к ознакомлению работников милиции с базовыми инструкциями относительно их обязанностей, прав и полномочий. Специальных заведений, где можно было бы получить требуемую профессиональную подготовку, предусмотрено не было. Вместо них стихийно организовывались нецентрализованные краткосрочные курсы без каких-либо четких рабочих программ, учебных планов и, соответственно, учебно-методической базы. Слушателям таких курсов предлагались готовые знания, которые надлежало применить на практике в рамках профессиональной деятельности.

Объективные условия возникновения и деятельности советской милиции предопределили становление и развитие методики обучения стрельбе из огнестрельного оружия. Учитывая, что милиция представляла собой военизированную организацию, вполне объяснимо, что изначально за основу обучения стрельбе были приняты методики, применяемые в армии. Но в скором времени произошла переориентация методологических подходов к обучению милиции стрельбе в сторону использования более индивидуально ориентированных методик спортивной стрельбы. Вызвано это было качественными изменениями в конструкциях современных образцов стрелкового оружия, обусловившими переход в конце 1920-х годов от системы коллективного огня к подготовке «отличного индивидуального стрелка». Тактика ведения огня в бою была такова, что рядовой боец получал все больше самостоятельности в действиях, что требовало от него высокого качества стрелковой подготовки.

Стоит отметить, что в этот же период происходил и обратный процесс: реализовалась идея «военизации» спортивной стрельбы в целях подготовки стрелка, которого затем уже легко можно сделать боевым стрелком. [1, с. 43]

В следующие два десятилетия после Октябрьской революции (1920-е – 1930-е гг.) при разработке содержания образования в целом в его основу, по решению советского руководства, закладывались идеи марксизма-ленинизма. Образовательная политика в этот период основывалась на главных понятиях материализма, диалектики и классовой борьбы. Процесс наполнения содержания образования осуществлялся на основе изучения трудовой деятельности человека. Следовательно, одна из главных задач, поставленных советским правительством перед отечественной системой образования, заключалась в том, чтобы приучать молодое поколение к мысли, что труд есть основа жизни общества, и всесторонне подпитывать ее в умах молодых специалистов.

Реализация этой задачи в рамках формирования и переработки содержания профессионального образования работников мили-

ции была тесно связана с решением проблем более узкого плана, а именно с проблемами профессионального образования и специальной подготовки личного состава в области наружной и административной службы и расширения преподавательского состава.

Под влиянием этих процессов в середине 20-х годов XX века закладывались основы методики обучения прицельной стрельбе, которая применялась в том числе и при подготовке советской милиции. Одним из основоположников этой методики был А.А. Смирнский – выдающийся стрелок и конструктор-оружейник. Занимая в 1921 году должность инспектора стрелкового дела Всевобуча Азербайджана, он создал в Баку мишенную команду, состоящую из опытных разведчиков, не только обучил ее членов меткой стрельбе, но и привил им преподавательские навыки. Из этого коллектива вышли известные стрелки-тренеры. [7]

Разработанная А.А. Смирнским методика начального обучения стрельбе из боевого оружия основывалась на следующих принципах [7]:

- 1) использование квалифицированно-го инструкторского состава, обладающего определенными педагогическими навыками. Обязательным требованием к инструктору являлось отличное владение оружием и умение точно и метко стрелять, так как он должен быть авторитетом для обучающихся;

- 2) работа с оружием «вхолостую» и с учебным патроном. Основное внимание уделялось обучению прицеливанию с одновременной обработкой спуска курка, особо подчеркивалось, что эти два действия неотделимы друг от друга. При этом отмечалась необходимость «отметки выстрела», т.е. определения стрелком положения мушки в прорези целика и ее проекции на мишень в момент спуска курка (шелчка). Обучающиеся выполняли 4 подготовительных упражнения до прочного усвоения навыка производства выстрела;

- 3) стрельба из малокалиберного оружия на короткие дистанции (винтовка – от 25 до 70 м, пистолет – от 15 до 20 м). Последовательно выполнялись 9 упражнений;

4) стрельба из боевого оружия на короткие дистанции (пистолет, револьвер – 15-20 м, винтовка – 100 м). При стрельбе из пистолета (револьвера) проводились подготовительно-контрольные стрельбы, в ходе которых лица, показавшие результат, не соответствующий установленным требованиям (пуля вышла из круга 6 на мишени), направлялись на дополнительную тренировку без патрона.

Стрелки, успешно прошедшие этап первоначальной подготовки, допускались к выполнению упражнений следующих этапов.

Самым значимым событием для огневой подготовки сотрудников правоохранительных органов в этот период стала констатация факта значительного отличия спортивной стрельбы и стрельбы в системе военной подготовки от так называемой милицейской стрельбы. Впервые об этом в работе «Искусство рукопашного боя» высказался Н.Н. Ознобишин. [5] Он отмечал: «То, что необходимо для военного дела, может оказаться совершенно ненужным в условиях милицейской службы, и наоборот, так как красноармеец готовится к военным действиям в поле, а милиция и уголовный розыск чаще всего употребляют его <оружие> в городской обстановке». Опираясь на спортивные методики, разработанные С.Л. Бутурлиным и Л.Л. Смирнским, Н.Н. Ознобишин разработал самостоятельную методику обучения стрельбе из револьвера и пистолета в системе подготовке сотрудников НКВД. [7] Специальная милицейская стрельба, по его мнению, отличается от обычных систем стрельбы тем, что производится с коротких дистанций по движущимся на стрелка или убегающим от него нескольким целям. Кроме того, стрельба в городской черте при преследовании преступника сопряжена с опасностью поражения мирных граждан. Н.Н. Ознобишин выделял следующие основные направления специализированного обучения [5]: стрельба на точность; по движущимся и исчезающим мишеням; стрельба на скорость; в темное время суток; инстинктивная стрельба; стрельба из различных положений.

В 30-е годы XX столетия в результате развернувшегося процесса централизации органов милиции был значительно расширен штат

милиции, укрепились ее кадровый состав и материальная база, что позволило увеличить объем времени, отводимого на получение профессионального образования.

Централизация органов милиции означала централизацию системы профессионального образования сотрудников силовых структур, которая приобрела более упорядоченный характер. На курсах и в школах обучение проводилось по единым учебным планам и программам, а сеть учебных учреждений на территории советского государства была в значительной степени расширена. Содержание профессионального образования было ориентировано на все должностные категории административных работников НКВД. Это привело к становлению такой системы профессиональной подготовки кадров милиции, которая, претерпев с течением времени определенные изменения, сохраняет актуальность и в наши дни.

В военный период (1941 – 1945 гг.) сфера задач органов милиции, с одной стороны, не претерпела кардинальных изменений и сохранила свою главную функцию – охрану общественного порядка и борьбу с преступностью. Это было особенно актуально в первой половине 40-х годов прошлого века, когда уровень преступности стремительно вырос (главным образом за счет тяжких преступлений). В связи с этим был разработан комплекс особых мер по борьбе с преступностью. В него вошли введение комендантского часа, сокращение периода предварительного следствия, рассмотрение дел военными трибуналами по законам военного времени, право производства обысков и арестов без санкции прокурора и т.д. Помимо этого работники милиции должны были вести активную борьбу с дезертирством, мародерством и хищениями, проводить эвакуацию населения и обеспечивать передвижение на фронт транспорта со свежими силовыми резервами и техникой, оказывать необходимую помощь беспризорникам.

В период военного времени на территории Советского Союза сотрудники органов внутренних дел принимали активное участие в борьбе на фронтах и в тылу, а также обеспечивали безопасность населения. В то же

время правоохранительным органам удалось поддержать правопорядок и сдерживать рост преступности на территории страны.

Учитывая увеличение количества выполняемых в период военного времени милицией функций в условиях сокращения сроков подготовки специалистов, каких-либо существенных изменений в содержании профессионального образования не происходило.

После войны в течение одного десятилетия борьба с преступностью была затруднена по причине массовой миграции, низкого материального уровня населения и масштабных амнистий. В отношении кадровой обеспеченности правоохранительных органов был отмечен недокомплект и неподготовленность к выполнению профессиональных обязанностей. [6] Это было связано, прежде всего, с произведенным в первые месяцы войны практически полным обновлением кадрового состава милиции.

В связи с преобразованиями, протекавшими в структуре милиции в период со второй половины 1940-х до первой половины 1960-х годов, перед системой профессионального образования кадров для органов внутренних дел были сформулированы новые задачи:

- поднять уровень общеобразовательной и политической подготовки кадров;
- поднять уровень профессиональной подготовки, уделяя особое внимание аспекту оперативной деятельности;
- переработать учебные и тематические планы школ и курсов с учетом проводимой внутренней реорганизации органов милиции и расширившейся областью функционала их работников.

В процессе решения этих задач была значительно расширена сеть средних специальных учреждений профессионального образования, разработаны новые учебные планы, в содержание которых вошли три направления: политическая и общеобразовательная подготовка (история ВКП(б), история СССР, русский язык, литература и т.д.), юридическая и специальная подготовка (советское государственное право, советское административное право, советское уголовное право и др.), военная и физическая подготовка (огневая подготовка, строевая и физическая подготовка, тактика и т.д.).

Благодаря мерам, предпринятым в процессе реорганизации содержания профессионального образования сотрудников милиции, удалось найти баланс во временном соотношении между теоретическим и практическим аспектами.

С точки зрения совершенствования методики огневой подготовки послевоенный период охарактеризовался принятием на вооружение армии и правоохранительных органов в 1951 году 9 мм пистолета Макарова, длина прицельной линии которого (130 мм) значительно уступает пистолету ТТ и револьверу образца 1895 года (соответственно 156 и 170 мм). По этой причине обучение прицеливанию, плавному спуску курка и отметке выстрела, а также первоначальное обучение стрельбе на коротких дистанциях приобрели еще большую актуальность.

Еще одним фактором, оказавшим неоднозначное влияние на содержание профессионально-прикладного обучения в области огневой подготовки советской милиции, стал успех советских спортсменов в международных соревнованиях в 1952 г. Это обстоятельство способствовало выделению стрелкового спорта из массового и прикладного вида в узкоспециализированную область. [4] Разработанные в этот период методики стрельбы были рассчитаны на специально отобранных и подготовленных спортсменов. Большое количество публикаций того периода посвящено методикам подготовки спортсменов к выполнению скоростных упражнений и упражнений стрельбы по движущимся мишеням. Наряду с повышением значимости спортивной составляющей, проблема учета специфики правоохранительной деятельности при обучении огневой подготовке сотрудников ушла на второй план. Указанная закономерность нашла отражение в содержании ведомственных документов МВД СССР, регламентирующих занятия по огневой подготовке как в практических органах, так и в образовательных организациях. По этой причине следует констатировать, что, несмотря на неоспоримую эффективность в формировании техники производства выстрела из огнестрельного оружия методик спортивной подготовки, в послевоенный период специ-

фика профессиональной деятельности милиции при организации и проведении занятий по огневой подготовке сотрудников милиции не учитывалась. Выпускники образовательных организаций в большинстве своем владели лишь умениями и навыками применения огнестрельного оружия в стандартных условиях – условиях выполнения строго регламентированного стрелкового упражнения. Данное обстоятельство способствовало существенному снижению эффективности профессиональной деятельности сотрудников милиции при попадании в опасные ситуации. Такое положение дел в огневой подготовке сотрудников милиции сохранялось до 1990-х годов.

В период с 1960 по 1991 годы на фоне событий, происходивших в жизни государства и общества, неоднократно принимались меры по ограничению централизации управления и переходу милиции под контроль партийного руководства страны. Процесс реформирования и внутренней реорганизации правоохранительных органов не прекращался, что привело к организационно-функциональной нестабильности. В 60-е годы прошлого века главная задача милиции заключалась в борьбе с преступностью и поддержке правопорядка при активном содействии гражданского населения (трудовые коллективы, молодежные организации и т.д.). В период с 1970 по 1980-е годы в служебной деятельности работников милиции акцент сместился на профилактику преступлений и тесное взаимодействие с общественностью.

Однако не следует игнорировать и положительные результаты, которых удалось достичь в рамках этих десятилетий: накопление значительного опыта в оперативной и следственной деятельности, отработка системы подбора кадров на основе рекомендаций общественных организаций и улучшение качества профессиональной подготовки.

К началу 1990-х годов в результате длительной полномасштабной чистки кадров органы милиции были возвращены в свое развитие к первой половине XX века. На фоне социально-политической напряженности в обществе, обострения межнациональных конфликтов и стремительного ухудшения

экономической ситуации в органах внутренних дел наиболее остро встала проблема подбора профессионально подготовленного, морально устойчивого личного состава.

В связи с этим, а также по причине формирования новых требований к государственной образовательной политике в период с 1990 по 2000 годы в деятельности ведомственных учреждений профессиональной подготовки кадров милиции произошли значительные изменения: деидеологизация и информатизация образовательного процесса, отмена специализаций, переход на многоуровневую систему подготовки специалистов, расширение возможностей и методов обучения. Профилирующая дисциплина «Огневая подготовка» является одним из ярких примеров того, как эти процессы отразились на содержании профессионального образования в учебных учреждениях системы МВД России в рассматриваемый период.

Рост преступности в 1990-е годы, связанный с политическими и социально-экономическими изменениями в государстве, повлек за собой резкое увеличение числа случаев применения и использования табельного огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. Хорошая оснащенность преступников современным оружием, средствами индивидуальной защиты и современными мощными автотранспортными средствами поставила перед образовательными учреждениями и практическими органами МВД России проблему интенсификации деятельности по разработке и внедрению современных методик обучения сотрудников милиции обращению с огнестрельным оружием в целях их эффективной подготовки к действиям в реальных условиях служебной деятельности. [8]

Ко второй половине 1990-х годов на основе многочисленных исследований в области огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел [7] окончательно формируется методика так называемого базового обучения стрельбе из боевого оружия, предусматривающая следующие элементы:

1) *обучение прицельной стрельбе.* Выполнение служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел большую часть времени проходит в условиях населенных

пунктов. По этой причине любое применение огнестрельного оружия связано с опасностью неосторожного поражения третьих лиц, в связи с чем навыки прицеливания являются обязательными для сотрудника;

2) *обучение стрельбе из различных положений.* Практика применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел показывает, что в большинстве случаев сотруднику не удается принять какое-то стандартное положение, как это предполагает спортивная стрельба. Важность производства своевременного выстрела при наличии на то правовых оснований для обеспечения личной безопасности и безопасности окружающих граждан не вызывает сомнений. По этой причине времени для принятия «удобного» положения может и не быть. Необходимо обладать навыками производства эффективного выстрела из абсолютно любой изготовки, в которой может оказаться сотрудник с учетом специфики окружающей обстановки. Кроме того, при огневом контакте чрезвычайно важно по возможности уходить с линии огня после каждых 2-3 выстрелов. Необходимость обучения стрельбе из положений с колена, лежа, сидя, из-за укрытия, из автомобиля, стрельбе с перемещениями, а также методика обучения этой стрельбе приводятся в публикациях многих авторов [2; 4; 8 и др.];

3) *обучение стрельбе на короткие дистанции (от 3 до 10 метров).* Как показывает анализ практики применения оружия в нашей стране и за рубежом, в 60% случаев огонь сотрудниками ведется на дистанциях до 10 метров. Стрельба на коротких дистанциях имеет специфику. Несмотря на близкое расположение цели, при отсутствии необходимых умений и навыков вероятность промаха высока;

4) *обучение скоростной стрельбе.* Как правило, в реальных условиях время огневого контакта составляет 2-3 секунды. За этот период стрелок успевает сделать 2-3 выстрела;

5) *обучение неприцельной стрельбе.* В ситуациях объективного отсутствия времени для прицеливания при необходимости немедленного выстрела в сторону опасности используется техника стрельбы «навскидку» или «от бедра». Следует отметить, что эффектив-

ные методики обучения этим видам стрельбы были разработаны еще в 1930-е годы. Однако в силу различных причин они были забыты и частично утрачены. В настоящее время происходит восстановление таких методик;

6) *обучение стрельбе при недостаточной освещенности и ночью.* На практике 28% случаев применения и использования оружия сотрудниками органов внутренних дел происходит в период с 20.00 до 02.00 часов, т.е. при недостаточной видимости. В связи с этим обучению стрельбе в подобных условиях также необходимо уделять большое внимание;

7) *обучение стрельбе в условиях воздействия на стрелка сбивающих факторов (смена магазина во время выполнения упражнения, устранение задержек при стрельбе, физические нагрузки, светошумовое воздействие и т.д.).* Условия несения службы сотрудниками органов внутренних дел значительно отличаются от стандартных условий тира (стрельбища). По этой причине необходимо целенаправленно приучать сотрудников к действиям в нестандартных условиях, систематически вводя в условия выполнения упражнений различные сбивающие факторы.

Современные педагогические исследования по повышению эффективности огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел идут по пути дальнейшей разработки и уточнения изложенных выше направлений обучения.

Таким образом, историческая ретроспектива становления и развития ведомственного профессионального образования органов внутренних дел позволяет сделать ряд выводов:

- специфика правоохранительной службы определила необходимость создания системы специализированных образовательных заведений, осуществляющих подготовку кадров в данном направлении деятельности;
- процесс реформирования системы профессионального образования сотрудников милиции (полиции), а также его содержания, несмотря на отличие от гражданских образовательных организаций, происходил в контексте реализации официальной образовательной и кадровой политики государства;

– основным источником определения содержания профессионального обучения в системе советской милиции (в последующем – органов внутренних дел) в период с 1917 года по настоящее время являлись и являются определенные государством задачи в области правоохранительной деятельности;

– содержание профессионального образования в образовательных организациях МВД традиционно включает в себя три основных раздела: политическая (до 90-х годов XX века) и общеобразовательная подготовка, юридическая и специальная подготовка, профессионально-прикладное двигательное обучение (огневая подготовка и физическая подготовка);

– основным фактором, способствующим активизации процесса разработки самостоятельных методик огневой подготовки сотрудников правоохранительных органов,

стало признание значительного отличия спортивной стрельбы и стрельбы в системе военной подготовки от так называемой «милицейской стрельбы»;

– основное содержание профессионально-прикладного обучения в области огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел должно включать следующие элементы:

обучение прицельной стрельбе;

обучение стрельбе из различных положений;

обучение стрельбе на короткие дистанции (от 3 до 10 метров);

обучение скоростной стрельбе;

обучение нецельной стрельбе;

обучение стрельбе при недостаточной освещенности и ночью;

обучение стрельбе в условиях воздействия на стрелка сбивающих факторов.

Библиографический список

1. Алкалаев, В. Стрелковый спорт. Организация, обучение и тренировка стрелка-спортсмена и инструктора / В. Алкалаев. – М., 1929.
2. Афанасьев, А.В. Обучение сотрудников органов внутренних дел приемам стрельбы из пистолета после перемещений в секторах : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А.В. Афанасьев. – Омск, 2011. – 22 с.
3. Бим-Бад, Б.М. История педагогики и наши сегодняшние задачи / Б.М. Бим-Бад // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: педагогические направления в теории и практике образования : материалы одиннадцатой международной научной конференции. Москва, 19 ноября 2015 г. / ред. сост. Г.Б. Корнетов. – М.: АСОУ, 2015. – 260 с.
4. Обучение стрельбе из боевого оружия / А.И. Щипин [и др.]. – М.: ЦОКР МВД России, 2007. – 259 с.
5. Ознобишин, Н.Н. Искусство рукопашного боя / Н.Н. Ознобишин. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 400 с.
6. Павлова, Я.А. Генезис профессиональной подготовки кадров в образовательных учреждениях милиции в 30-е – 40-е годы XX века / Я.А. Павлова // Мир науки, культуры, образования : международный научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 55-57.
7. Петрович, С.Э. Отечественные и зарубежные методики обучения стрельбе из стрелкового оружия / С.Э. Петрович, Г.А. Зеленин, А.А. Постников. – URL: http://klif.univer.mvd.ru/upload/site126/document_file/kzurwr3Pw.pdf.
8. Торопов, В.А. Современные методики обучения стрельбе из боевого оружия в ОВД / В.А. Торопов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 141-145.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 347:608

Дарья Евгеньевна ГОДОВИКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
dariagodovikova@gmail.com

ПАТЕНТНЫЕ ВЫМОГАТЕЛИ. КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ ПАТЕНТНОЙ АТАКИ

PATENT EXTORTIONISTS. HOW TO PROTECT AGAINST PATENT ATTACK

Патентное рейдерство, направленное на принуждение предприятий, компаний или отдельных лиц к выплате компенсаций либо к покупке патентов или лицензий, тормозит научно-технический прогресс и ограничивает инновационное развитие. Низкий уровень защиты авторских прав в России и увеличение числа прецедентов патентных атак обуславливают необходимость изменений действующего законодательства. В статье предлагаются варианты совершенствования правовых механизмов и разработка новых средств борьбы с патентными вымогателями. В результате внесения предложенных изменений прогнозируется снижение числа интеллектуальных атак, а также повышение эффективности авторской защиты.

Patent raiding aimed at forcing enterprises, companies or individuals to pay compensations or to purchase patents or licenses slows scientific and technological progress and limits innovative development. The low level of copyright protection in Russia and increase in the number of precedents of patent attacks contribute to the necessity of changes in existing legislation. This article suggests the options for improving legal mechanisms and developing new means to combat patent extortionists. As a result of making the proposed changes, the number of intelligent attacks are expected to decrease as well as to improve the efficiency of copyright protection.

Ключевые слова: патент, патентные вымогатели, патентное рейдерство, авторская защита, патентообладатель, инвалидация патента.

Keywords: patent, patent extortionists (trolls), patent raiding, copyright protection, patentee, patent invalidation.

Век информационных технологий в индустриально развитых странах все большее распространение получает проблема патентного рейдерства. Автор термина, юрист Intel Питер Деткин, называл такое явление «patent trolling», а под «patent troll» понимал компанию, «которая владеет не более

чем несколькими патентами сомнительных достоинств и не имеет отношения к бизнесу, связанному с запатентованными результатами интеллектуальной деятельности» [4]. Актуальность проблемы связана с тем, что России проблема патентного вымогательства известна с 1990-х гг., но действенных средств борь-

бы с нею не существует до сих пор. Кроме того, очень сложно защититься от такого рейдерства в связи с длительностью и дороговизной процессов. В рейтинге по уровню защиты авторских прав мы занимаем 115 место в мире, что стимулирует лиц, злоупотребляющих патентными правами, атаковать.

Пункт 1.9 программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [16, с. 26-27] в целях более эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики предлагает разработку средств борьбы с видами злоупотреблений интеллектуальными правами, которые ограничивают инновационное развитие. К числу таких злоупотреблений Программа относит сопряжение патентов и стандартов. Под сопряжением патентов и стандартов понимается деятельность так называемых патентных вымогателей или патентных рейдеров (patent trolls). Первым патентным рейдером являлся Джордж Зельден, запатентовавший в 1895 г. «дорожный двигатель», который, по сути, представлял собой сверхширокое описание автомобиля внутреннего сгорания, а затем начал предъявлять иски к автомобильным компаниям с целью заключения с ними лицензионного договора и получения в дальнейшем лицензионных платежей.

В настоящее время, по данным Бостонского университета, ущерб от действий патентных рейдеров составил почти 500 млрд. долларов. [12, с. 70]

Несмотря на то что лица, злоупотребляющие правом таким образом, действуют в зарубежных юрисдикциях, аналогичные схемы получают всё большее распространение и в национальном правовом порядке. Так, в 2008 г. Т. получил патент на полезные модели амортизаторов транспортных средств, после чего обратился к компаниям, реализующим запчастей иностранного производства. После этого полиция начала опечатывание складов фирм-дистрибьюторов с соответствующей продукцией, а Т. начал требовать получения соответствующей компенсации. [11, с. 45-46]

Алгоритм действий патентных вымогателей выглядит следующим образом.

1. Получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец путём:

а) массовой скупки по незначительной цене патентов, которые были зарегистрированы достаточно давно, о которых участникам рынка ничего не известно, но которые используются в производстве рентабельных, как правило, инновационных, продуктов (смартфоны, ПК и т.д.). Например, в 1980-е гг. в США был зарегистрирован патент на межсетевой экран. Патент изобретателем никак не использовался, о его существовании компании, занимающиеся разработкой антивирусов, ничего не знали, однако соответствующая технология активно использовалась. В начале 2010-х гг. правообладатель продал патент крупному американскому патентному рейдеру IPAT;

б) регистрации патентов на изобретение, полезную модель или промышленный образец, которые уже используются при разработке и создании определённого вида продукции, права на которые, однако, своевременно не были зарегистрированы авторами соответствующих произведений. Дело в том, что на современном рынке для выведения на рынок того или иного высокотехнологичного товара (так называемые комплексные инновационные товары) требуется регистрация очень большого количества патентов. Например, с 2007 г. корпорация Apple получила более 200 патентов на iPhone. При этом разработчики вполне могут что-то упустить и не зарегистрировать права на соответствующую технологию, чем патентные вымогатели активно пользуются. Так были зарегистрированы активация продуктов активационным кодом, которая была разработана компанией Microsoft, но права на которую зарегистрированы не были [7], или онлайн-покупка за один клик, которая впервые была внедрена «Amazon» [6];

в) регистрация патентов на изобретение, полезную модель или промышленный образец, которые не отвечают условиям патентоспособности (пункты 2, 5 статьи 1350 ГК РФ), при помощи ошибок, допущенных регистратором при проверке заявки на патент, проведения формальной экспертизы или экспертизы по существу. Например, в 1999 г. был выдан патент № 2139818 «Стекланный сосуд», который с использованием крайне

сложной терминологии описывал обычную стеклянную бутылку. Патентообладатель затем обратился к пивоваренным компаниям с требованием о выплате ему соответствующей компенсации и заключении лицензионного соглашения. Очевидно, что технология производства стеклянной бутылки известна из существующего уровня техники, однако специалисты Роспатента ввиду чрезвычайно сложного описания формулы изобретения этого не заметили. [13]

2. Обращение к иным участникам рынка – как правило, крупным, финансово устойчивым компаниям, которые используют соответствующий результат интеллектуальной деятельности, с требованием о выплате компенсации и заключении лицензионного договора.

Следует отметить, что действующее законодательство уже предоставляет возможности защиты от патентного рейдера – либо требуя инвалидации патента, поскольку соответствующий результат интеллектуальной деятельности не отвечает условиям патентоспособности, либо ссылаясь на право преждепользования, которое возникло у ответчика до регистрации патента (ст. 1361 ГК РФ). Однако судебное разбирательство по патентному спору может длиться несколько лет, требуется привлечение квалифицированных юристов и т.д. Например, АО «Лаборатория Касперского» выиграла процесс против патентного вымогателя IPAT (патент последнего был признан недействительным), затратив на ведение процесса, который длился 3,5 года, два с половиной миллиона долларов. Интересно, что патентный вымогатель обратился с иском ещё к 34 крупным IT компаниям, которые предпочли урегулировать спор в досудебном порядке.

При этом в рамках ныне существующей процедуры компенсировать убытки на ведение процесса можно лишь в ограниченном объёме. В США иск о компенсации судебных расходов можно предъявить только с момента «disclosure», т.е. момента, когда патентный рейдер точно знал, что его права в предполагаемом правоотношении нарушены не были, что очень трудно доказать. В Российской Федерации в разумных пределах возмещаются

все судебные расходы, однако понесённые досудебные расходы стороне, выигравшей разбирательство, не возмещаются.

В результате ответчики сталкиваются с ситуацией – либо заплатить патентному вымогателю компенсацию за неправомерное использование исключительного права и заключить лицензионный договор, либо понести судебные расходы, которые в дальнейшем не будут возмещены и которые составят сумму, аналогичную либо большую, нежели урегулирование спора в досудебном порядке. При этом предъявление лицам, злоупотребляющим правами, каких-либо иных требований практически невозможно – к ним невозможно предъявить деликтное требование, поскольку обращение в суд, являясь частью конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), по определению не может считаться неправомерным действием. Не нарушают такие лица и личные неимущественные права, такие, например, как деловая репутация. Наконец, невозможно их привлечение к публичной ответственности; утверждения, что действия патентных рейдеров образуют состав мошенничества [18, с. 12-13], не выдерживают никакой критики.

Таким образом, лица, к которым обращаются патентные вымогатели, сталкиваются с выбором – либо потратить значительные суммы на судебные расходы, либо заплатить «разумные» отчисления рейдеру. При этом всегда есть риск проиграть процесс. Последствия такого проигрыша могут стать катастрофическими. В соответствии с п. 4 ст. 1252 ГК РФ и ст. 1406.1 ГК РФ если использование материальных носителей, в которых выражено исключительное право, нарушает такое исключительное право, они подлежат изъятию из оборота без какой бы то ни было компенсации. Кроме того, патентный вымогатель может обратиться к механизмам публичной ответственности – уголовной (ст. 147 УК РФ «Незаконное использование патента») или административной (ст. 7.12 КоАП РФ «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав»), причём согласно ч. 4 ст. 111 УПК РФ органы следствия или дознания могут применить такую меру процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество.

В связи с этим нам хотелось бы предложить механизм законодательных изменений в существующее регулирование с тем, чтобы ограничить злоупотребления.

Ключевыми целями при разработке являлись:

1) удорожание стоимости деятельности патентных рейдеров;

2) расширение возможности лиц, выигравших процесс против патентного вымогателя, возместить любые расходы, которые такое лицо понесло в рамках судебного разбирательства;

3) упрощение процедуры оспаривания патента патентного рейдера;

4) создание эффективной системы защиты добросовестных преждепользователей;

5) защита прав так называемых непрaktикующих патентообладателей (non-practicing entity, NPE), которые занимаются исключительно разработкой и продажей патентов, поскольку к таковым относятся не только патентные рейдеры, но и различного рода научные и научно-исследовательские организации [17, с. 45];

6) уменьшение возможных негативных последствий, наступающих в случае удовлетворения требования патентного вымогателя.

Для достижения поставленных целей предлагается принятие следующих мер.

Установление возможности возмещения досудебных расходов лиц, которые выиграли судебное разбирательство против патентного рейдера.

Согласно ст. 101 АПК РФ к судебным расходам относятся государственная пошлина и судебные издержки, под которыми понимаются расходы, понесённые лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде (ст. 106 АПК РФ). При этом судебная практика понимает под судебными издержками только те издержки, которые были понесены лицом непосредственно в рамках судебного разбирательства (постановления Президиума ВАС РФ от 29.03.2011 №13923/10, от 18.10.2011 № 5851/11; определение судьи Верховного Суда РФ от 25.08.2014.2014 № 309-ЭС14-116). Такая позиция во многом является оправданной, поскольку право на возме-

ние судебных расходов является процессуальным, а сами судебные расходы по общему правилу подконтрольны суду и лишь потому должны возмещаться [14, с. 130-135], чтобы обеспечить минимально необходимую степень реализации принципа состязательности гражданского судопроизводства. Однако в ситуации рассмотрения патентных споров, где досудебные расходы довольно значительны и по определению необходимы (проведение экспертиз присланных патентным вымогателем документов, объём которых может измеряться тысячами страниц; привлечение квалифицированных юристов – всё это нужно для того, чтобы понять, насколько обоснован иск патентного рейдера).

Важно, что подобное предложение лежит в русле изменения в том числе и международного законодательства. Так, в 2013 г. в Сенат США был внесён Scheld Cyber Act, в котором возмещение всех расходов на ведение дела против патентного рейдера возлагается на проигравшего, который сначала был отклонён. В 2017 переработанный акт был внесён на рассмотрение Конгресса США [9], получил положительную оценку в том числе ведущих экспертных организаций США [5].

В связи с вышеизложенным предлагаем дополнить ст. 110 АПК РФ частью 7 в следующей редакции: «В случае принятия судом решения, которым в удовлетворении исковых требований патентообладателя, вытекающих из пунктов 3 и 4 статьи 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации, отказано, суд по заявлению лица, в пользу которого был принят судебный акт, вправе в разумных пределах взыскать со стороны расходы, произведённые этим лицом в целях защиты своих прав до принятия искового заявления (досудебные расходы)».

Установление возможности предъявления встречный иск о признании патента недействительным.

Следует отметить, что если доходы компании меньше требуемой суммы лицензионных отчислений, но больше судебных издержек, единственным рациональным действием для такого лица будет заключение с лицом, злоупотребляющим правами, лицензионного соглашения. В связи с этим вымогатель, об-

ращаясь к новым жертвам, должен понимать, что если в отношении него будет заявлен встречный иск об инвалидации патента, который будет удовлетворён, он потеряет право получать лицензионные платежи от уже имеющих лицензиатов. Данная угроза является весьма существенной, что может резко ограничить число подаваемых патентными рейдерами исков.

В соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 1398 ГК РФ признание недействительным патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец по основаниям, указанным в пп. 1-4 п. 1 данной статьи может быть оспорен только путём подачи возражения в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Палата по патентным спорам). Согласно пункту 10 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 декабря 2007 г. № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» суд при рассмотрении дела не имеет права рассматривать вопрос о соответствии изобретения, полезной модели или промышленного образца условиям патентоспособности, если этот вопрос не был до этого разрешён в Роспатенте. Порядок рассмотрения подобных возражений определен в соответствии с Правилами подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утверждёнными приказом Российского агентства по патентам и товарным знакам от 22 апреля 2003 г. № 56. При этом, в силу того, что процедура предъявления возражений против патента является административной, по буквальному смыслу АПК РФ суд не обязан даже приостановить рассмотрение дела, поскольку обязанность (п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ) или право (ч. 9 ст. 130 АПК РФ) суда приостановить рассмотрение дела законодательно установлена лишь в том случае, когда судом рассматривается другое дело и существует риск вынесения противоречащих друг другу судебных актов. В том же случае, если возражения были поданы в Роспатент (который является органом исполнительной, а не судебной власти), нормативно установленной обязанности приостанавливать рассмотрение

дела не имеется. При этом существует ряд судебных решений (например, постановление СИП РФ от 26.01.2015 № С01-1350/2014 по делу № А41-56978/2012), в которых в приостановлении рассмотрения дела было отказано. ВАС РФ в упоминавшемся информационном письме № 122 указывает, что рассмотрение Палатой по патентным спорам и Роспатентом возражений против предоставления правовой охраны товарному знаку не влечет обязательного приостановления производства по делу о нарушении прав на этот товарный знак. Соответствующая правовая позиция может быть распространена и на рассмотрение споров о недействительности изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

Примечательно, что соответствующие нормы Гражданского кодекса РФ являлись предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ по запросу Суда по интеллектуальным правам (определение от 10 марта 2016 г. № 448-О). Суд отметил, что в настоящий момент правовое регулирование досудебного (административного) порядка защиты интеллектуальных прав пробельно, поскольку в нём не установлен срок рассмотрения споров о признании патентов недействительными. Следовательно, необходимость подачи требования в Роспатент при невозможности подачи встречного иска может существенно затянуть срок рассмотрения дела и увеличить транзакционные издержки ответчика.

При этом, как и в предыдущем примере, факт существования административной процедуры сам по себе оправдан – он позволяет разгрузить суды, передать полномочия по первичному рассмотрению споров о признании патентов недействительными компетентному органу исполнительной власти. Тем не менее нормативное регулирование данной деятельности страдает существенными изъянами – даже если ответчик будет ссылаться на то, что патент недействителен, поскольку результат интеллектуальной деятельности не будет отвечать требованиям патентоспособности, возможно вынесение решения суда по иску патентного вымогателя до рассмотрения его возражений Роспатентом. Кроме того, поскольку срок рассмотрения дела в

Роспатенте не установлен, это может привести к неоправданному затягиванию сроков разбирательства. Так преимущества досудебной процедуры превращаются в недостатки. Поэтому целесообразным будет установить правило, в соответствии с которым встречный иск об инвалидации патента может быть подан в тот же суд с обязательным привлечением Роспатента.

В связи с вышеизложенным предлагаем дополнить пункт 2 статьи 1398 ГК РФ абзацем следующего содержания: «В случае предъявления патентообладателем требований, вытекающих из пунктов 3 и 4 статьи 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации, допускается предъявление в тот же суд встречного иска о признании патента недействительным по основаниям, указанным в пункте 1 статьи 1398 Гражданского кодекса Российской Федерации. Суд, принявший к рассмотрению встречный иск, обязан привлечь в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности, который выдаёт заключение о наличии оснований для признания патента недействительным».

Установление обязанности использовать изобретение, полезную модель или промышленный образец под угрозой лишения патентообладателя соответствующих исключительных прав.

Очень часто патентные рейдеры скупают патенты, которые долго не использовались патентообладателями, срок действия которых в скором времени истекает. В силу того, что данные патенты не использовались, участники рынка не знают о его существовании, даже с учётом ведения публичных открытых реестров. В силу этого целесообразным было бы предоставление ответчикам возможности защищаться против предъявленных к ним исков посредством указания на длительный период неиспользования патента.

Отечественное законодательство уже знает примеры лишения правовой защиты в случае неиспользования товарного знака (ст. 1486 ГК РФ) или земельного участка сельскохозяйственного назначения (ст. 6

Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»). Поэтому распространение подобного механизма на изобретения, полезные модели и промышленные образцы является возможным. Правда, специфика злоупотребления патентными правами и здесь предполагает необходимость установить возможность требовать отказа в защите права на патент только в случае предъявления патентообладателем иска, не разрабатывая специального требования о признании патента недействительным по иску заинтересованного лица, как это установлено применительно в правовом регулировании товарного знака. При этом соответствующая ссылка должна приводить не к признанию недействительным патента (который сам по себе может являться основанием для использования идеи при внедрении в оборот продукции того или иного рода), а к отказу в удовлетворении исковых требований, причём в процессе только против ответчика, который заявил о длительном неиспользовании патента.

Интересно, что ещё в 1908 г. в США компания-инноватор пыталась защититься от патентного рейдера ссылкой на то, что патентообладатель не использовал запатентованное им изобретение. Однако довод ответчика не был принят судом, который указал, что патентообладатель вправе использовать исключительные права по принадлежащему ему патенту любым образом, что, в частности, предполагает возможность неиспользования патента вообще. Верховный Суд США, согласившись с судами низших инстанций, отметил, что длительное неиспользование патента, которое не соответствует технологическому прогрессу, теоретически может являться основанием для отказа в применении экстраординарной меры судебной защиты – судебного запрета на использование соответствующей технологии. [1]

Однако полагаем, что возможно требовать от патентообладателя использования принадлежащего ему исключительного права, поскольку в противном случае патентообладатель (даже если он не является патентным вымогателем) накапливает патенты исключительно для того, чтобы исключить конку-

рентов. Например, в 2011 г. между Apple и Google началась патентная война – два технологических гиганта начали скупать патенты, которые теоретически были использованы конкурентами при создании комплексных товаров (смартфоны, мобильные ОС [10] и т.д.) с целью в дальнейшем установить конкуренту препоны в реализации товаров, в которых соответствующие технические решения применяются. [8] В то же время Соглашение по торговым аспектам интеллектуальной собственности в статье 7 устанавливает, что охрана и реализация прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу и передаче и распространению технологий к взаимной выгоде производителей и пользователей технологических знаний. Как закреплено в ст. 1 преамбулы к Директиве 2004/48/ЕС, «охрана интеллектуальной собственности важна не только для поддержания инноваций и творчества, но и для развития рынка труда и улучшения конкуренции» [12, с. С. 75-76].

В связи с вышеизложенным предлагаю дополнить ст. 1406 ГК РФ пунктом следующего содержания: «В случае предъявления патентообладателем требований, вытекающих из пунктов 3 и 4 статьи 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации, суд отказывает в удовлетворении исковых требований, если ответчик докажет, что изобретение, полезная модель или промышленный образец, на которые был получен патент, непрерывно не использовались в течение пяти лет».

Ограничение права патентообладателя на получение судебного запрета (пп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ) или на изъятие материальных носителей, в которых выражен результат интеллектуальной деятельности (пп. 4 п. 1 ст. 1252 ГК РФ).

Лица, злоупотребляющие патентными правами, часто предъявляют иски к крупным инновационным компаниям, выпускающим комплексные, технологически сложные товары, для которых запрет использовать технологию в производстве массового продукта (например, модели iPhone) может привести к огромным издержкам, связанным с изменением производственных цепочек. Угроза же

конфискации такого рода уже произведённых товаров и вовсе может привести к столь существенным потерям, что восполнить их уже не удастся.

Идея ограничить возможность защиты патентных прав исключительно возможностью предъявления требования об убытках либо выплате компенсации в твёрдой форме давно рассматривается в экономическом анализе права. [2] Примечательно и то, что Верховный Суд США в 2006 году ограничил возможность применения судебного запрета при защите патентных прав [3], выработав следующий тест:

1) столкнулся ли истец с непоправимым вредом при отсутствии запрета;

2) хватает ли истцу адекватных средств защиты по закону помимо запрета на использование ОИС;

3) соответствует ли запрет будущим публичным интересам;

4) есть ли баланс тягот сторон в пользу выдачи отказа.

Представляется разумным ввести нормы, ограничивающие возможность применения подобных, реституционных, методов защиты (liability rule).

В связи с вышеизложенным предлагаю дополнить ст. 1252 ГК РФ пунктом 1.1 следующего содержания: «Применение мер защиты прав патентообладателей, предусмотренных подпунктами 2 и 4 пункта 1 настоящей статьи, допустимо, только если применение иных мер защиты не может обеспечить защиту исключительного права. Применение мер, предусмотренных подпунктами 2 и 4 пункта 1 настоящей статьи, может считаться несоразмерным, в частности, если патентообладатель не использовал принадлежащее ему исключительное право или если исключительное право используется нарушителем патента в массовом производстве комплексных товаров».

Иные возможные меры, которые могли бы ограничить деятельность патентных рейдеров.

Во-первых, возможно расширение прав преждепользователей. В настоящий момент преждепользователи, т.е. лица, которые до даты приоритета изобретения, полезной мо-

дели или промышленного образца добросовестно использовали на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение, обладают правом на использование такого решения **без расширения объема использования**. При этом расширение любым путем объема использования изобретения, полезной модели или промышленного образца не допускается (пункт 29 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г.). Однако подобное толкование соответствующей нормы приводит к тому, что при производстве иных технологических изделий преждепользователь не имеет права на безвозмездное использование решения, что может привести к негативным последствиям. Так, если решение использовалось при производстве одного смартфона, перенести его на производство иного смартфона той же линейки уже не представляется возможным, поскольку это расширение объема использования. Предлагается расширить права преждепользователей, позволив внедрять им соответствующие решения при самостоятельном производстве любого вида продукции.

Во-вторых, подавляющее большинство патентных вымогателей не ведут коммерческо-производственную деятельность, занимаясь лишь скупкой патентов и получением лицензионных отчислений с них. Несмотря на то что данный критерий распространяет-

ся в том числе и на университеты, научные лаборатории и проч., а также на то, что его достаточно легко обойти [12, с. 78], использование его при установлении дополнительного публичного давления может увеличить расходы рейдеров. В связи с этим возможно внесение поправок в налоговое законодательство, в соответствии с которыми, например, для коммерческих юридических лиц, чей доход на 80 и более процентов формируется за счёт уплаты лицензионных платежей, устанавливается повышенная ставка налога на прибыль. От уплаты налога по повышенной ставке должны быть освобождены некоммерческие юридические лица (к которым относится большинство научных учреждений), а также коммерческие юридические лица, которые докажут ведение ими самостоятельной научной деятельности, выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и т.д.

Таким образом, следует резюмировать, что проблема патентного рейдерства достаточно серьезна. Она представляет собой угрозу развитию цифровой экономики, тормозит процесс ее развития. Это угроза новым идеям и разработкам, поскольку патентному вымогательству могут подвергаться не только крупные участники бизнеса, но и стартапы, которые только вчера появились на рынке. Однако предотвратить патентное рейдерство, а также начать эффективно бороться с ним было бы намного проще, если бы в действующее законодательство были внесены всего несколько изменений.

Библиографический список

1. Continental Paper Bag Co. v. Eastern Paper Bag Co. 210 U.S. 405 (1908).
2. Depoorter B. Property Rules, Liability Rules and Patent Market Failure.// 1 Erasmus Law Review. 2007-2008. P.59.
3. eBay Inc. v. MercExchange, L.L.C., 547 U.S. 388 (2006).
4. Terrence P. McMahon, Stephen J. Akerley, Jane H. Bu, Who Is A Troll? Not A Simple Answer, 7 Sedona Conf. J. 159 (2006).
5. URL: <http://icitech.org/wp-content/uploads/2017/04/ICIT-Analysis-The-Cyber-Shield-Act.pdf>.
6. URL: <http://news.softpedia.com/news/Amazon-Re-Granted-1-Click-to-Buy-Patent-137190.shtml>.
7. URL: <http://www.cnet.com/news/microsoft-slapped-with-388-million-patent-verdict>.

8. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/08/05/saveandroid>.
9. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2020>.
10. В США допускается патентирование программ для ЭВМ. Интересно, что подобная возможность, ранее существовавшая в Новой Зеландии, в 2013 году была заблокирована. – URL: <https://lenta.ru/news/2013/08/29/software>.
11. Васильцева, Е. Патентное рейдерство / Е.Васильцева // Корпоративный юрист. – 2010. – № 3. – С. 44-47.
12. Ворожевич, А.С. Патентный троллинг: сущность, история, правовые механизмы борьбы / А.С. Ворожевич // Закон. – 2013. – № 9. – С. 68-79.
13. Джермакян, В.Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса Российской Федерации постатейный / В.Ю. Джермакян. – 3-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс.
14. Ильин, А.В. К вопросу о возможности возмещения досудебных расходов по правилам главы 9 АПК РФ / А.В. Ильин // Закон. – 2013. – № 1. – С. 127-132.
15. Карапетов, А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд / А.Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 24-80; № 12. – С. 24-73.
16. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 №1632-р // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.
17. Сухарева, А.Е. Непрактикующие лица: патентные тролли или потерпевшие от нарушения патентообладатели? / А.Е. Сухарева, Р.Э. Туркин // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2017. – № 9. – С. 41-54; № 10. – С. 37-48.
18. Шибанова, Е.В. О взаимодействии криминалистики и УК РФ (на примере норм о мошенничестве) / Е.В. Шибанова // Российский следователь – 2015. – № 21. – С. 10-14.

УДК 347.4

Ксения Юрьевна КАЗАНЦЕВА,
преподаватель кафедры гражданского права
и процесса Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)
geyzer007@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

CURRENT ISSUES OF RECOGNIZING A TRANSACTION AS INVALID AS A WAY OF PROTECTING CIVIL RIGHTS

В статье рассматривается такой способ защиты гражданских прав, как признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности, его сущность и назначение, раскрыто понятие сделки и выявлены её обязательные условия, раскрыт вопрос добросовестности истца при признании сделки недействительной. Особое внимание уделено анализу правовых оснований признания недействительными сделок, не соответствующих закону или иным правовым актам. Даются рекомендации, направленные на совершенствование правового регулирования в указанной сфере.

The article considers such a way of protecting civil rights as recognizing a transaction as invalid, application of consequences of its invalidity, its essence and function. The notion of a transaction, its obligatory conditions as well as an issue of plaintiff's good faith are revealed in recognizing a transaction as invalid. The special attention is paid to the analysis of the legal grounds of recognizing the invalidation of transactions which do not comply with the law or other legal acts. The recommendations aimed at improving the legal regulation in this area are given.

Ключевые слова: недействительность сделок, защита гражданских прав, субъективное право на защиту гражданских прав.

Keywords: invalidity of transactions, protection of civil rights, subjective right to protect civil rights.

Существование гражданских правоотношений неразрывно связано с заключением их субъектами сделок, при этом субъекты не всегда соблюдают условия действительности сделки, что, в свою очередь, приводит к признанию такой сделки недействительной. В большинстве случаев причинами недействительности сделок являются отсутствие юридической грамотности сторон сделки и различного рода злоупотребления недобросовестных участников сделки.

В п. 1.1 проекта Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации отмечено: «Несмотря на небольшое количество общих норм о недействительности сделок, они име-

ют огромное значение для стабильности гражданского оборота в целом, поскольку являются основным инструментом защиты прав и интересов добросовестных лиц в случае их нарушения при совершении гражданско-правовых сделок».

Такой способ защиты гражданских прав, как признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности, преследует общие цели превенции противоправных действий и восстановления нарушенных прав посредством недопущения исполнения порочной сделки, а если на момент предъявления иска сделка исполнена – применение последствий недействительности частично или полностью исполненной сделки. [1, с. 97]

Сущность рассматриваемого способа защиты заключается в том, что лицо стремится к восстановлению прав, нарушенных исполнением порочной сделки, или к предотвращению их нарушения возможностью такого исполнения в будущем, и выражается в предъявлении им требования о признании сделки недействительной и применении последствий её недействительности или требования о признании недействительной сделки, исполнение которой не производилось.

В работах, посвященных исследованиям института недействительности сделки как способа защиты гражданских прав, не решён ряд проблемных вопросов. Так, на сегодняшний день не сложилось единого мнения о том, что же следует понимать под природой сделки, по поводу соотношения воли и волеизъявления нет единого понимания недействительных сделок и их правовой природы.

Неправильное толкование и применение норм, входящих в институт недействительности сделки, не позволяет участникам гражданских правоотношений эффективно защищать свои права и законные интересы. Поэтому для предупреждения нарушений гражданских прав в данной сфере следует изучить и дать определение действительной и недействительной сделок, условия действительности и основания признания сделки недействительной, провести классификацию недействительных сделок в зависимости от различных оснований, а также рассмотреть основные проблемы применения данного способа защиты гражданских прав.

Легальное понятие «сделка» содержится в ст. 153 ГК РФ. Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Согласно приведенному понятию сделка является юридическим фактом, который порождает позитивный правовой результат, к которому стремятся участники гражданских правоотношений.

Для того чтобы сделка повлекла за собой желаемые субъектами правовые последствия, необходимо наличие следующих обязательных условий.

1. Сделка должна быть совершена надлежащим субъектом.

2. Должна быть соблюдена предусмотренная законом форма сделки.

3. Необходимо наличие единства воли и волеизъявления сторон в момент совершения сделки.

4. Содержание сделки не должно противоречить закону.

На основании перечисленных выше условий в зависимости от того, какое условие оказалось «дефектным», в науке гражданского права выделяются четыре вида недействительных сделок: сделки с пороком субъективного состава, сделки с пороками воли, сделки с пороками формы и сделки с пороками содержания.

Несмотря на то, что в ГК РФ закреплены общие правила недействительности сделок и все виды недействительных сделок, на практике очень часто возникают проблемы с признанием конкретной сделки недействительной. Рассмотрим некоторые из них и предложим возможные, на наш взгляд, пути решения.

Следует помнить о том, что не все сделки, которые могут быть признаны недействительными, влекут за собой последствия недействительности сделок и становятся предметом судебного разбирательства. Прежде всего это связано с тем, что, хотя сделка и обладает теми или иными пороками, она не нарушает как права и охраняемые законом интересы сторон, которые заключили сделку, так и интересы третьих лиц.

Признание сделки недействительной только по той причине, что в ней обнаружены те или иные пороки, но без цели защиты прав и интересов сторон сделки, вступает в противоречие с началами гражданского права. [2, с. 74].

Следовательно, стороне сделки для того, чтобы добиться признания сделки недействительной, необходимо обосновать свое право на иск о признании сделки недействительной, а именно доказать в суде, что оспариваемая сделка нарушает его права или интересы, а в случае, когда сделка оспаривается в интересах третьих лиц, необходимо доказать, что

сделка нарушила права или интересы этих лиц.

Например, если супруг оспаривает сделку по распоряжению общим имуществом, совершенную другим супругом (ст. 35 СК РФ), мало доказать только факт отсутствия согласия на сделку и недобросовестность контрагента, нужно еще обосновать нарушение прав истца, например продажу имущества по заниженной цене или на невыгодных условиях (длительная рассрочка платежа и т.п.). [2, с. 75]

Также следует отметить положение абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, которое устанавливает ограничение на оспаривание сделки по причине её недействительности, если сторона сделки знала или должна была знать об основаниях недействительности сделки, но в то же время выражала свою волю на сохранение сделки путем письменного или устного заявления либо исполнением или приготовлением к исполнению.

В п. 5 ст. 166 ГК РФ предусматривается, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. Данное положение распространяется как на оспоримые, так и на ничтожные сделки, и его можно рассматривать как способ «оздоровления» недействительных сделок.

Анализ п. 70 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» позволил отметить следующее.

Во-первых, заявление о недействительности сделки и о применении последствий недействительности может быть сделано в любой форме (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.).

Во-вторых, заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если сделано недобросовестной стороной. Недобросовестность выражается в таком поведении, если после заключения сделки

сторона сделки давала основание другим лицам и контрагенту полагаться на действительность данной сделки.

Так, п. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 "Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды"» устанавливает: судам следует иметь в виду, что доводы арендатора, пользовавшегося имуществом и не оплатившего пользование объектом аренды, о том, что право собственности на арендованное имущество принадлежит не арендодателю, а иным лицам и поэтому договор аренды является недействительной сделкой, не принимаются судом во внимание.

Указанное разъяснение полностью соответствует п. 5 ст. 166 ГК РФ, так как недобросовестный арендатор, уведомленный о неуправомоченном арендодателе и давший свое согласие на заключение сделки, не имеет права в последующем требовать признания её недействительности.

Одной из новаций гражданского законодательства стало внесение в 2014 г. изменений в ст. 168 ГК РФ «Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам». Законодатель в п. 1 ст. 168 ГК РФ закрепил презумпцию оспоримости сделки, которая нарушает требования закона или иного правового акта. Ранее ситуация была обратной, если иное не было установлено законом, недействительная сделка считалась ничтожной.

Анализ гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что законодатель, установив презумпцию оспоримости сделок, не привел в соответствие с новыми положениями иные нормы о недействительности сделок (Особенной части гражданского права), которые действовали последние 20 лет, основываясь на презумпции ничтожности недействительной сделки.

Говоря о путях разрешения сложившейся ситуации, детально рассмотрим положение ст. 168 ГК РФ и её системную взаимосвязь со специальными нормами о недействительности сделок.

В п. 1 ст. 168 ГК РФ предусматривается, что за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 168 ГК РФ или иным законом, сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. При этом сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Буквальное толкование статьи позволяет сделать следующий вывод. По общему правилу сделка, противоречащая закону или иному правовому акту, оспорима. Ничтожной сделка будет являться в следующих случаях:

- сделка посягает на публичные интересы,
- сделка нарушает охраняемые законом права и интересы третьих лиц;
- на ничтожность сделки указано в ГК РФ или ином законе.

В абз. 2 п. 73 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» приведен примерный перечень норм, устанавливающих ничтожность сделок.

Так, в силу прямого указания закона к ничтожным сделкам, в частности, относятся: соглашение об устранении или ограничении ответственности лица, указанного в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ (п. 5 ст. 53.1 ГК РФ); соглашение участников товарищества об ограничении или устранении ответственности, предусмотренной в ст. 75 ГК РФ (п. 3 ст. 75 ГК РФ); сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ); мнимая или притворная сделка (ст. 170 ГК РФ); сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства (п. 1 ст. 171 ГК РФ); соглашение о переводе должником своего долга на другое лицо при отсутствии согласия кредитора

(п. 2 ст. 391 ГК РФ); заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ); договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя (п. 3 ст. 572 ГК РФ); договор, устанавливающий пожизненную ренту в пользу гражданина, который умер к моменту его заключения (п. 3 ст. 596 ГК РФ); кредитный договор или договор банковского вклада, заключенный с нарушением требования о его письменной форме (ст. 820 ГК РФ, п. 2 ст. 836 ГК РФ). Также в силу п. 5 ст. 426 ГК РФ условия публичного договора, не соответствующие требованиям, установленным п. 2 и 4 этой статьи, являются ничтожными.

Следует отметить, что нормы ГК РФ не всегда содержат прямое указание на ничтожность сделки, а устанавливают иные формулировки: «не допускается», «не может» и др.

Так, в абз. 2 п. 74 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Например, ничтожно условие договора доверительного управления имуществом, устанавливающее, что по истечении срока договора переданное имущество переходит в собственность доверительного управляющего.

Согласно п. 75 указанного постановления сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы, например сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (п. 1 ст. 336, ст. 383 ГК РФ), сделки о страховании противоправных интересов (ст. 928 ГК РФ).

В то же время остается неразрешенным вопрос: как толковать и применять нормы гражданского права, в которых закреплены положения о недействительности сделки без уточнения вида ее недействительности. Например, в случае несоблюдения требуемой формы сделки (формы соглашения о неустойке (ст. 331 ГК РФ), договора залога (абз. 3 п. 3 ст. 339 ГК РФ), поручительства (ст. 362 ГК РФ), купли-продажи недвижимости (ст. 550 ГК РФ), аренды здания или сооружения (ст. 651 ГК РФ), аренды предприятия (п. 3 ст. 658 ГК РФ), страхования (ст. 940 ГК РФ), доверительного управления имуществом (ст. 1017 ГК РФ) и т.д.).

В соответствии с п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» соглашение о неустойке должно быть заключено в письменной форме по правилам, установленным п.п. 2, 3 ст. 434 ГК РФ, независимо от формы основного обязательства (ст. 331 ГК РФ). Несоблюдение письменной формы такого соглашения влечет его ничтожность (п. 2 ст. 162, ст. 331, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Суд в данном постановлении разъяснил, что несоблюдение письменной формы неустойки влечет за собой ничтожность соглашения, так как в соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ нарушен явный законодательный запрет.

Таким образом, возникает вопрос: в соответствии с вышеприведенным постановлением все ли нормы гражданского законодательства, где устанавливается недействительность договора и не уточняется его оспоримость и ничтожность, следует считать ничтожными? Если ответить на этот вопрос положительно, то тогда теряется смысл изменений ст. 168 ГК РФ, в которой устанавливается презум-

пция оспоримости, согласно которой при толковании положений о недействительности сделок для определения того, является та или иная сделка оспоримой или ничтожной, необходимо принимать решения в пользу оспоримости.

В юридической литературе приводятся три варианта разрешения выявленной проблемы.

1. Ничтожными являются любые сделки, не соответствующие закону, если в законе не указаны иные последствия.

2. Ничтожными признаются только те сделки, о которых закон прямо говорит, что они ничтожны.

3. Ничтожность сделки выводится на основе толкования нормы. Если норма содержит прямой законодательный запрет и ее цель – лишение правовых последствий каких-либо юридически значимых действий, совершаемых субъектами гражданского права, то сделка, не соответствующая этой норме, признается ничтожной. [3, с. 35]

На наш взгляд, необходимо руководствоваться вторым и третьим вариантами разрешения выявленной проблемы, т.е. ничтожными признаются те сделки, которые устанавливаются такими в силу закона путем прямого указания на их ничтожность и в случаях, когда законодатель использует иные формулировки при определении ничтожности сделок («не допускается», «не может» и др.).

Полагаем, что четкое разграничение ничтожной и оспоримой сделок при применении такого способа защиты гражданских прав, как признание сделки недействительной и применение последствий недействительности сделок, возможно только в том случае, если законодатель проведёт полную «ревизию» гражданского законодательства и прямо укажет те нормы, нарушение которых повлечет за собой ничтожность сделки.

Библиографический список

1. Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М., Норма, 2010.
2. Скловский, К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок) / К.И.Скловский. – 3-е изд. // СПС Консультант-Плюс, 2015.
3. Тололаева, Н.В. Соотношение некоторых оснований недействительности сделки / Н.В.Тололаева // Судья. – 2015. – № 10.

УДК 351.72:336.1

Кирилл Владимирович ПРЯНИК,
Санкт-Петербургский государственный университет
79217479359@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОСНОВЕ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ РЕЕСТРОВ

LEGAL REGULATION OF THE TECHNOLOGIES ON THE BASIS OF DISTRIBUTED REGISTERS

На сегодняшний день можно констатировать появление новой ступени развития денег, которая напрямую связана с виртуальным миром. В связи с активным использованием криптовалюты мировым сообществом, а также появлением ее и в России перед законодателем стоит проблема легализации такого экономического нововведения. Однако до сих пор отсутствуют механизмы правового регулирования криптовалют, что серьезно тормозит развитие цифровой экономики в России. В рамках настоящей статьи автором предпринимается попытка установить правовой статус криптовалют и системы блокчейн. Кроме того, анализируется содержание указанных явлений с правовой точки зрения и предлагаются дефиниции для развития законодательства.

Nowadays there is a new stage of developing currency that is directly connected with the virtual world. Due to the active using cryptocurrency by the world community and its emergence in Russia the legislators try to solve the problem of legalizing such economic innovation. However, there is still no mechanisms of legal regulation of cryptocurrency, that seriously slows down the development of the digital economy in Russia. In the context of the article the author tries to establish legal status of cryptocurrency and blockchain system. In addition, the content of these phenomena are legally analyzed and the definitions for developing legislation are suggested.

Ключевые слова: распределенные реестры, децентрализованный реестр, блокчейн, токен, криптовалюта, смарт-контракт.

Keywords: distributed registers, decentralized register, blockchain, token, cryptocurrency, smart-contract.

Стремительное развитие интернет-технологий с каждым днём ставит новые задачи перед юридическим сообществом. Последним глобальным прорывом в IT-сфере стала технология распределенных реестров. Актуальность данной работы подтверждается тем, что в действующем российском законодательстве отсутствуют не только механизмы правового регулирования криптовалют и блокчейн-технологий, но даже базовые дефиниции. В то же время необходимость своевременного придания новым информационным технологиям надлежащей правовой оболочки очевидна, что подтверждается опы-

том иностранных правопорядков и экономическими интересами участников гражданского оборота. Например, согласно последним исследованиям применение блокчейн-технологий позволит инвестиционным банкам сократить расходы на обслуживание инфраструктуры на 8-12 млрд долларов ежегодно. Снижение затрат на обслуживание инфраструктуры может составить около 30%, а на торговые операции – до 50%. [1]

Пункт 1.3 программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [5, с. 26-27] указывает на необходимость создания условий для использования технологий децент-

рализованного ведения реестров. В общих положениях Программы прямо указывается, что системы распределённого реестра относятся к ключевым сквозным технологиям, на которых будет строиться цифровая экономика Российской Федерации. В связи с этим в пункте 1 Перечня поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере, утверждённого Президентом РФ 21 октября 2017 г. № Пр-2132, предлагается разработать статус цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий, в частности «токен», «криптовалюта» и «технология распределённых реестров».

В настоящий момент в доктрине уже разрабатываются различные варианты понятийного аппарата системы блокчейн и активов, разрабатываемых на её основе. [2] Однако, представляется, авторы разрабатываемого понятийного аппарата не учитывают некоторых особенностей юридической техники при легализации определённых понятий и их дефиниций. В частности, при раскрытии в тексте закона определённых норм и правил следует учитывать ряд правил юридической техники, которые впервые были чётко описаны ещё Иерингом. [3, с. 56-92]

По общему правилу слова и термины в тексте нормативно-правовых актов должны пониматься в их общепринятом значении. В силу этого вовсе не обязательно давать дефиницию какого бы то ни было понятия в тексте закона для того, чтобы соответствующее социальное явление регулировать. Однако задача юридически значимого определения, которое как минимум не должно создавать правовых коллизий, крайне важна, если понятие можно истолковать по-разному или если законодатель хочет сузить или, наоборот, расширить границы понятия, в отношении которого в будущем будут приниматься регулятивные нормы.

Для того чтобы попробовать дать краткий вариант дефиниции таких понятий, как «децентрализованная система», «токен» и «криптовалюта», следует сначала установить их содержание в технологическом и в экономическом смыслах.

Наличные деньги, безналичные денежные средства, частные электронные деньги и биткоины представляют в экономическом смысле право требования. Все они относятся к так называемым оборотным активам, поскольку сами по себе никакой экономической ценности не имеют. Действительно, в отрыве от их обменной функции никакого самостоятельного значения ни один из вышеперечисленных активов не составляет, их способность к самостоятельному удовлетворению человеческих потребностей стремится к нулю. Однако, поскольку субъекты экономической деятельности производят товары, работы и услуги, которые могут обмениваться друг на друга, нужен некий универсальный эквивалент, при помощи которого ценности, обладающие реальной потребительской стоимостью, могут обмениваться. Ценность оборотных активов (в том числе и валюты) определяется уровнем спроса на них, который равен уровню доверия субъектов рынка к институту, который выпустил соответствующий финансовый актив. [4, с. 839]

Спрос на наличные деньги обеспечивается принудительной силой государства. Так, любое государство взимает налоги в своей собственной валюте (см., например, п. 5 ст. 45 НК РФ) и устанавливает требования, в соответствии с которыми в отношениях между собственными резидентами возможность использования в качестве валюты платежа иностранной валюты либо запрещена, либо серьёзно ограничена (ст. 9 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле», ст. 10 Федерального закона «О защите прав потребителей» и т.д.). При этом всегда есть специальные органы государства (как правило, центральный банк), которые проводят кредитно-денежную политику, которая приводит либо к обесцениваю, либо к удорожанию национальной валюты.

Правами требования также являются и безналичные денежные средства, находящиеся на расчётных, депозитных, залоговых и иных счетах в банках и иных финансовых организациях. Это легко можно объяснить тем, что вкладчики банков в случае банкротства последних становятся пусть и привилегированными, но кредиторами. Тот же статус у

электронных денежных средств, когда наличные деньги, по сути, передаются оператору электронных денежных средств. При этом под электронными денежными средствами понимаются денежные средства, передаваемые лицу, которое осуществляет их учёт и транзакции с использованием электронных средств платежа без открытия банковского счёта (п. 18 ст. 3 Федерального закона «О национальной платёжной системе»).

При этом всегда существовали так называемые частные деньги, т.е. какие-либо оборотные средства, создающиеся частным лицом (например, игровые валюты в онлайн-играх и т.д.) [6] для оборота в качестве специального актива. В некоторых случаях с частными деньгами следует бороться – например, если на денежную эмиссию претендуют власти одного из регионов государства. Однако если создатели частных денег не претендуют на монополию государства в эмиссии денежных средств (т.е. признают, что в конечном итоге для приобретения реальных благ потребуется обмен таких частных денег на деньги государства), то их существование может признаваться и, как показывает практика, признаётся. Если частные деньги создаются в рамках информационно-телекоммуникационной сети Интернет, такие деньги называют виртуальными деньгами (виртуальной валютой).

С экономической точки зрения криптовалюты и токены являются именно виртуальными деньгами. Однако, представляется, крайне неверно придавать таким денежным средствам статус платёжного средства, поскольку законным средством платежа могут являться только наличные деньги либо права требования, прямо на них основанные. В силу этого под платёжными средствами и валютой в юридическом смысле этого слова по-прежнему следует понимать только валюту государств, поскольку в отношении неё спрос обеспечивается дополнительным государственным давлением (требования выплаты налогов и пр.), а также безналичные денежные средства, которые прямо производны от наличных денег.

Все иные виртуальные деньги, представляется, следует признавать иным имуществом

по классификации ст. 128 ГК РФ, не признавая их при этом законным средством платежа. Виртуальные деньги обеспечиваются авторитетом либо эмитента (разработчики «ВКонтакте», продающие «голоса»; создатели MMORPG, которые контролируют выпуск и обращение такой виртуальной валюты), либо устройством самой системы по производству данного финансового актива (как то происходит с криптовалютами). Порядок их производства и выпуска отличается рядом технических особенностей, которые прямо влияют на экономическое значение актива.

Экономическая специфика децентрализованных реестров выражается в следующих их особенностях.

1. Криптовалюты и токены построены на основе пиринговой (децентрализованной) системы.

Любой классический реестр, кадастр либо иной перечень, обладающий свойствами публичной достоверности, имеет следующую структуру: пользователи+оператор системы.

Так, существуют несколько пользователей системы, причём каждый из них посылает данные об изменениях, происходящих с подвластными ему активами, специальному оператору – лицу, пользующемуся кредитом доверия членов системы, который санкционирует вносимые в реестр изменения данной ему особой распорядительной властью. Существование такого оператора обусловлено следующими причинами: во-первых, нужно установить, что сделка совершается именно теми пользователями, которые имеют право на её совершение; во-вторых, необходимо определить, насколько подобная сделка соответствует наиболее важным требованиям нормативных актов, и, наконец, в-третьих, важно сделать так, чтобы информация была внесена в систему в единой стандартизированной форме для того, чтобы избежать путаницы. Например, для того чтобы перевести безналичные денежные средства с расчётного счёта в банке, мы должны воспользоваться банковской картой, передать инкассовое поручение, осуществить перевод в простой банковской форме или выдать аккредитив, после чего сотрудники банка проверяют возможность осуществления транзакции. Однако система

децентрализованных реестров (блокчейн), на которой построены все криптовалюты, предлагает систему без участия оператора. При совершении действия пользователь посылает в систему сигнал, который специально анализируется каждым из участников системы при помощи решения достаточно сложных математических вычислений – хэшей (ассиметричная шифровка), которая позволяет удостовериться, что посылаемый сигнал и в самом деле исходит от определённого субъекта. В некоторых системах возможно существование централизованного оператора, который может в ограниченном числе случаев заблокировать транзакцию либо вернуть лиц, осуществивших транзакцию, в первоначальное положение.

2. Система децентрализованных реестров абстрактна, она способна проверить лишь факт перевода от одного зарегистрированного пользователя к другому.

Так, блокчейн со стопроцентной вероятностью сможет подтвердить лишь тот факт, что транзакция была осуществлена из вашего кабинета. Однако любой электронный кабинет, доступ к которому допускается с какого-либо технического устройства, уязвим – так, похититель может получить доступ к телефону, на который установлено приложение, дающее доступ к кабинету в системе блокчейн, если украдёт его/зашлёт вирус, который устанавливает keylogger и таким образом узнает пароль и т.д. Однако следует отметить, что и у системы обращения активов, в которой присутствует обязательный оператор, есть много подобных рисков. Так, можно подделать нотариально установленную доверенность, дающую представителю право от имени доверителя на осуществление операций по его банковскому счёту (и примеров тому весьма много). Однако самым уязвимым элементом централизованных реестров является то лицо, что ведёт реестр – всегда реестродержатель остаётся человеком, а значит, можно воздействовать не только на собственника актива, но и на оператора системы. В результате сговора преступника с реестродержателем данные реестра могут быть изменены совершенно без участия члена системы. Следовательно, любая система, которая множит

человеческие риски, является неэффективной. Так что при создании новой блокчейн-системы появятся некоторые новые угрозы, но в целом её большая безопасность не вызывает сомнений. Теперь центр рисков сместится намного ближе к области контроля члена системы – очевидно, что он может предпринять меры для предотвращения хакерской атаки или кражи телефона, но противодействовать подкупу реестродержателя невозможно.

3. Практически невозможно совершение транзакций по ошибке.

Данный аспект по-прежнему затрагивает вопросы человеческого фактора в системе. Реестродержатель, как бы профессионален он ни был, всегда может ошибиться и указать (пусть даже без злого умысла) иного собственника реестра/внести в перечень иную запись, не отвечающую действительности. Совершение подобной ошибочной записи с учётом проверки транзакции всеми членами системы практически невозможно.

4. Система блокчейн не может самостоятельно обеспечить проверку законности – пусть даже на минимальном уровне – совершаемой транзакции.

Это достаточно серьёзный недостаток новой системы, который, по всей видимости, серьёзно замедлит внесение в рамки подобных реестров вообще всех ныне существующих баз данных, обладающих признаком публичной достоверности. Например, при внесении первоначальной записи о праве собственности на недвижимое имущество в ЕГРП сотрудники Росреестра проверяют регистрируемый объект на предмет соответствия его критериям, которые предъявляются к недвижимому имуществу, как бы «размыты» они ни были. Из этого вытекает, что создать блокчейн-реестр прав на недвижимое имущество теоретически возможно, но результативность создания такого перечня будет относительно невелика – поскольку право на создание новых объектов в подобной системе нельзя передать любому участнику системы, оно должно остаться в руках специального оператора системы, который теперь, однако, будет удостоверять только возникновение права собственности на недвижимость, но не будет участвовать в переносе права собственности на него.

5. Любой актив, перемещаемый в рамках системы блокчейн, должен удовлетворять целому ряду требований.

Если мы посмотрим на те системы оборота активов, которые были созданы с учётом принципов блокчейн, то мы увидим, что практически везде оборотные активы чрезвычайно формализованы и одеты в оболочку машинного кода. Так, все криптовалюты – это, собственно, не что иное, как генерируемый машинный код. То же можем сказать и касательно нововведения стартапа Ethereum, который ввёл новый актив – токен, представляющий собой виртуальную ценную бумагу, которая может удостоверить право на практически любую вещь. Следовательно, актив, перемещаемый в рамках системы блокчейн, представляет из себя программный код, который может удостоверить право на абсолютно любой актив. Однако полным образом этот актив в системе блокчейн описан быть не может – например, если мы введём блокчейн-систему прав собственности на особенно старые и уникальные сорта вина, разлитых в бутылки (иных дорогих ограниченных родовых вещей), то в рамках системы блокчейн права на подобные бутылки будут перемещаться путём транзакций компьютерного кода, который будет отсылать к описанию той или иной бутылки. Но полное и подробное описание такого компьютерного кода должно быть разработано в рамках иной базы данных. Подобную ситуацию можно сравнить с реестром и кадастром недвижимости – в кадастре подробно описаны все важные для оборота особенности недвижимого имущества, а в реестре просто написано, кому принадлежит право собственности.

6. Децентрализованные системы данных значительно дешевле, чем централизованные системы.

Поскольку система блокчейн является децентрализованной, информация, хранящаяся в реестре, распределена между пользователями – каждый из них по своему желанию может предоставить часть машинного времени имеющихся у него технических средств для того, чтобы обеспечить хранение информации в системе блокчейн и (или) обработки транзакций, совершаемых в ней. Следова-

тельно, оператору (если он остаётся) системы не нужно будет создавать дорогие дата-центры хранения данных, обеспечивать их защиту от взлома/физического уничтожения в силу действия природных условий или атак конкурентов, что значительно удешевляет функционирование любой блокчейн-системы. Это решающий аргумент в пользу создания таких распределённых реестров во всех сферах, даже там, где по-прежнему требуется оператор (например, БД электронного расписания университета, которые по определению должны контролироваться со стороны третьего, особого лица), поскольку делает систему практически неуязвимой – теперь чтобы обрушить систему либо серьёзно затруднить её функционирование нужно вывести из строя более 50% устройств участников системы, а не поджечь несколько дата-центров где-нибудь под Амстердамом.

Правда, возникает сложный вопрос о заинтересованности участников системы предоставлять свои электронные ресурсы для обслуживания интересов системы – и в самом деле, это не рационально. А потому любая блокчейн-система предлагает возмещение тем её пользователям, которые предоставили своё машинное время для обеспечения функционирования самой системы. В настоящий момент возмещение платится, как правило, в криптовалюте, существующей в системе. Так, участники системы bitcoin могут предоставить своё машинное время и получить взамен те же биткойны, т.е. немного заработать.

7. На основе блокчейн возможно создание системы умных контрактов.

Пожалуй, это одна из наиболее важных в гражданско-правовом аспекте особенностей блокчейн-системы. Дело в том, что у каждого пользователя есть свой кабинет и этот пользователь один или совместно с другим участником системы может внедрить в публичное пространство особую программу, которая будет осуществлять управление активами, находящимися на его балансе в кошельке. Так, для своего кошелька в системе биткойн теоретически возможно написать программу управления им, которая прикажет кошельку совершить перечисление, предположим, 110 биткойнов на кошелек, адрес которого ука-

зан в программе, при соблюдении ряда условий, которые также должны быть прописаны в коде программы. Например, мы заключили договор купли-продажи 3 контейнеров товара, находящегося на корабле в Атлантическом океане, который следует в Санкт-Петербург. Предположим, контейнеры снабжены RFID-отметкой. Мы можем написать и затем внедрить в рамки блокчейн-системы программу, которая будет представлять собою неотменяемое указание о том, что после того как RFID-отметка будет считана в таможенном терминале в порту Санкт-Петербурга, программа должна перечислить с нашего биткоин-кошелька на кошелёк нашего контрагента покупную цену в биткоинах, т.е., по сути, мы автоматически обязуемся исполнить распорядительную сделку в рамках заключенного договора, и совершение распорядительной сделки уже осуществляется программным кодом без нашего участия.

Более того, возможно управление одним кабинетом, зарегистрированным в системе, со стороны владельцев других кабинетов, которые при помощи особой – опять же неотменяемой – программы могут осуществлять совместное управление таким кабинетом. Это позволит перевести на блокчейн-системы принятие совместных решений долевыми собственниками, управление комплементарными товариществами, значительно упростит принятие решений на собраниях собственников помещений в многоквартирном жилом доме, т.е. позволит кардинальным образом упростить решение тех вопросов, которые в юридической практике встречают целый ряд сложностей. Так, известно, что требование принятия любого решения несколькими участниками может предполагать конфликт интересов, слабую заинтересованность сторон и иные обстоятельства, которые в конечном итоге приводят к тому, что решение не принимается или принимается тогда, когда уже поздно. Блокчейн-система позволит упростить решение многих подобных вопросов организационного характера.

8. При эмиссии криптовалюты принципиально важной её особенностью является использование механизмов шифрования, которые усложняются при создании каждой по-

следующей единицы информации, внесённой в систему блокчейн.

Любой финансовый актив имеет смысл только тогда, когда стоимость его изготовления существенно меньше, чем его рыночная цена. Однако подобный лаг всегда создаёт у эмитента, который становится собственником выпускаемых денежных средств, соблазн начать неконтролируемый выпуск соответствующего финансового актива. В результате актив резко станет обесцениваться, однако эмитент за счёт эмиссии сможет решить свои финансовые проблемы. К таким механизмам прибегают разные государства в период финансовых трудностей, что обесценивает вклады иных участников экономических отношений, которые приобрели соответствующие денежные средства. Однако процесс создания криптовалюты (майнинг) выражается в подборе ранее неиспользованной системы математических расчётов. Разумеется, что чем больше единиц криптовалюты создано, тем сложнее подобрать иную комбинацию расчётов, что усложняет и удорожает процесс создания новых активов. В силу этого собственники соответствующего финансового актива получают определённую гарантию того, что *новые единицы криптовалюты будут создаваться в ограниченном количестве и только тогда, когда рыночная цена актива превысит стоимость создания новой единицы криптовалюты*. Из этого следует, что активы, создаваемые на основе децентрализованных реестров, являются экономически ценными в силу своего устройства. Уровень их ценности будет определяться грамотностью правил, на основании которых функционирует актив, а также результатом совокупного поведения всех участников системы.

При этом, как отметили ранее, можно сказать, что единицей каждой распределённой системы являются элементы, которые с подачи компании Ethereum стали называть токенами, которые могут удостоверяют не только права на существующую криптовалюту, но и права требования, права на разного рода материальные активы (например, алмазы). С учётом этого логично построить дефиниции соответствующих понятий следующим образом – определение децентрализованного ре-

естра, затем определение единицы децентрализованного реестра (токена) и после этого – определение криптовалюты.

С учётом вышеизложенного предлагаем легализовать дефиниции выше обозначенных понятий. При этом предпочтительно их изложение в рамках отдельного законопроекта (например, Федеральный закон «О децентрализованном реестре данных и технологиях, разрабатываемых на его основе»), который бы сконцентрировал в себе весь понятийный аппарат финансовых активов, разрабатываемых на базе децентрализованных реестров данных, и некоторые регулятивные нормы, которые не будут включены в иные законодательные акты (НК РФ, Федеральный закон «О противодействии коррупции», Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и проч.). Однако возможно внесение поправок в уже существующие федеральные законы. По всей видимости, предпочтительным законом является Федеральный закон «О национальной платёжной системе», который регулирует платежи и оборот электронных денежных средств.

Федеральный закон «О децентрализованном реестре данных и технологиях, разрабатываемых на его основе».

Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

1. Децентрализованный реестр данных (система блокчейн) – это информационная система, в которой посредством алгоритмов криптошифрования в рамках распределённого хранения данных между пользователями реестра осуществляется запись о сведениях, которые выражены в оцифрованной единице информации, учитываемой на счёте того или иного пользователя системы.

2. Токен – это единица информации в децентрализованном реестре данных, которая удостоверяет (не)совершение действия; (не) наступление события; права требования на то или иное имущество или криптовалюту и которая способна передаваться от одного пользователя системы биткоин к другому.

3. Криптовалюта – это создаваемый в децентрализованном реестре данных токен, который используется пользователями децентрализованного реестра данных в качестве универсального средства обмена на иные объекты гражданских прав. По смыслу гражданского законодательства, криптовалюта является иным имуществом, которое не относится к электронным денежным средствам и не выступает в качестве законного средства платежа.

Наконец, следует обозначить второй принципиально важный вопрос. Как отмечалось ранее, виртуальные валюты и частные деньги как таковые не являются соперниками государственных денег (денежных средств, эмитируемых государством), если только в конечном итоге они обмениваются на такие государственные деньги. Процесс этого обмена является принципиально важным – помимо того, что наличие эффективной процедуры создаёт для криптовалют экономическое основание, именно на этом этапе может осуществляться проверка законности приобретения криптовалюты, эффективный налоговый контроль; разработка подобного механизма позволит обеспечить обращение взыскания на криптовалюты по задолженности её собственника и т.д. Полагаем, что купля-продажа криптовалюты должна осуществляться на специальных торговых площадках. По всей видимости, такими площадками могли бы стать ныне действующие биржи, а также уполномоченные банки, через которые в настоящий момент осуществляется купля-продажа иностранной валюты. В связи с этим предлагается внести в действующее законодательство соответствующие изменения:

Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах».

Статья 9.1. Деятельность бирж по продаже криптовалют

В порядке, устанавливаемом Банком России, биржи имеют право осуществлять покупку и продажу криптовалют, обращение которых на территории Российской Федерации допускается действующим законодательством.

**Федеральный закон от 02.12.1990
№ 395-1 «О банках и банковской
деятельности».**

**Статья 11.1. Деятельность банков
по продаже криптовалют**

В порядке, устанавливаемом Банком России, банки имеют право осуществлять покупку криптовалют, обращение которых на территории Российской Федерации допускается действующим законодательством, на сумму, не превышающую предела, устанавливаемого Банком России, при обязательной идентификации личности покупателя.

Наконец, следует отметить, что возможность заключения смарт-контрактов – это отличительная особенность активов, которые созданы на системе блокчейн. В связи с этим необходима дача дефиниции этому самоисполнимому контракту, в котором распорядительные сделки совершаются автоматически при условии выполнения сторонами договора условий, которые были определены ими при заключении контракта. В связи с этим предлагается внести изменения в действующее законодательство, которые будут выражены в следующем.

**Гражданский кодекс Российской
Федерации.**

Статья 428.1. Смарт-контракт

Смарт-контракт – это договор, заключаемый посредством составления программного кода для ЭВМ пользователями децентрализованного реестра данных в отношении токена соответствующего децентрализованного реестра данных, в котором сделка по распоряже-

нию токеном осуществляется автоматически после исполнения условий, определённых в смарт-контракте.

**Статья 179.1. Особенности при-
знания смарт-контрактов недействи-
тельными**

Любая из сторон смарт-контракта может требовать признания его недействительным и применения последствий его недействительности, если программный код ошибочно был составлен таким образом, что автоматическое исполнение контракта привело к искажению реальной воли сторон.

В заключение следует отметить, что современная экономическая деятельность осуществляется посредством сетей, стирающих все границы. Развитие цифровой экономики находит отражение и в том, что участники экономического оборота стремятся упростить работу со своими активами. В данном случае многое зависит от законодателя, которому необходимо успевать за развитием интернет-технологий. В связи с появлением распределённых реестров, активным оборотом криптовалюты на мировом рынке, а также экономической целесообразности данных нововведений требуется как можно скорее закрепить их правовой статус. Для этого в данной работе были внесены предложения по созданию абсолютно нового НПА, закрепляющего базовые легальные дефиниции и механизмы правового регулирования криптовалют и блокчейн-технологий, а также по внесению изменений в действующее законодательство.

Библиографический список

1. URL: <http://nbj.ru/publs/upgrade-modernizatsiya-i-razvitie/2017/03/22/eto-strannoe-slovo-blokchein/index.html>.
2. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_1_yuridicheskaya_definiciya_kriptovalyuty_obnovlennyy_variant_po_rezultatam_obsuzhdenij_i_disk; https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_2_yuridicheskaya_definiciya_blokchejna_a_tochnee_-_raspredelennogo_reestra_dannyh; https://zakon.ru/blog/2017/10/30/chast_3_yuridicheskaya_definiciya_smart-kontrakta.

3. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг. – СПб, 1905.
4. Макконнел, К.Р. Экономикс / К.Р. Макконел, С.Л. Брю, Ш.М. Флинн. – М.: Инфра-М, 2014.
5. Цифровая экономика Российской Федерации : программа : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.
6. Хайек, Ф. Частные деньги / Ф. Хайек. – М.: Институт Национальной Модели Экономики, 1996.

УДК 343.8

Александр Александрович ХРАМОВ,
инспектор отдела безопасности ИКК-35 Управления
ФСИН России по Республике Хакасия (г. Абакан)
Khramov_Alexandr@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE SPECIFICS OF GAPS IN THE PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье обосновывается понимание правовой категории пробела в праве в зависимости от особенностей рассматриваемой отрасли, анализируются критерии и особенности определения пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, приводятся основания для разграничения пробелов уголовно-исполнительного законодательства и иных отраслей, в том числе «криминального цикла», через специфику системы, предмета и метода правового регулирования.

The article substantiates the understanding of legal category of a gap in the law depending on the peculiarities of the area under consideration, the criteria and features of identifying gaps in the penal enforcement legislation are analyzed. The author provides reasons for differentiating between the gaps of penal enforcement legislation and other areas including "the criminal cycle", through the specific nature of the system, subject and method of legal regulation.

Ключевые слова: пробел, дефекты законодательства, пробел в уголовно-исполнительном законодательстве, аналогия закона и права.

Keywords: a gap, defects of the legislation, a gap in the penal enforcement legislation, analogy of the law and a right.

В условиях развития отечественной юридической науки и повышения роли уголовно-исполнительного законодательства в укреплении международной и национальной безопасности проблема существования пробелов и других дефектов правового регулирования приобретает особую актуальность и значимость в контексте дальнейшего совершенствования системы российского права и повышения ее стабильности.

В то же время, несмотря на всю важность исследования данного правового феномена в общей теории права и отраслевых науках, следует согласиться с мнением профессора В. М. Баранова, который считает проблему «пробелов в праве (и в науке, и на практике) неосновательно гипертрофированной и чрезмерно расширенной». Сфера «функционирования пробелов в праве, – пишет автор,

– если можно так выразиться, гораздо уже, а вредные последствия, которые они вызывают, значительно меньше, чем принято считать и «агрессивно» заявлять об этом» [1, с. 75].

Всяческие попытки расширить границы данного правового феномена до любого несовершенства законодательства (коллизий, оценочных категорий и др.) обусловлены, прежде всего, тем, что до настоящего времени ни в теории, ни в правоприменительной практике не сложилось однозначного понимания сущности пробела. Указанное обстоятельство, по мнению М.А. Костенко, и порождает ряд проблем, связанных с определением возможного и необходимого правового регулирования и отсутствием правовых норм при наличии уже сложившихся общественных отношений и для регламентации вновь возникших общественных отношений

[5, с. 117.], систематизации и консолидации действующего законодательства.

Разделяя общую мысль о различии права и закона и невозможности унификации понятия и сущности пробела одновременно для всех отраслей законодательства, позволим себе предположить, что понимание исследуемой правовой категории должно по-разному наполняться в зависимости от особенностей рассматриваемой отрасли. Справедливо утверждает Ю. С. Черепенникова, что невозможно говорить о противоречии уголовного закона уголовному праву по причине особых черт данной отрасли права. В других же отраслях права (например, гражданское) указанные категории могут различаться в силу метода правового регулирования. [14, с. 22]

Вместе с тем в теории права сложилась ситуация идеализирования предмета и метода правового регулирования отрасли права в качестве основных критериев разграничения пробела в праве и законе, что не совсем верно. Дело в том, что такой подход хоть и позволяет дать рассматриваемым правовым категориям абстрактные определения в уголовно-исполнительном праве, однако никак не решает проблему установления пределов их восполнения законодателем и преодоления правоприменительными органами.

По нашему мнению, о специфике пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве и их отличиях от пробелов других отраслей (в том числе смежных) можно судить по следующим основаниям (критериям): системе законодательства, методу и предмету правового регулирования. Остановимся на каждом подробнее.

Законодательство как понятие юридической науки и правоприменительной практики сложилось довольно-таки давно. Между тем его содержание и объём, как справедливо отмечает Р.Л. Иванов, по-разному определяются не только в общей теории права, но и в различных его отраслях [4, с. 6], что создаёт сложности в процессе научного исследования охватываемого данной категорией явления, пределов регулирования новых общественных отношений и устранения правовых пробелов.

Говоря об особенностях системы уголовно-исполнительного законодательства, следует в первую очередь обратиться к положениям Основного закона Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 71 Конституции РФ указанная отрасль, наряду с гражданским, уголовным, уголовно-процессуальным правом, находится в исключительном ведении Российской Федерации. Это означает, что уголовно-исполнительное законодательство состоит из нормативно-правовых актов исключительно федерального уровня и не может содержать нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (в отличие от административного, налогового, трудового и др.).

Отметим, что данное положение вовсе не означает идентичность источников регулирования общественных отношений в отраслях законодательства, находящихся в исключительном ведении Российской Федерации. Для их определения в каждой из сфер необходимо обратиться к специальной норме в соответствующем отраслевом кодексе, которая содержит уточняющее положение о структуре и содержании ее законодательства.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 2 УИК РФ «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов». В отличие от других федеральных отраслей законодательства, где единственным источником отрасли является соответствующий кодекс (ч. 1 ст. 1 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УПК РФ), предусмотренная законодателем возможность правового регулирования уголовно-исполнительных отношений в «иных федеральных законах» не позволяет отождествлять пробел в кодексе и пробел в системе законодательства. При этом указанная особенность уголовно-исполнительного законодательства позволяет устранять его пробелы, не затрагивая нормы и структуру самого УИК РФ.

Допуская возможность действия в сфере уголовно-исполнительного правового регулирования иных федеральных законов, В.А. Уткин справедливо отмечает, что УИК РФ не указывает, какие именно законы в целом или их части отнесены либо могут быть отнесены к уголовно-исполнительным. [7, с. 138]

По мнению Ф.В. Грушина, в систему уголовно-исполнительного законодательства входят только те нормативные правовые акты, которые изданы исключительно с целью правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе и по поводу исполнения и отбывания уголовных наказаний. [8, с. 18]

В контексте определения пробелов уголовно-исполнительного законодательства мы не можем согласиться с данной точкой зрения, поскольку вряд ли можно найти хотя бы один федеральный закон (помимо УИК РФ), исключительно направленный на урегулирование собственно уголовно-исполнительных отношений. С такой позиции, например, можно считать неурегулированность конфискации имущества как иной меры УПК РФ в УИК РФ пробелом уголовно-исполнительного законодательства, что не совсем верно.

В данном случае следует полностью согласиться с мнением С.В. Бошно и В.А. Уткина о допустимости расширительного толкования положения ч. 1 ст. 2 УИК РФ и отнесении к уголовно-исполнительному законодательству не только каких-либо федеральных законов в целом, но и их отдельных разделов, глав, норм. [7] При таком подходе полное либо частичное отсутствие норм в УИК РФ не всегда будет отождествляться с пробелом в уголовно-исполнительном законодательстве в отличие, например, от уголовного либо уголовно-процессуального.

Еще одной отличительной особенностью системы уголовно-исполнительного законодательства является наличие в ней подзаконных нормативно-правовых актов, причем исключительно федерального уровня (в отличие, например, от административного законодательства). Данные источники находят отражение в системе законодательства, либо при бланкетном способе формирования диспозиции нормы УИК РФ (ст. 14, ч. 1 ст. 60, ст. 75.1, ст. 90), либо через практическую реализацию правотворческими органами ст. 4 УИК РФ путем издания нормативных актов по вопросам исполнения наказаний. Конечно, правовое регулирование уголовно-исполнительных отношений на уровне федерального законодательства, справед-

ливо подмечают В.А. Уткин и А.И. Зубков, является более предпочтительным, однако в реальной действительности этого достичь невозможно. [12, с. 12]

Подзаконные акты позволяют не только уточнить некоторые положения, связанные с реализацией норм УИК РФ, но и восполнить пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве. Единственное, что для этого нужно, так это определение четких критериев и условий реализации такой деятельности, которые заслуживают самостоятельного теоретического и научного осмысления.

Рассматривая признаки и отличительные особенности пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, следует остановиться на предмете правового регулирования, который тесно связан с установлением пробелов и отграничением их от смежных правовых явлений.

В теории права под предметом правового регулирования понимают совокупность общественных отношений, регулируемых той или иной отраслью законодательства. В соответствии с ч. 2 ст. 2 УИК РФ к предмету уголовно-исполнительного законодательства, наряду с общими положениями и принципами исполнения наказаний, относят регулирование применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ; порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядка деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядка участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядка освобождения от наказания и оказания помощи освобождаемым лицам.

Если же какие-либо общественные отношения не охватываются содержанием действующего уголовно-исполнительного законодательства, то говорить о пробелах в нем нельзя. При этом для уяснения сущности и содержания данного правового феномена совсем не важны дискуссии в плоскости отнесения или исключения тех или иных сфер общественных отношений к предмету уголовно-исполнительного права [11; 13; 15],

поскольку законодатель определил сферу действия уголовно-исполнительного законодательства в специализированной статье УИК РФ. Она, как нам представляется, является первоначальной отправной точкой разграничения пробела и иных законодательных дефектов и несовершенств законодательства, в том числе и пробелов в уголовно-исполнительном праве.

Учитывая приведенную нами выше позицию, вряд ли можно назвать обоснованным приведенный Ф.В. Грушиным пример существования длительный период времени (до 2012 года) пробела в уголовно-исполнительном законодательстве – отсутствия в УИК РФ требования регистрации по месту пребывания осужденных к лишению свободы. [3, с. 50]

Во-первых, общественные отношения, связанные с регистрацией граждан (даже если учитывать, что они осуждены) относятся не столько к уголовно-исполнительному, сколько к миграционному законодательству, которое регулирует порядок передвижения человека и смену им места жительства или места пребывания. Во-вторых, согласно ст. 3 Закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» сама по себе регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации. Именно поэтому законодательное изменение в данном направлении лишь способствует более полному и объективному адресно-справочному учету граждан Российской Федерации, но никак не устраняет несуществующий пробел в уголовно-исполнительном законодательстве.

Исходя из специфики и содержания предмета правового регулирования, на наш взгляд, не стоит отождествлять с пробелом уголовно-исполнительного законодательства отсутствие порядка исполнения ряда материальных норм уголовно-процессуального законодательства, которые отождествляются

некоторыми учеными и практиками с иными мерами уголовно-правового характера. Так, например, профессора В.И. Селиверстов и Б.Т. Безлепкин относят отсутствие правового регулирования отсрочки исполнения приговора в связи с болезнью осужденного, препятствующей отбыванию наказания (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ), к пробелу УИК РФ и УК РФ соответственно [2, с. 354; 10, с. 18], что порождает определенные проблемы в правоприменительной практике в части определения органа, контролирующего поведение данной категории осужденных, и возложения по аналогии данной задачи на уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ).

Вместе с тем, исходя из буквального понимания и толкования ст. 2 УИК РФ, которая относит к содержанию уголовно-исполнительного законодательства применение иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ и ст. 4 постановления Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности», в соответствии с которой на УИИ возложена задача по контролю за поведением осужденных, в отношении которых *отбывание наказания отсрочено* (здесь и далее выделено нами. – А.Х.), предметом уголовно-исполнительного законодательства не охватывается контроль за поведением осужденных, в отношении которых *исполнение приговора отсрочено*.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с мнением вышеуказанных авторов о том, что отсутствие правового регулирования в УИК РФ отсрочки исполнения приговора является пробелом уголовно-исполнительного законодательства. Более верной на этот счет нам кажется точка зрения М.С. Красильниковой, которая небезосновательно считает отсрочку отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) и отсрочку исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) самостоятельными институтами разных отраслей права, которые не соотносятся между собой как материальные и процессуальные предписания одного и того же явления, имеют собственные предметы правового регулирования, различные основания и цели применения, а также юридические последствия. [6, с. 21]

Вместе с тем мы не оспариваем тот факт, что отсутствие правового регулирования порядка контроля за отсрочкой исполнения приговора (ст. 399 УПК РФ) действительно является пробелом действующего законодательства. Однако говорить о том, что данный недостаток правового регулирования является пробелом именно уголовно-исполнительного законодательства, исходя из предмета его правового регулирования с точки зрения теории права, не совсем верно и оправданно. Поэтому в качестве временного варианта на период до принятия соответствующих изменений и дополнений в федеральном законодательстве следует говорить о возможности применения аналогии не уголовно-исполнительного закона [10, с. 18], а уголовно-процессуального.

На специфику пробелов рассматриваемой отрасли законодательства влияют и особенности метода его правового регулирования. В юридической литературе принято считать, что уголовно-исполнительное законодательство сформировано на основе преимущественно императивного способа правового регулирования общественных отношений, входящих в его содержание (ч. 2 ст. 2 УИК РФ). Наряду с этим в уголовно-исполнительном законодательстве находит все более широкое применение диспозитивный метод, обуславливающий особенности применения тех или иных способов устранения и преодоления пробелов уголовно-исполнительного законодательства в отличие от иных отраслей.

Начнем с того, что в отличие от отраслей права, где преобладают диспозитивные нормы и метод правового регулирования соответственно (гражданское, арбитражно-процессуальное, трудовое, земельное, семейное), уголовно-исполнительному законодательству не присущи санкционируемые государством специальные методы восполнения либо преодоления пробелов, отраженные в специальных статьях отраслевых кодексов.

Так, если в гражданском законодательстве в качестве самостоятельного способа

устранения негативных последствий отставания закона от динамичного развития отдельных аспектов общественных отношений допускаются использование соглашения сторон и обычай делового оборота [9, с. 46], в семейном (ст. 5 СК РФ) и арбитражно-процессуальном (ст. 13 АПК РФ) – аналогии закона и права, то современное уголовно-исполнительное законодательство, в отличие от уголовного (ст. 3 УК РФ), однозначно не решает вопрос о допустимости либо запрете аналогии как способа преодоления пробелов.

Вместе с тем определение условий и критериев использования данного правового института, на наш взгляд, не только окончательно устранил в науке и практике (надзорной) вполне обоснованную и уместную полемику о применении аналогии в контексте реализации принципа законности, но и позволит правоприменителю в кратчайшие сроки разрешать неурегулированные уголовно-исполнительным законодательством ситуации, повысив эффективность реализации его целей и задач.

Таким образом, проведенный в данной работе анализ научно-теоретических и практических проблем установления пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве позволяет сделать вывод о том, что сфера функционирования пробелов в рассматриваемой отрасли гораздо уже, чем об этом заявляют многие ученые. Для определения механизма устранения и преодоления пробелов в рамках законотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти важно не только отличать их от «коллизий», «абстрактности», «неопределенности» и «оценочных понятий», но и отделять от пробелов других отраслей законодательства (в том числе смежных). Для этого пробелы уголовно-исполнительного законодательства должны определяться через специфику и особенности ее системы, метода и предмета правового регулирования, позволяя оптимально и эффективно производить систематизацию и обновление действующего отраслевого законодательства.

Библиографический список

1. Баранов, В.М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) / В.М. Баранов // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1.
2. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к УПК РФ / Б.Т. Безлепкин. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012.
3. Грушин, Ф.В. Техничко-юридические факторы формирования уголовно-исполнительного законодательства / Ф.В. Грушин // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений УИС : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2017.
4. Иванов, Р.Л. Понятие законодательства в современном российском праве / Р.Л. Иванов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3.
5. Костенко, М.А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки / М.А. Костенко // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2008. – № 10.
6. Красильникова, М.С. Отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.С. Красильникова. – Томск, 2015.
7. Курс уголовно-исполнительного права. В 3-х т. Т. 1. Общая часть : учебник / Ю. М. Антонян [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Корниенко ; под науч. ред. А.В. Быкова. – М. : Кримнологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2017.
8. Маликов, Б.З. Источники уголовно-исполнительного права : учебное пособие / Б.З. Маликов, Ф.В. Грушин. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2008.
9. Поляков, Д.Н. Специальные способы преодоления пробелов в гражданском праве / Д.Н. Поляков // Вестник Омской юридической академии. – 2014. – № 3 (24).
10. Селиверстов, В.И. Перспективы развития уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации / В.И. Селиверстов // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 1.
11. Селиверстов, В.И. Уголовно-исполнительный кодекс: концепция и основные положения / В.И. Селиверстов, И. Шмаров // Законность. – 1997. – № 5.
12. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. д. ю. н., проф. А.И. Зубкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006.
13. Уткин, В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть / В.А. Уткин. – Томск: Изд-во УМЦ ТГУ, 1995.
14. Черепенникова, Ю.С. Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.С. Черепенникова. – М., 2010.
15. Южанин, В.Е. Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптацией к условиям свободы / В.Е. Южанин // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : [к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации] : сб. тез. выступлений участников. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2013.

УДК 343.132

Михаил Николаевич МИНИСЛАМОВ,
преподаватель кафедры криминалистики Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск)
Minislamov2008@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОМОЩИ СПЕЦИАЛИСТА В ИЗЪЯТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

ON THE ISSUE OF A SPECIALIST'S ASSISTANCE IN SEIZING ELECTRONIC STORAGE DEVICES WHILE SEARCHING IN THE CASES OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING BY MEANS OF THE INTERNET

Современные достижения науки, техники, IT-технологии накладывают отпечаток на все виды человеческой деятельности, в том числе и на криминальную. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с помощью специалиста в изъятии электронных носителей информации при производстве обыска по делам о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном посредством сети Интернет. Обосновываются предложения о внесении в УПК РФ понятия электронного носителя информации и перечня конкретных случаев, когда необходимо привлекать специалиста к изъятию электронных носителей.

The latest achievements of science and technology, IT-technologies affect on the all types of human activity including criminal one. The article considers some issues of a specialist's assistance in seizing electronic storage devices while searching in the cases of illicit drug trafficking by means of the Internet. The author suggests to add the notion of electronic storage device to the Code of Criminal Procedure of RF as well as the list of particular cases when it's necessary to employ a specialist for seizing electronic storage devices.

Ключевые слова: специалист, электронные носитель информации, следственные действия, обыск, следователь.

Keywords: a specialist, electronic storage device, investigative actions, a search, an investigator.

Уголовная политика как стратегическая основа нормотворческой и правоприменительной деятельности по защите личности, общества и государства от преступных посягательств всегда имеет определенные приоритеты, концентрируется на каком-либо участке, направлении в борьбе с преступностью. В настоящее время проблема незаконного оборота наркотиков и распространения наркомании является серьезнейшей государственной проблемой не только в России, но и во всем мировом сообществе. В условиях нового экономического кризиса наблюдает-

ся перестройка наркорынка, увеличивается доля так называемых дизайнерских наркотиков. В 2017 году под председательством министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева состоялось первое заседание Государственного антинаркотического комитета, на котором были подведены итоги за семь месяцев работы подразделений по контролю за оборотом наркотиков в системе МВД России. На заседании было отмечено, что за указанный период была изъята 21 тонна различных наркотических средств, также министр отметил важность наращива-

ния межведомственного взаимодействия и напомнил, что базовые задачи для органов государственной власти всех уровней отражены в Стратегии государственной антинаркотической политики, утвержденной Указом Президента РФ от 09.06.2010 № 690, и плане ее реализации.

Несмотря на значительные успехи в сфере противодействия наркопреступности, вызывает тревогу широкое применение наркодилерами новых бесконтактных способов реализации запрещенных к обороту наркотических и психотропных веществ. С целью эффективного противодействия им необходимо четко понимать те факторы и условия, которые в настоящее время затрудняют выявление и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. К таким факторам можно отнести:

1) использование в целях сбыта и конспирации современных IT-технологий (включая сеть Интернет);

2) относительно быстрый способ изготовления, позволяющий быстро расфасовывать наркотические средства и подготовить их к сбыту через тайники и посредников;

3) отсутствие характерного запаха при изготовлении наркотических средств;

4) при изготовлении синтетических наркотиков используются компоненты, которые не включены ни в один из списков перечня наркотических, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации;

5) распространение наркотических веществ организованными группами или преступными сообществами, имеющими большую степень конспирации и использующими коррумпированные связи.

Все эти факторы являются компонентами противодействия, оказываемого правоохранительным органам со стороны преступных групп, занимающихся сбытом наркотических средств с использованием сети Интернет.

Современные достижения науки, техники, IT-технологии накладывают отпечаток на все виды человеческой деятельности, в том числе и на криминальную. Как отметила Е.Р. Россинская: «Информатизация принесла с собой целый ряд сложных негативных

явлений, связанных с противоправным использованием этих новаций. Например, компьютерные средства стали использоваться преступниками не только в противоправных целях, но и для оказания активного противодействия правосудию» [6, с. 8].

Очевидно, что борьба с наркопреступностью является комплексной деятельностью и включает в себя деятельность всех подразделений, входящих в систему МВД России, в которой главную роль играет работа следователя, способность его грамотно руководить следственно-оперативной группой. Качественное и эффективное проведение следственных действий, в том числе обыска, помимо соблюдения процессуальных требований зависит от правильного выбора технических средств и организации как при подготовке к производству следственного действия, так и в ходе его осуществления в конкретной сложившейся следственной ситуации.

Так, в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступлений, а также при оказании последующего противодействия уголовному преследованию преступники широко используют разнообразные мобильные приложения – мессенджеры в смартфонах (или иных устройствах связи) с закрытыми протоколами, постоянно совершенствующимися методами шифрования и средствами защиты от контроля и записи, такие как «Telegram», «Jabber», «Confide» и др. При этом наркодилеры тратят большие средства на приобретение средств связи, высокопроизводительной компьютерной техники, лабораторного химического оборудования, разработку программного обеспечения, вербовку сетевых «хакеров» и т.д. Каждый сотрудник получает развернутые инструкции, в которых подробно описано, как правильно общаться с потребителями наркотиков, как безопасно пользоваться электронными счетами и обналачивать денежные средства, как пользоваться анонимными средствами передачи информации через Интернет и анонимными иностранными прокси-серверами при посещении интернет-страниц и в общении между собой, а также как вести себя в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов.

В настоящей работе мы обратим внимание на правовые и организационно-тактические проблемы обнаружения и изъятия электронных носителей информации при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, так как при сбыте наркотических средств и психотропных веществ чаще всего преобладает способ совершения преступлений посредством использования сети Интернет.

Изучение следственной практики показывает, что в последние годы при производстве обыска по уголовным делам данной категории наиболее востребованы знания специалиста в области информационных технологий. Одной из причин этого стало внесение изменений в ст. 81, 82, 166, 182 и 183 УПК РФ, которые были дополнены положением о том, что изъятие электронных носителей информации при производстве обыска (выемки) должно осуществляться только с участием специалиста, а также указанием на право законного владельца или обладателя на получение копий сведений, содержащихся на изымаемом носителе. Цель изменений выражалась в том, что на современном этапе развития информационных технологий необходимо упорядочить в ходе расследования уголовных дел процедуру изъятия электронных носителей информации (компьютерных блоков, серверов, ноутбуков, карт памяти) и порядка возвращения изъятых электронных носителей информации и (или) копирования содержащейся на них информации. По замыслу авторов, реализация проекта должна была обеспечить дополнительную защиту прав предпринимателей и решить задачу продолжения деятельности хозяйствующих субъектов в случае изъятия электронных носителей информации в ходе расследования уголовных дел. [5]

При разработке указанных изменений не было учтено, что внесенные поправки будут использованы не только по преступлениям, где изъятие электронных носителей может привести к остановке предприятий, занимающихся законной хозяйственной деятельностью, но и лицами, занимающимися незаконным оборотом наркотических средств, что

замыслом законопроекта не было предусмотрено.

Также и понятие «электронный носитель» осталось без разъяснения, что вызывает вопрос о том, необходимо ли привлечение к изъятию специалиста во всех случаях обнаружения «электронного носителя», или для изъятия каких-то конкретных «электронных носителей», вызывающих затруднения в их изъятии самостоятельно следователем, или для изъятия «электронных носителей», подключенных в сложную локальную сеть технических устройств, составляемую из них единое целое, или копирование информации по просьбе их владельца.

В ряде нормативных актов под «электронным носителем» понимается материальный носитель для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. [2; 3] Такая широкая трактовка понятия «электронный носитель» позволяет охватывать не только полупроводниковые технологии электрически перепрограммируемой памяти (flash-память), но и все остальные носители информации, преобразование которой в читаемый вид возможно только с использованием электронно-вычислительного устройства. [4]

Вышеизложенное обязывает следователя привлекать специалиста при производстве обыска к изъятию: отдельно стоящего и не подключенного к локальной сети системного блока, карты памяти фотоаппарата, мобильного телефона по преступлениям всех категорий, что ставит под сомнение его общую компьютерную грамотность и ограничивает процессуальную самостоятельность. Также необходимо учитывать, что не всегда имеется возможность выезда специалиста на место проведения обыска; так, в некоторых случаях обыск проводится сразу после задержания подозреваемого лица в совершении преступления или когда есть информация, что следы преступления могут быть уничтожены.

Кроме того, в настоящее время отсутствует единообразная судебно-следственная практика относительно обязательного привлечения специалиста в области информационных технологий при производстве обыска, также

нет и единства мнений по этому вопросу среди ученых.

Так, в одном случае судом признан не состоятельным довод апелляционных жалоб о том, что в ходе выемки CD-RW диск был изъят у гражданина Н. с нарушением требований ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, так как изъятие происходило без участия специалиста. При этом суд, ссылаясь на нормы ч. 5 ст. 164 УПК РФ и ст. 168 УПК РФ, указал, что следователь только вправе, но не обязан привлечь к участию в следственном действии специалиста (апелляционное определение суда Ненецкого автономного округа от 13.04.2015 по делу № 22-27/2015).

В другой ситуации суд, отвечая на жалобу адвоката на действия следователя, связанные с изъятием при производстве обыска системных блоков с электронными носителями без специалиста, указывает на то, что «они были произведены уполномоченным должностным лицом на основании соответствующего постановления, принятого в рамках возбужденного расследуемого уголовного дела в соответствии со ст. 182 УПК РФ» (апелляционные определения Московского городского суда от 30.09.2013 № 10-9507, Белгородского областного суда от 12.08.2015 № 22-1191).

Третий вариант позиции судебных органов получил отображение в признании правомерным производства изъятия «электронного носителя» без участия специалиста только при копировании информации с электронных устройств, обнаруженных при обыске, на иные электронные носители информации, то есть, в случае если изымаются «носители» целиком, по мнению суда, специальные знания не требуются (апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24.09.2015 № 22-5674/15).

Несмотря на несообразность судебной практики по данному вопросу, исходя из системного толкования рассматриваемых норм отметим, что копирование с изымаемых электронных носителей информации – это часть следственного действия (обыска, выемки), а не самостоятельное процессуальное действие. Причем копирование в ходе производства обыска (выемки) с изымаемых электронных носителей информации на другой электрон-

ный носитель информации вправе осуществить только специалист, к тому же таковое может быть реализовано по ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на ней информации. [1]

Подводя итог рассмотренным вопросам, можно отметить, что формулировки норм ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ требуют уточнения. Необходимо внести в УПК РФ понятие электронного носителя информации, указать конкретные случаи, когда необходимо привлекать специалиста к изъятию электронных носителей. По нашему мнению, к таким случаям необходимо отнести:

- копирование информации в ходе производства обыска (выемки) с изымаемых электронных носителей информации на другой электронный носитель;
- установление наличия связи между средствами компьютерной техники и каналами электросвязи по схемам: «компьютер-компьютер», «компьютер-сервер» и т.д.;
- необходимость отключения локальной сети от технических устройств;
- необходимость подвергнуть обыску сам сервер, так как именно сервер хранит в своей памяти наибольшую часть компьютерной информации и управляет рабочими станциями локальной сети.

Хотелось бы заметить, что, как правило, в среднем организованная группа располагает техническим обеспечением в количестве 30-50 мобильных телефонов, 5-7 ноутбуков, и это лишь средние цифры.

Проведенный в ходе исследования теоретический и практический анализ привлечения специалиста в ходе обыска к изъятию электронных носителей информации позволил сделать вывод, что изъятие электронных носителей информации в ходе обыска по делам о незаконном обороте наркотиков не всегда требует привлечения специалиста к их изъятию, так как сам следователь обладает первоначальной компьютерной грамотностью, а в связи с тем, что количество преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, возросло, возрастает и значение использования знаний специалиста в области компьютерной информации, так как при

проведении обыска иногда из-за особенностей самих объектов, имеющих значение для дела, найти их может только специалист. Поэтому естественно, что возрастание уровня и интенсивности использования специальных познаний приводит и к повышению требований к квалификации специалиста. Качественное и полноценное проведение следственных

действий с использованием компьютерных знаний специалиста будет способствовать установлению специфики незаконного оборота наркотиков при помощи IT-технологий и сети Интернет, а также своевременному выявлению, раскрытию и расследованию данного вида преступлений.

Библиографический список

1. Васюков, В.Ф. Некоторые особенности изъятия электронных носителей информации при производстве обыска и выемки по уголовному делу / В.Ф. Васюков // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 2 (25).
2. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения : Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013.
3. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения : Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2006.
4. Першин, А.Н. Электронный носитель информации как новый источник доказательств по уголовным делам / А.Н. Першин // Уголовный процесс. – 2015. – № 5.
5. Паспорт проекта Федерального закона № 20801-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об уточнении порядка изъятия, хранения и возвращения законным владельцам в ходе расследования уголовных дел электронных носителей информации) // СПС КонсультантПлюс.
6. Россинская, Е.Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития / Е.Р. Россинская // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 1.

УДК 34.03

Илья Анатольевич ВОРМСБЕХЕР

адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
vormsbekher.ilia@yandex.ru

ПРАВО ГРАЖДАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE RIGHT OF CITIZENS PARTICIPATING IN CARRYING OUT OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIONS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы освобождения граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий, от юридической ответственности. Исследованы нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовного кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, анализируется соотношение указанных нормативных правовых актов. Обоснована необходимость совершенствования нормативного регулирования правовой защиты рассматриваемой категории граждан.

The article considers some topical problems of exempting citizens participating in carrying out of operational-search actions from legal liability. The rules of the Federal Law «On Operational-search activity», the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation are studied: the correlation of these statutory acts is analyzed. The necessity of improvement of regulation of legal protection of citizens under consideration is substantiated.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, правовая защита, ответственность.

Keywords: operational-search activity, operational-search actions, legal protection, liability.

Рассмотрение права граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий, на освобождение от юридической ответственности представляет интерес в связи с тем, что, несмотря на провозглашенную в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) перспективную идею о правовой защите граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел, посредством освобождения от уголовной ответственности, норма, ее регламентирующая, имеет бланкетный и декларативный характер, обусловленный отсутствием механизма практической реализации,

а нормы, регулирующие освобождение от иных видов ответственности, вовсе отсутствуют. Мы полагаем, что в настоящее время данная категория лиц не в полной мере является защищенной. Нашу точку зрения поддерживают 62,1% опрошенных сотрудников оперативных подразделений, которые считают недостаточной правовую регламентацию правовой и социальной защиты граждан, участвующих в проведении ОРМ.

Проблема защищенности участников оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в части освобождения от уголовной ответственности не нова, она существовала и в советское время. В специальной литературе этого периода приводится масса негативных

примеров привлечения конфиденентов к уголовной ответственности при добросовестном выполнении ими своих обязанностей, рассматриваются и предлагаются различные варианты выхода из сложившейся ситуации. [1] На современном этапе вопросы освобождения от уголовной ответственности также не раз становились предметом научных изысканий представителей как уголовно-правовой [2; 7; 11; 15; 16], так и оперативно-розыскной [5; 9; 13; 18] науки.

Современное состояние реализации рассматриваемого права весьма красноречиво и, на наш взгляд, полно охарактеризовал Ю.Г. Железняков: «В настоящее время законодательство не оставляет никаких надежд на снисхождение ни сотрудникам оперативных подразделений, ни лицам, оказывающим им содействие на конфиденциальной основе, совершившим преступления в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности» [6]. В связи с этим необходимо рассмотреть прежде всего вопросы предохранения лиц, оказывающих содействие, от неправомерного привлечения к уголовной ответственности. Следует согласиться с О.А. Вагиным, который говорит о том, что законодательное закрепление ОРМ, установление их исчерпывающего перечня, хотя и призваны обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), а также определить правомерность действий ее субъектов (должностных лиц и лиц, оказывающих им содействие), отличить их действия от противоправных, уголовно наказуемых деяний и тем самым обеспечить легитимность их деятельности, не исключают, а лишь минимизируют возможность (риск) привлечения их к ответственности, в том числе к уголовной. [3]

Освобождение от уголовной ответственности – окончательное и безусловное решение правоприменительных органов об отказе в официальном осуждении лица, совершившего преступление. [11, с. 8] Нормативные предписания ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД предоставляют возможность освобождения от уголовной ответственности лицам, оказывающим содействие органам, осуществляющим

ОРД, при определенных условиях, в качестве которых законодатель выделяет следующие:

- освобождаемое от уголовной ответственности лицо привлечено к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД;
- лицо является членом преступной группы;
- лицо активно способствовало раскрытию преступлений;
- лицо возместило нанесенный ущерб или иным образом загладило причиненный вред;
- преступление не повлекло тяжких последствий.

Однако, как справедливо замечает М.П. Смирнов, реализация положений ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД возможна лишь по основаниям, предусмотренным в уголовном законе, в пределах процедур, закрепленных в уголовно-процессуальном законе. [17, с. 490]

Проведенный в рамках исследования сравнительный анализ оперативно-розыскного и уголовного законодательства позволяет нам выявить определенные несоответствия и расхождения. Причиной такого положения может являться отсутствие единого толкования условий и понятий, содержащихся в указанном основании для освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим мы поддерживаем мнение В.В. Кожевникова, который считает, что в рассматриваемой норме должно произойти согласование представленных оценочных позиций с формально определенными в уголовном праве категориями [8, с. 141]. Аналогичной точки зрения придерживается В.В. Николюк. [12, с. 144]

Положения УК РФ, содержащие предписания об освобождении от уголовной ответственности, находят отражение в ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ, регламентирующей освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, таковое возможно, если:

- преступление совершено впервые;
- преступление подпадает под категорию небольшой или средней тяжести;
- виновное лицо добровольно явилось с повинной;
- виновное лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления;
- виновное лицо возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления.

Говоря о первых трех основаниях, отметим, что в ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД указания на них нет. Действительно, ст. 75 УК РФ может быть применена только к лицу, впервые совершившему преступление, однако в соответствующих статьях Закона об ОРД такое указание отсутствует. Также следует обратить внимание на тот факт, что от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием может быть освобождено лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, а иной категории – только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями УК РФ. Положения ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД указывают на противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, однако в УК РФ корреспондирующей данному положению нормы мы не находим, в ст. 15 УК РФ «Категории преступлений» речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях. Далее отметим, что на основании ст. 75 УК РФ лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, а положения Закона об ОРД не содержат такого требования. На основании изложенного приходим к выводу, что в данной части положения уголовного закона сужают возможность применения норм Закона об ОРД. Определенное соответствие с нормами Закона об ОРД находят лишь четвертое и пятое основание, согласно которым лицо должно способствовать раскрытию и расследованию преступления, а также возместить ущерб или иным образом загладить вред, причиненный преступлением. Также необходимо обратить внимание на тот факт, что рассматриваемая норма Закона об ОРД вступает еще в одну коллизию со ст. 75 УК РФ, так как она «имеет императивное предписание об освобождении от уголовной ответственности и четко указывает на обязанность, а не право правоприменителя освободить лицо от уголовной ответственности (при выполнении соответствующих условий)» [10, с. 111]. Статья 76 УК РФ устанавливает, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с по-

терпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред». Нормативные предписания ст. 76.1 УК РФ содержат основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, а в ст. 78 УК РФ говорится об основаниях освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Таким образом, мы приходим к выводу, что положения Закона об ОРД, регулирующие освобождение лиц, оказывающих содействие, не нашли отражения в уголовном законодательстве, они не обеспечены надежным правовым механизмом в соответствующих статьях УК РФ.

В целях оптимизации правового регулирования ОРД и создания строго регламентированного механизма освобождения от уголовной ответственности рассматриваемой нами категории лиц необходимо внесение изменений в федеральные законы, регулирующие эту деятельность. И если данный тезис уже не оставляет широкого поля для юридической дискуссии, то вопрос, в каком законе и как регламентировать этот механизм, содержит большой потенциал для полемики среди ученых и практиков. Наиболее приемлемыми, на наш взгляд, могут быть два взаимоисключающих варианта оптимизации. Одним из них является предложение, высказанное Н.В. Павличенко, согласно которому вышеуказанная норма должна быть изложена в следующей редакции: «Лицо, являющееся членом преступной группы, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, совершившее преступления небольшой и средней тяжести, предусмотренные Особой частью Уголовного кодекса Российской Федерации, если оно активно способствовало предупреждению, раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых преступной группой, возместило причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [14, с. 179]. Данная формулировка позволит устранить коллизии норм оперативно-розыскного и уголовного законодательства, возникающие при практической реализации права конфиденентов на освобождение от уго-

ловной ответственности. При этом положения ст. 75 УК РФ дублируются, не вступая с ней в противоречия. Согласно второму варианту в ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД нет необходимости регламентировать конкретные условия и критерии освобождения от уголовной ответственности, так как действующие в настоящее время не коррелируют с уголовным законодательством, а простое их возможное повторение в Законе об ОРД не будет иметь никакой смысловой нагрузки, так как основным законом, регулирующим освобождение от уголовной ответственности, является УК РФ. В связи с этим мы считаем целесообразным в ст. 18 Закона об ОРД установить лишь возможность такого освобождения, ссылаясь на положения ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ. Таким образом, мы считаем, что ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД должна быть изложена в следующей редакции: «Лицо, являющееся членом преступной группы, привлеченное к содействию с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность и совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации». Данный вариант оптимизации, по нашему мнению, является наиболее приемлемым.

Далее отметим, что, по нашему мнению, примечательным является опыт Республики Казахстан. В законе, регламентирующем оперативно-розыскную деятельность в Республике Казахстан, право лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел, на освобождение от уголовной ответственности не закреплено, однако согласно ст. 35 Уголовного кодекса Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 09 января 2018 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252) «Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий» не является уголовным правонарушением деяние, причинившее вред охраняемым Уголовным кодексом интересам, совершенное при выполнении в соответствии с законом Республики Казахстан оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следствен-

ных действий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом, если это деяние совершено с целью предотвращения, выявления, раскрытия или расследования уголовных правонарушений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой, предупреждения, вскрытия и пресечения разведывательных и (или) подрывных акций, а также если причиненный вред правоохраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными уголовными правонарушениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении уголовных правонарушений лиц не могли быть осуществлены иным способом.

Кроме того, вышеуказанные положения не распространяются на лиц, совершивших деяния, сопряженные с угрозой жизни или здоровью человека, экологической катастрофы, общественного бедствия или иных тяжких последствий.

Анализ рассматриваемой нормы позволяет выявить условия правомерности деятельности субъектов и участников ОРМ:

- ОРМ должно проводиться в целях предотвращения, выявления, раскрытия или расследования преступлений, совершенных группой;

- причинение вреда является единственным способом достижения поставленной цели;

- причиненный вред правоохраняемым интересам должен быть менее значителен, чем вред, причиняемый групповым преступлением;

- причиненный вред при осуществлении ОРМ не должен быть сопряжен с угрозой жизни или здоровью человека, экологической катастрофы, общественного бедствия или иных тяжких последствий.

Законодательное закрепление данных положений является существенным шагом в развитии нормативного регулирования правового положения участников ОРМ. По нашему мнению, законодатель Республики Казахстан, регулируя основания освобождения от уголовной ответственности в связи с

проведением ОРМ именно в Уголовном кодексе, решил проблему, характерную для законодательства Российской Федерации, – несоответствие норм уголовного и оперативно-розыскного законодательства. Нам представляется, что это должно положительно сказаться на эффективности деятельности по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, поможет избежать неоднозначной трактовки действий участников ОРМ, а также необоснованного

привлечения их к ответственности и в целом будет способствовать обеспечению законности при осуществлении ОРД. Опираясь на изложенное, полагаем, что отечественному законодателю необходимо учесть положительный опыт правового регулирования освобождения от уголовной ответственности участников ОРМ в Республике Казахстан.

Библиографический список

1. Алехин, В.Л. Правовое положение негласных сотрудников и проблемы их социальной защиты / В.Л. Алехин // Актуальные проблемы повышения эффективности агентурной работы органов внутренних дел : межвузовский сборник научных трудов. – Киев, 1987.
2. Балафендиев, А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов : дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Балафендиев. – Казань, 2016.
3. Вагин, О.Г. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности : научный доклад / О.Г. Вагин // СПС КонсультантПлюс.
4. Гусев, В.А. Ведомственная регламентация вербовки с использованием компрометирующих материалов: проблемы реализации / В.А. Гусев // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. – 2015. – № 3 (35).
5. Железняк, Н.С. О некоторых аспектах социальной защиты лиц при имитации ими преступной деятельности / Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 1 (22).
6. Железняков, Ю.Г. Оперативно-розыскная деятельность: некоторые проблемы правового регулирования / Ю.Г. Железняков // СПС КонсультантПлюс.
7. Железняков, Ю.Г. Уголовная ответственность субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Г. Железняков. – Тамбов, 2009.
8. Кожевников, В.В. Правовая активность граждан и законодательство об оперативно-розыскной деятельности / В.В. Кожевников // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1996.
9. Кондрашечкин, Р.В. К вопросу о социальной и правовой защите граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: уголовно-правовой и оперативно-розыскной аспект / Р.В. Кондрашечкин // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы межведомственного круглого стола (Рязань, 14 апреля 2016 г.). – Рязань, 2016.
10. Косов, А.В. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности в нормах уголовного и оперативно-розыскного законодательства / А.В. Косов // Современный юрист. – 2015. – № 2.
11. Матвеева, Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта : дис. ... канд. юрид. наук / Я.М. Матвеева. – СПб., 2016.

12. Николук, В.В. Освобождение от уголовной ответственности членов преступных групп, способствовавших раскрытию и пресечению преступлений: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные аспекты / В.В. Николук // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. – Красноярск, 2006.

13. Павличенко, Н.В. Статья 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: отдельные проблемы правоприменения / Н.В. Павличенко // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Омск. 2011.

14. Павличенко, Н.В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : монография / Н.В. Павличенко. – Омск, 2011.

15. Радачинский, С.Н. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства в части защиты лиц, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий / С.Н. Радачинский // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – №1.

16. Савинский, А.В. Деятельное раскаяние: от законодательного декларирования к реальному применению / А.В. Савинский, И.М. Циммерман // Законность. – 2004. – №3.

17. Смирнов, М.П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учебное пособие / М.П. Смирнов. – М., 2002.

18. Ширванов, А.А. Правовая защита сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц оказывающих им содействие / А.А. Ширванов // Научный портал МВД. – 2016. – № 1.

УДК 340.14

Александр Игоревич МЕДВЕДЕВ,
Санкт-Петербургский государственный университет
Laarhaaga@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ИГРОВЫХ МИРОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

LEGAL RELATIONSHIPS IN THE SPACE OF VIRTUAL GAME WORLDS: THEORY AND PRACTICE ISSUES

В статье анализируется понятие правоотношения в современной теории права в контексте виртуальных игровых миров. Автор приводит ряд практических проблем, связанных с правоотношениями в виртуальных игровых мирах. Делается вывод о существовании в виртуальных мирах действительных право-отношений и о необходимости пристального внимания к феномену виртуальных миров как со стороны юридического научного сообщества, так и со стороны федерального законодателя.

The article analyzes the concept of legal relationships in the contemporary theory of law in the context of virtual worlds. The author brings a series of practical problems related to the legal relationships in virtual worlds. The conclusion about actual existence of legal relationships in virtual worlds and necessity of close attention to the phenomenon of virtual worlds from both the law science society and the federal legislator is drawn.

Ключевые слова: виртуальные миры, Интернет, компьютерные игры, онлайн-игры, информационные технологии, виртуальное право, виртуальная собственность, теория права и государства, правоотношение.

Keywords: virtual worlds, Internet, computer games, online games, information technologies, virtual law, virtual property, theory of state and law, legal relationship.

Во второй половине XX века началось стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, приведшее в 1980-х годах к так называемой цифровой революции (англ. Digital Revolution) – всеобщему распространению компьютерных технологий, информатизации общества, повсеместному применению электронно-цифрового преобразования информации и, как следствие, переходу человеческой цивилизации на очередной этап развития, получивший название «информационная эра», или «информационная эпоха» [15]. Одним из ключевых событий, определивших жизнь общества в новой эре, стало изобретение Интернета.

Согласно Кембриджскому словарю английского языка, [6] Интернет, также часто

называемый Глобальной Сетью или Всемирной Паутиной, представляет собой «огромную систему соединённых компьютеров по всему миру, которая позволяет людям осуществлять обмен информацией и коммуникацию друг с другом». Предшественником Интернета считается сеть ARPANET, которая была разработана Агентством перспективных исследовательских проектов (ARPA), созданным по указу президента США Дуайта Д. Эйзенхауэра. Первая система, связывающая компьютеры в штатах Юта и Калифорния, была запущена в январе 1969 года, а в 1971 году появилась постоянная сеть, объединяющая более 20 удалённых друг от друга компьютеров. К 1973 году сеть стала трансграничной, объединив вычислительные устройства в США, Англии и Норвегии, и

была представлена общественности, а также обзавелась особым приложением – электронной почтой. Наконец, идеи Интернета, получив развитие в 1980-х годах, привели к созданию Всемирной Паутины (World-Wide Web, WWW), использующей протокол TCP/IP, которая используется повсеместно и по нынешний день.

Интернет оказал колоссальное влияние на человечество, не только запустив новый виток развития мировой науки, культуры и экономики, но и изменив повседневную жизнь множества людей. Количество людей, постоянно пользующихся Интернетом, не только превысило отметку в 4 млрд человек, но стремительно близится к 5 млрд: в настоящий момент оно сопоставимо с общим населением планеты в 1987 году. [2] Согласно данным исследовательских компаний, в среднем люди пользуются Интернетом в той или иной форме по 6 часов в день. [8] Несмотря на то, что интернет-технологии используют преимущественно жители Европы и Северной Америки, Всемирная Паутина продолжает стремительное распространение даже в тех регионах, где доступ к ней на протяжении прошлого десятилетия оставался крайне затруднительным, непрерывно привлекая в сеть всё больше и больше людей. Основным преимуществом, которое определило столь всеобъемлющую популярность Интернета и проявилось ещё в ранние годы его существования, является возможность невероятно быстрого обмена информацией на практически неограниченном расстоянии. Интернет не только позволил получать, отправлять и распространять материалы по всему миру, но и вывел коммуникацию между людьми на совершенно иной уровень: в сети появились совершенно новые средства общения, взаимодействия и даже совместного времяпрепровождения на расстоянии. Одним из таких средств стали виртуальные миры.

Виртуальный мир можно определить как моделируемую компьютерными средствами виртуальную среду, обычно представляющую собой виртуальное трёхмерное пространство и предназначенную для взаимодействия пользователей в рамках этого пространства посредством особых виртуальных репрезен-

таций – графически моделируемых персонажей, или «аватаров». Кроме того, некоторые исследователи причисляют к основным признакам виртуального мира возможность создания пользовательского контента и наличие виртуальной экономической системы. [1] Понятие виртуального мира неразрывно связано с массовыми многопользовательскими ролевыми онлайн-играми, или MMORPG (от англ. Massive «Multiplayer Online Role-Playing Game»). Такие игры являются разновидностью компьютерных игр, в которых игрок осуществляет контроль над действиями выбранного им аватара и взаимодействие с персонажами других игроков в фантастической виртуальной игровой среде.

Иными словами, классическая MMORPG обычно представляет собой игровой виртуальный мир, выполненный в виде фантастической вселенной, в котором происходит контролируемый администрацией игровой процесс. Посредством своих персонажей участники данного игрового процесса могут участвовать в определённых игровых событиях, выполнять игровые задания, вступать в виртуальные схватки и целые сражения друг с другом и многое другое. За успехи в своих действиях персонажи игроков обычно получают очки опыта, позволяющие им развивать свои способности, навыки и умения и разблокировать новые возможности в виртуальном мире, а также вознаграждение в виде ценных виртуальных предметов и игровой валюты, используемой для осуществления обмена предметами между персонажами – как аватарами, управляемыми игроками, так и персонажами, контролируемыми программой, которыми разработчики игры «населяют» игровой мир и которые являются его неотъемлемой составляющей.

MMORPG привлекают огромное количество игроков по всему земному шару. Так, в 2008 году количество пользователей World of Warcraft превысило 12 млн человек, а вышедшая в том же году Perfect World со временем набрала 30 млн активных пользователей. [3] Согласно неофициальной статистике, уже в 2016 году общее количество пользователей MMORPG превзошло 600 млн человек. [10] Исследование, проведённое агентством

Insight ONE в 2014 году, показало, что, согласно статистическим данным, около 58% россиян играют в компьютерные игры и 77% из них каждую неделю проводят время в виртуальных игровых мирах. При этом примерно 2/3 всех игроков являются совершеннолетними, средний возраст пользователя онлайн-игр в России составляет 33 года, а около 40% игроков состоят в браке и являются родителями. [4] Приведённые данные не оставляют сомнения в том, насколько велика роль виртуальных игровых миров (далее – виртуальных миров) в жизни современного общества. Во время игрового процесса пользователи часто общаются между собой, в том числе на темы, никак не связанные с самой игрой, формируют социальные связи и создают целые сообщества. Между игроками завязываются отношения, в рамках которых они нередко принимают на себя определённые обязательства. Однако возникают ли в данном случае между пользователями виртуальных миров реальные правоотношения, несмотря на то, что их взаимодействие происходит в виртуальной среде?

Теория правоотношений – это сложный и неоднозначный раздел общей теории права. Определение понятия и природы правоотношения как такового находится в сильной зависимости от выбранного типа правового понимания. С одной стороны, традиционный этактический подход предполагает, что правоотношение берёт своё начало из правовых норм, установленных государством, и не имеет самостоятельного значения. С другой стороны, социологический подход придаёт правоотношению более важную роль, рассматривая его как важнейшее проявление права, порой предшествующее появлению соответствующей правовой нормы и выражающее опыт взаимодействия субъектов права. Наиболее полным и справедливым представляется подход к осмыслению феномена правоотношения, согласно которому правовое отношение является коммуникативным социальным отношением, субъекты которого соотносят своё поведение с принадлежащими им общепризнанными взаимообусловленными правами и обязанностями. [17] Согласно данному подходу, важнейшим признаком об-

щественного отношения является взаимная соотнесённость участников этого отношения; иными словами, общественные отношения имеют коммуникативную природу.

Данное утверждение представляется справедливым как для общественных отношений в целом, так и, в частности, для правовых отношений. Сторонники этого подхода отмечают, что правоотношения могут возникать равным образом как на основе норм социального права, так и на основе текстуальных норм государственно-организованного права. Поскольку государство традиционно не вмешивается в происходящее в виртуальных мирах, государственно-конституированные правовые отношения не находят выражения в виртуальной среде. Следовательно, применительно к виртуальным мирам речь может идти лишь о возникновении социальных правовых отношений. Для того чтобы ответить на вопрос: действительно ли отношения, возникающие между пользователями виртуальных миров в рамках виртуальной среды, могут являться правовыми отношениями – необходимо рассмотреть правоотношение как систему и обратиться к его структуре. Традиционно в качестве элементов правового отношения выделяют субъектов правоотношения, объект правоотношения и содержание правоотношения; кроме того, современные исследователи также выделяют такой элемент, как форма правоотношения.

Субъектом правоотношения в общем понимании является некоторое лицо, носитель предусмотренных правовой нормой субъективных прав и правовых обязанностей, соотносящий с ними свое поведение. Круг субъектов официальных государственно-организованных правоотношений устанавливается государством. Пределы этого круга могут изменяться в зависимости от конкретного государства и временного периода: так, в исторической перспективе совершенно по-разному разрешался вопрос о правоспособности юридических лиц и организаций, людей разных полов, социального положения, вероисповедания; более того, неоднократно поднимался вопрос о возможности придания официального статуса субъектов права животным. [9] Вместе с тем жизнь общест-

ва и возникающие в нём правовые связи не ограничиваются сферой государственного вмешательства: лицо может одновременно выступать субъектом не только государственно-конституированных, но и социальных правовых отношений. Основопологающим свойством субъекта права является правосубъектность, или способность выступать, приобретать, нести и осуществлять субъективные права и правовые обязанности, т.е. вступать в правовую коммуникацию. Субъект права должен обладать правовой волей, способностью к познанию и осмыслению правовых текстов, соотносить своё поведение с нормами права.

Персонажи, населяющие виртуальный мир, несомненно, не обладают таким свойством – они являются лишь элементами обрабатываемой компьютерными средствами информации. Реальными субъектами отношений, складывающихся в виртуальной среде, являются пользователи виртуального мира. Аватары исполняют функцию репрезентации участников процессов, происходящих в виртуальном мире, и являются, по сути, лишь инструментом, опосредующим коммуникацию между пользователями. Вместе с тем, поскольку пользователями виртуальных миров чаще всего являются люди в возрасте не менее 18 лет и в подавляющем большинстве случаев – не менее 14 лет, не остаётся сомнений в том, что даже с точки зрения установленных государством правовых норм пользователи виртуальных пространств обладают правосубъектностью и способны самостоятельно принимать участие в формировании и реализации правовых отношений. Кроме того, в любом виртуальном мире, как правило, все пользователи этого мира наделены равными правами и обладают полной свободой образовывать внутри виртуальной среды сообщества, вступать как в индивидуальные, так и в коллективные правоотношения и создавать текстуально выраженные нормы должного поведения.

Объект правового отношения – это то, на что направлена деятельность субъектов правоотношения, иными словами, то, на что направлены их субъективные права и правовые обязанности. Существует позиция, согласно

которой объектом правоотношения является поведение обязанного лица, соответствующее интересам управомоченного лица. Данный подход к пониманию объекта правоотношения, получивший название теории единого объекта, видится слишком узким и не охватывающим всей полноты правоотношений. Альтернативный подход, нашедший выражение в теории множественности объектов, предлагает рассматривать в качестве объекта правоотношения различные общественные блага, социальные ценности. Отношения, складывающиеся между пользователями в виртуальных мирах, безусловно, очень часто имеют конкретную ценностную направленность. Так, например, участники игрового процесса MMORPG, состоящие в одном игровом сообществе («гильдии», «клане», «альянсе»), могут достигать определённых договорённостей по поводу распределения награды за прохождение игровых испытаний, виртуального имущества данного сообщества, игровых ценностей и игровой валюты и т.д.

Как и в случае с многими другими теоретико-правовыми понятиями, к определению содержания правового отношения существуют самые разные подходы. Согласно традиционному взгляду на данный элемент правоотношения, его можно разделить на юридическую и фактическую составляющие, где юридическое содержание правоотношения составляют субъективные права и правовые обязанности, а фактическое – действия субъектов по их реализации. Более точной представляется предлагаемая рядом учёных-правоведов трактовка содержания правоотношения как юридически значимого поведения субъектов этого правоотношения. [16] Не возникает сомнений в том, что и этот элемент правоотношения находит своё отражение в жизни сообществ виртуальных миров. Развивая иллюстрацию с распределением виртуальных ценностей внутри одной игровой гильдии, после достижения договорённости между участниками гильдии её глава может осуществлять фактическое распределение ценных игровых предметов между конкретными игроками, проводя техническую передачу этих предметов посредством симуляции простого вручения вещи своим персонажем-

аватаром персонажу, управляемому игроком, претендующим на данную вещь.

Форма правового отношения представляет собой форму субъективных прав и правовых обязанностей субъектов. Необходимость признания формы неотъемлемым элементом правоотношения объясняется тем, что правомерное поведение субъектов правоотношения находит своё выражение в сознании участников правового взаимодействия всегда в определённой форме, а именно в форме общественно признанных действий, вытекающих из правовых норм. Рассмотрим немного детальнее понятия «субъективное право» и «правовая обязанность».

Субъективное право в общем смысле представляет собой обеспеченную нормой права возможность субъекта совершать определённые действия и включает в себя три основных правомочия: возможность действовать или бездействовать, возможность требовать от другой стороны правового отношения должного поведения и возможность обращаться за правовой защитой в случае неисполнения требований другой стороной. Субъективное право отличается от субъективного правомерного интереса тем, что возможность его осуществления всегда обеспечивается возложением соответствующих активных или пассивных правовых обязанностей других субъектов правоотношений.

Правовая обязанность, как это вытекает из определения субъективного права и его характерных особенностей, является правовой мерой должного поведения субъектов правоотношения и бывает активной или пассивной. Соответственно, структура правовой обязанности в целом состоит из трёх основных элементов, корреспондирующих с основными правомочиями, образующими субъективное право: это пассивная обязанность, т.е. обязанность не совершать действий, нарушающих прав другого субъекта правоотношения, активная обязанность, или обязанность совершить определённые действия во исполнение прав другого субъекта правоотношения, и обязанность нести правовую ответственность, выражающуюся в виде несения лишений имущественного или неиму-

ущественного характера в случае несоблюдения активных и пассивных обязанностей.

В свете приведённых примеров становится очевидно, что пользователи виртуальных миров могут выступать носителями субъективных прав и правовых обязанностей в рамках виртуальной среды. В упомянутом выше примере у участника гильдии, участвующего в распределении ценного виртуального имущества, появляется субъективное право на получение причитающегося ему игрового предмета у главы гильдии, ответственного за организацию процесса распределения, – обязанность передать участнику предмет, правом на получение которого он обладает, а у остальных участников гильдии – обязанность не чинить препятствий осуществлению правомерного завладения данным предметом. Более того, игровое сообщество реагирует на нарушение участниками установленных этим сообществом правовых норм и в качестве меры правовой ответственности применяет к нарушителям определённые санкции – например, создание препятствий к участию в игровом процессе.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что в пространстве виртуального мира между пользователями действительно возникают правовые отношения. Взаимодействуя при помощи своих аватаров, пользователи общаются друг с другом, создают сообщества, устанавливают определённые писанные правила должного поведения, заключают соглашения и договоры, осуществляют субъективные права и правовые обязанности по отношению друг к другу и т.д.

При этом ни в коем случае не следует путать правовые отношения, возникающие в виртуальной среде, с так называемыми виртуальными правовыми отношениями. С точки зрения общей теории права виртуальные правоотношения представляют собой отношения между субъектами, возникновение которых предписывается нормативными текстами, но которые не существуют в действительности. Особенность виртуальных правоотношений заключается в том, что они, имея под собой нормативную основу, не получают выражения в реальном поведении субъектов.

Между тем, как мы выяснили, правоотношения, складывающиеся между пользователями виртуальных миров, объективируются в виде конкретных действий пользователей, направленных на реализацию их субъективных прав и правовых обязанностей путём осуществления взаимодействия друг с другом посредством их виртуальных аватаров. Иными словами, несмотря на то, что данные правоотношения складываются в виртуальном пространстве, они получают вполне действительное выражение в поведении субъектов данных правоотношений. Виртуальной в данном случае является среда, в которой происходит коммуникация, но не природа самих правоотношений.

Приведённый анализ правовых отношений, складывающихся между пользователями цифровых компьютерно-моделируемых миров в виртуальной среде, лишь немного затрагивает весь спектр теоретико-правовых вопросов, возникающих при попытке исследовать то, как проявляет себя право в пространстве виртуальных миров. Однако уже на этой стадии заметно, что применительно к виртуальным мирам правовые отношения приобретают новые свойства и характерные черты, совершенно не присущие традиционным правоотношениям, возникающим в реальном, физическом мире. Из-за этих особенностей в юридической практике постоянно «нарастают» всё новые и новые правовые проблемы. К ним относятся, в частности, проблема ответственности за преступление, совершённое в виртуальном мире, проблема судебной защиты прав пользователей массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр и проблема правовой квалификации виртуальной собственности. Рассмотрим вкратце каждую из них.

Ранее мы уже обратили внимание на то, что игроки могут привлекаться к правовой ответственности самим игровым сообществом; кроме того, в случае нарушения правил пользовательского соглашения администрация виртуального мира обычно применяет к игрокам предусмотренные этим соглашением санкции – например, временное или постоянное прекращение доступа к виртуальному миру. Подобные наказания обычно имеют

место, когда игрок нарушает этические правила игры или пытается обманным путём получить преимущество над другими игроками. Однако какая ответственность должна последовать, если игрок совершит в виртуальном мире деяние, которое можно квалифицировать как преступное?

В.В. Архипов, кандидат юридических наук и доцент кафедры теории и истории права юридического факультета СПбГУ, в одной из своих работ приводит чрезвычайно интересный пример. [12] Рассуждая о классической MMORPG под названием Ultima Online, он отмечает, что как правилами пользовательского соглашения, так и техническими особенностями данной игры для пользователей, играющих персонажами-ворами, была предусмотрена возможность красть игровые предметы у других игроков – причём даже такие предметы, которые покупались и продавались за реальные деньги, а потому имели реальную материальную ценность. Следовательно, кража подобного предмета приносила реальный материальный ущерб – и порой на существенную денежную сумму. Означает ли это, что правообладатели Ultima Online фактически создали возможность для совершения игроками деяния, уголовно наказуемого по законодательству Российской Федерации, – а именно кражи в контексте ст. 158 УК РФ?

Американский правовед Б.Т. Дюранске для разрешения данного вопроса предлагает использовать концепцию так называемого «магического круга». [14] Приводя в пример командные соревновательные спортивные игры с высокой степенью травматизма, такие как хоккей или футбол, исследователь обращает внимание на то, что в ходе матчей игроки нередко наносят травмы соперникам – чаще неумышленно, но порой даже умышленно, и притом никому не приходит в голову привлекать их к административной или тем более уголовной ответственности. Б.Т. Дюранске объясняет это тем, что в ходе игры участников окружает некий «магический круг» – особое правовое поле, внутри которого они не привлекаются за правонарушения к установленной государством ответственности, а несут лишь те наказания, которые предусмотре-

ны организатором спортивных соревнований – соответствующей спортивной федерацией, являющейся негосударственной организацией.

Раскрывая содержание этого феномена, учёный отмечает, что риск получения повреждений, травм, а порой даже материального ущерба (например, при порче спортивной экипировки игрока) является неотъемлемой частью данных спортивных игр, и потому государственно-установленное право естественным образом «уступает» свою правоохранительную функцию организатору игры: главным регулятором общественных отношений, касающихся непосредственно игрового процесса, становится спортивная федерация, а государственных судей заменяют спортивные арбитры. Таким образом, в случае если причинение какого-либо ущерба другому игроку предусмотрено правилами и самой природой спортивной игры (иными словами, подпадает под действие «магического круга»), то данное деяние не будет квалифицироваться как правонарушающее с точки зрения государственно-установленного права. Вместе с тем если нарушение, совершённое игроком, не подразумевается природой спортивной игры, т.е. не подпадает под «магический круг», то игрок будет нести установленную государством ответственность в полной мере.

Так, например, если один хоккеист случайно причинил травму другому во время игрового момента, он не будет подвергнут санкции, установленной государством за причинение подобной травмы в обычной, не-игровой ситуации. Однако, если игрок, раздосадованный поражением своей команды, совершит нападение на игрока-соперника после матча и нанесёт ему травму, данное деяние выйдет за рамки «магического круга» и будет квалифицировано в соответствии с уголовным законодательством, поскольку, хотя с точки зрения своего психического и эмоционального отношения нарушитель и связывал его со спортивной игрой, данное деяние никак не предусматривается и не оправдывается правилами и самой природой игры.

На наш взгляд, концепция «магического круга» может с той же эффективностью применяться к правонарушениям, соверша-

емым в виртуальных мирах. В самом деле, если пользователь виртуального мира наподобие Ultima Online, где возможность воровства прямо предусмотрена и правилами игры, и природой фантастического игрового мира, совершил кражу предмета у другого игрока, используя для этого уникальные умения своего персонажа-вора, данное деяние, несмотря на реальность причинённого материального ущерба, будет охватываться «магическим кругом» и не повлечёт за собой санкции, установленной государством. С другой стороны, если пользователь совершил кражу ценных предметов у другого игрока, воспользовавшись уязвимостью программного обеспечения компании-правообладателя и осуществив взлом компьютерной информации на её серверах, данное деяние, будучи никак не предусмотренным ни правилами игры, ни концепцией игрового мира, будет квалифицироваться как правонарушающее в соответствии с российским законодательством.

При рассмотрении указанной выше проблемы мы говорили преимущественно о публичной правовой ответственности за совершённое правонарушение. Однако игроки часто становятся жертвами гражданских правонарушений, причём не только со стороны других игроков, но и со стороны администратора виртуального пространства. Судебная защита прав пользователей виртуальных миров стала чрезвычайно актуальной проблемой, остро проявляющейся в судебной практике.

Наглядной иллюстрацией данной проблемы является определение Московского городского суда от 16 ноября 2015 года № 4г/6-11858/15 по кассационной жалобе на решение Симоновского районного суда г. Москвы от 17 апреля 2015 года и на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 14 июля 2015 года. Истец, действующий в интересах себя и своего несовершеннолетнего сына, обратился в суд с требованием о признании пользовательского соглашения, заключённого с компанией-правообладателем многопользовательской онлайн-игры, частично недействительным, возврате денежных средств, выплате неустойки,

а также взысканию моральной компенсации и штрафа.

Согласно материалам дела, в 2013 году истец зарегистрировал учётную запись в массовой многопользовательской ролевой онлайн-игре «Light & Darkness», а впоследствии зарегистрировал ещё одну учётную запись для своего сына. В 2013 году на протяжении полугода он приобретал дополнительные платные игровые услуги посредством перечисления денежных средств на указанные учётные записи. Однако 24 ноября 2013 года без согласия истца данные платные услуги были отключены как на его учётной записи, так и на учётной записи его сына. Несмотря на разъяснения ответчика о том, что данные меры были вызваны необходимостью корректировки игрового баланса в игре и подкреплялись положениями пользовательского соглашения, истец был убеждён, что действия ответчика незаконны.

Суд первой инстанции отметил, что истец при регистрации обеих учётных записей подтвердил своё ознакомление и согласие с условиями пользовательского соглашения. Согласно положениям данного соглашения, администрация игры могла вносить любые изменения в игру, включая составляющие компоненты платных сервисов, без согласия или уведомления пользователя. Получение платных услуг не освобождало пользователей от положений пользовательского соглашения. Наконец, в соглашении было указано, что услуга по предоставлению платного сервиса считается оказанной полностью, с надлежащим качеством и в надлежащий срок сразу же после оплаты и получения её пользователем.

Кроме того, суд заключил, что к данному делу неприменимы положения законодательства о защите прав потребителей, а к указанным правоотношениям применяется положение п. 1 ст. 1062 ГК РФ, согласно которому требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите. На основании этой нормы истцу было отказано в удовлетворении иска. Впоследствии вышестоящие суды полностью подтвердили решение суда первой инстанции. Таким образом, из данного решения можно сделать

два основных вывода: во-первых, права пользователя виртуальной компьютерной игры, связанные с игровым процессом, не подлежат защите в силу нормы п. 1 ст. 1062 ГК РФ и, во-вторых, пользовательское соглашение, заключённое между пользователем виртуального игрового мира и администрацией игры, является основным источником регулирования отношений, которые складываются между ними в связи с организацией игрового процесса.

Положения данной статьи в отношении азартных игр могут трактоваться неоднозначно. Как признал Конституционный Суд РФ в определении от 16 декабря 2002 года № 282-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой коммерческого акционерного банка "Банк Сосьете Женераль Восток"», законодательство не содержит признаков, которыми суды могут руководствоваться при вынесении решения по вопросу о том, является ли сделка пари или нормальной сделкой, и указал на необходимость дальнейшего регулирования соответствующих отношений.

Текущая судебная практика преимущественно идёт по пути расширительного толкования данной нормы. Суды общей юрисдикции чаще всего сходятся во мнении, что её положения применимы не только к азартным играм, но и к любым играм вообще. Повсеместная распространённость подобной трактовки положений п. 1 ст. 1062 ГК РФ создаёт очень серьёзное препятствие тому, чтобы пользователи виртуальных миров могли реализовать своё право на судебную защиту. В обоснование своей позиции суды ссылаются на рисковый характер любой игры: по их мнению, применение п. 1 ст. 1062 ГК РФ обосновывается тем, что смысл любой игры подразумевает неопределённость результата – кто победит, а кто проиграет, и это сближает правовую природу виртуальных игр с азартными играми.

В самом деле, высказывание о том, что любая игра содержит в себе элемент неопределённости, представляется справедливым. Однако риск, которому подвергаются поль-

зователи виртуальных игровых миров, в отличие от риска азартной игры, чаще всего не несёт в себе вероятности потери реального имущества. В случае поражения в виртуальном игровом мире какой-либо ущерб может быть причинён только персонажу игрока, и этот вред не будет оказывать непосредственного влияния на материальное положение игрока. Поэтому вывод судов общей юрисдикции о применимости к отношениям, складывающимся в виртуальных игровых мирах, п. 1 ст. 1062 ГК РФ, представляется ошибочным и ограничивающим пользователей виртуальных миров в реализации их законных прав и интересов.

Кроме того, дополнительные трудности для пользователей виртуальных миров при защите их прав создаёт то, что пользовательское соглашение признаётся судами в качестве основного источника регулирования правоотношений между игроком и администратором игрового процесса. Многие правообладатели виртуальных миров формулируют условия пользовательского соглашения таким образом, что они освобождают себя практически от любой ответственности за происходящее как в виртуальном мире, так и в связи с организацией его функционирования, а также наделяют себя правами практически неограниченно изменять объём оказываемых пользователям услуг (в том числе платных) без какого-либо согласования, предупреждения или возмещения со стороны администрации виртуального мира. Представляется, что данный аспект проблемы защиты прав пользователей виртуальных миров заслуживает внимания и урегулирования со стороны государства.

Наконец, последней проблемой, которую мы рассмотрим в рамках данной статьи, является проблема правовой квалификации виртуальной собственности в компьютерных онлайн-играх. Несмотря на то, что виртуальные игровые ценности чаще всего приобретаются игроками друг у друга и у компьютерно-управляемых персонажей, населяющих виртуальные миры, за игровую валюту, всё большее и большее распространение приобретает оборот виртуальных предметов за реальные деньги. И, хотя данные предметы

имеют какие-либо полезные свойства лишь в виртуальном мире, многие пользователи готовы отдать за некоторые из этих предметов сравнительно большие деньги. Известно, что в 2008 году была заключена сделка купли-продажи виртуального клуба Club Neverdie, расположенного в виртуальном пространстве многопользовательской онлайн-игры Entropia Universe, за сумму в 100 тыс. долларов США. В 2010 году новый владелец клуба продал его по частям: одна из сделок была осуществлена на сумму в 335 тыс. долларов, а продажа всех частей клуба в совокупности принесла пользователю 635 тыс. долларов США. [5]

Развитие рынка виртуальных объектов столь же стремительно, как и развитие информационных технологий в целом. Несмотря на то, что общее количество таких крупных сделок, как операции по продаже и перепродаже клуба Club Neverdie, не слишком велико, основой оборота виртуальных предметов являются небольшие сделки – часто на сумму в пределах нескольких долларов США. Существует огромное количество сервисов, предоставляющих игрокам покупать и продавать виртуальные ценности за реальные деньги. При этом в ряде виртуальных миров, например мире популярной игры Second Life, предусмотрена возможность создавать и продавать пользовательский контент за специальную игровую валюту – Linden Dollar, конвертируемую в реальные деньги: иными словами, игрок может сам создать и поместить в виртуальный мир некоторый объект, чтобы затем продать его и получить прибыль, выраженную в реальной денежной сумме. Согласно давним подсчётам, ещё в 2009 году оборот игры составил 567 млн долларов США, в игре представлено более 5 млрд. оборотоспособных виртуальных предметов, 250 тыс. предметов продаётся ежедневно, а средняя цена одной сделки составляет всего 1 доллар. [7] Такая внушительная статистика для всего лишь одной из множества игр, в которых имеет место оборот виртуальной собственности за реальные деньги, не оставляет сомнения в существенности роли виртуальных предметов как оборотоспособных единиц.

Несмотря на это, в Российской Федерации отсутствует законодательное регулирование подобных торговых операций. Не существует законодательного определения понятия «виртуальная собственность», отсутствует указание на то, какие правовые нормы должны применяться в отношении оборота таких объектов: единственным источником регулирования отношений, складывающихся по поводу виртуальной собственности, остаётся всё то же конечное пользовательское лицензионное соглашение, или EULA, которое заключается между компанией-собственником виртуального мира и пользователями и ставит последних в уязвимое положение. Всё это создаёт ещё одно препятствие для защиты пользователями виртуальных миров своих прав в судебном порядке.

В российской правовой науке сложились пять основных подходов к квалификации виртуальной собственности. А.И. Савельев, кандидат юридических наук и доцент кафедры теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ, подробно разбирает четыре из них. [18]

Первый подход предлагает государству и судебной системе полностью устраниваться от всяких попыток решения правовых проблем виртуальных миров. Применение судами Российской Федерации нормы п. 1 ст. 1062 ГК РФ является наиболее явной иллюстрацией этого подхода. Как мы уже обсудили, подобная позиция не только основана на ошибочном распространении норм, касающихся азартных игр, на компьютерные игры, но и оставляет интересы пользователей виртуальных миров совершенно незащищёнными, а актуальные правовые проблемы – неразрешёнными.

Второй подход заключается в применении к виртуальным объектам норм вещного права и положений о праве собственности. Такое решение проблемы правовой квалификации виртуальной собственности, безусловно, чрезвычайно привлекательно для пользователей виртуальных миров, однако совершенно не учитывает правовое положение компаний-владельцев виртуальных миров. Применение к виртуальным объектам по аналогии норм о праве собственности не только значительно

увеличивает ответственность администраторов виртуальных миров, но и создаёт совершенно невероятную ситуацию в случае прекращения сервиса по организации игрового процесса и «закрытия» виртуального мира. Если следовать этому подходу, в таком случае игроки потеряют своё имущество в результате действий компании-правообладателя, и последняя будет вынуждена возместить каждому из них материальный ущерб, причинённый «уничтожением имущества». Такой исход представляется чрезмерно обременяющим для разработчиков виртуальных миров, которые будут вынуждены поддерживать существование виртуального мира даже после утраты им популярности, рентабельности и посещаемости игроками под страхом привлечения к материальной ответственности в немыслимом объёме. Поэтому данный подход также представляется неудачным.

Третий вариант предлагает квалифицировать виртуальную собственность как разновидность интеллектуальной собственности. Представляется, что, хотя подобная логика и может быть применима к объектам творчества и интеллектуального труда (например, выставленным на продажу виртуальным произведениям искусства, объектам дизайна и т.д.), данный подход совершенно не решает проблему оборота игровой валюты, временных бонусов и усиления, специальных игровых услуг и т.п. Кроме того, обращение виртуальных предметов как объектов виртуальной собственности ещё больше усилит роль лицензионных договоров в правовом регулировании отношений, связанных с игровым процессом в виртуальных мирах, и продолжит смещение баланса интересов в сторону компаний-правообладателей.

Четвёртый способ решения данной проблемы, предложенный самим А.И. Савельевым, заключается во включении виртуальных объектов в число «иного имущества» в контексте нормы ст. 128 ГК РФ. Данный подход, как утверждает учёный, позволяет восполнить пробелы в правовом регулировании оборота виртуального имущества до тех пор, пока законодатель не разработает для этого комплекс специальных правовых норм. Данный подход тем не менее так и не даёт чёт-

кого определения и правовой квалификации понятию виртуальной собственности, а также требует создания особого регулирования. По этой причине он представляется возможным, но все же не лишённым существенных недостатков.

Последний же, пятый, подход ярко проявил себя не в научной доктрине, а в судебной практике – его наглядно демонстрирует решение Арбитражного суда города Москвы от 08 апреля 2015 года по делу № А40-56211/14-90-70. В этом деле шёл спор между ООО «Мэйл.Ру Геймз» и Федеральной налоговой службой, где ООО «Мэйл.Ру Геймз» не согласилось с решением налоговой инспекции о непредоставлении освобождения от налогообложения реализации игрового контента на основании нормы ст. 149 НК РФ. Данная норма освобождает от налогообложения реализацию прав на результаты интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора. «Мэйл.Ру Геймз» утверждало, что именно так следует квалифицировать продажу пользователям игрового контента.

В данном деле суд встал на сторону Федеральной налоговой службы, квалифицировав объекты виртуальной собственности не как результаты интеллектуальной деятельности (см. третий подход), а как услуги по организации игрового процесса. Такое решение представляется наиболее разумным и справедливым. Действительно, существование

виртуального мира неразрывно связано с оказанием услуг по организации игровой деятельности в нём: как только заканчивается оказание услуг конкретному пользователю, он теряет доступ ко всем материалам данного мира, а когда заканчивается предоставление таких услуг всем пользователям, виртуальный мир «закрывается», т.е. прекращает своё существование вовсе. Данное решение позволяет не только избежать чрезмерной ответственности разработчиков и правообладателей виртуальных миров, но и наделять пользователей возможностью отстаивать свои права на доступ к виртуальным объектам как к элементу оказываемой им услуги по организации игрового процесса.

Безусловно, указанные проблемы не исчерпывают всех сложностей практической правовой составляющей виртуальных миров. В частности, к данной тематике имеют непосредственное отношение такие сквозные проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет, как идентификация пользователей, определение юрисдикции и ответственность информационных посредников. На наш взгляд, феномен виртуальных игровых миров, играющий столь немаловажную роль в современном мире, заслуживает более пристального внимания как со стороны юридического научного сообщества, так и со стороны федерального законодателя.

Библиографический список

1. Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. Chicago, Illinois, 2008.
2. URL: <http://futurenow.ru/5-milliardov-chelovek-polzuyutsya-internetom> (дата обращения: 20.06.2018).
3. URL: <http://gametarget.ru/articles/samyie-massovyie-onlayn-igryi> (дата обращения: 20.06.2018).
4. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/statistika> (дата обращения: 20.06.2018)
5. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/49475> (дата обращения: 20.06.2018).
6. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/internet> (пер. автора; дата обращения: 20.06.2018).
7. URL: <https://habr.com/post/106825/> (дата обращения: 20.06.2018).

8. URL: <https://hightech.fm/2018/01/30/4-billion-internet-users> (дата обращения: 20.06.2018)
9. URL: <https://lenta.ru/news/2008/06/26/right/> (дата обращения: 20.06.2018).
10. URL: <https://theonlinegames.ru/top-mmorpg/daily-mmo/populjarnost-i-kolichestvo-polzovatelej-mmorpg/> (дата обращения: 20.06.2018).
11. Азизов, Р.Ф. Отношения в сети Интернет формата Web. 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием / Р.Ф. Азизов, В.В. Архипов // Закон. – 2014. – Январь.
12. Архипов, В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр / В.В. Архипов // Закон. – 2014. – Сентябрь.
13. Архипов, В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований / В.В. Архипов // Правоведение. – 2013. – № 2.
14. Дюранске, Б.Т. Виртуальные миры, реальные проблемы / Б.Т. Дюранске, Ш.Ф. Кейн ; пер. В.В. Архипова // Правоведение. – 2013. – № 2.
15. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2000.
16. Королев, А.И. Теория государства и права : учебник / А.И. Королев, Л.С. Явич. – Л., 1987.
17. Поляков, А.В. Общая теория права : учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: СПбГУ, 2015.
18. Савельев, А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14. – № 1.

АННОТАЦИИ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

УДК 343.9

Владимир Ефимович ШИНКЕВИЧ,
профессор кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор социологических наук, доцент
vlashink@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ
НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ИНТЕГРАТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ:
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК» (ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ), ПОДГОТОВЛЕННОЕ ДОКТОРОМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ Ю.Ю. КОМЛЕВЫМ

REVIEW
OF THE TEXTBOOK "INTEGRATIVE CRIMINOLOGY:
DEVIANTOLOGICAL ESSAY" (EDITION THE 2nd, COMPLETED AND REVISED)
WRITTEN BY Yu.Yu. KOMLEV, DOCTOR OF SOCIOLOGY, PROFESSOR

Рецензируемое учебное пособие «Интегративная криминология: девиантологический очерк», подготовленное на кафедре философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России доктором социологических наук, профессором Ю.Ю. Комлевым, несомненно, представляет собой результат глубокого творческого осмысления автором проблемы исследования феномена преступности под углом социологического и криминологического знания. В нем рассматривается генезис криминологии и социологии в интегративной теоретической перспективе. В основе работы лежит понимание и обоснование актуальности девиантологического взгляда на преступность в быстро меняющемся глобальном мире, того, что новая эпоха и появление инновационных конкурирующих между собой и традиционным позитивизмом криминологических дискурсов «проблемати-

зировали» дискуссию о преступности и социальном контроле над данным негативным феноменом как в исторической ретроспективе, так и в контексте существования современного социума. В учебном пособии всесторонне анализируются множество теорий, исследовательских традиций, парадигм, которые конкурируют между собой и дополняют друг друга, что повышает познавательную ценность данной работы.

Название работы соответствует ее содержанию, используемому категориальному аппарату и виду учебной продукции.

Структура работы включает в себя пять глав и четырнадцать параграфов.

В главе 1 – «**Социальные и правовые нормы: генезис, природа, контекстуальность**» – рассматриваются вопросы генезиса, детерминации и природы контекстуальных социальных и правовых норм в их движении от протоморали к нормам права

как всеобщим универсальным регуляторам поведения человека в обществе. Если нормы протоморали позволяли людям успешно действовать сообща сначала на охоте, при защите соплеменников, а затем в скотоводстве и земледелии, то нормы права со временем приобрели статус всеобщих регуляторов социальных отношений и начали действовать во всех сферах человеческого общежития.

Особое внимание автором уделяется атрибутивным свойствам социальных норм, их многообразию и типологизации, исторической и социокультурной детерминации социальных и правовых норм. Наряду с позитивистским пониманием уголовно-правовых норм раскрываются и непозитивистские (феноменологические, конструктивистские, постмодернистские) представления об уголовном нормообразовании. В результате девиантологический взгляд на нормы уголовного права позволяет разглядеть их как изменчивый, релятивный, конвенциональный социальный конструкт и как результат исторического процесса в развитии общества и его культуры.

В главе 2 – **«Преступность – форма негативной девиантности»** – обсуждаются подходы к определению девиантности и социального контроля, обращается внимание на то, что социальные и уголовно-правовые нормы являются фундаментальной основой для определения девиантности и преступности, раскрываются основные подходы к интерпретации девиантного поведения на основе функционализма, символического интеракционизма, конструктивизма и прочее. Кроме того, в данной главе поднимаются проблемы измерения и качественно-количественной оценки основных показателей преступности; раскрываются состояние, основные тренды, технологические факторы и прогнозы ее развития в мировом и общероссийском контекстах в эпоху high-tech, консюмеризма и глэм-капитализма. В главе раскрыта экспансия высоких технологий, феномен футурошока и специфика киберугроз, связанных с распространением сетевого общения, онлайн банкинга, преследованием несовершеннолетних детей в рамках кибер-буллинга и другие формы девиантной активности, об-

условленные технологическим прогрессом. Автором обосновывается тезис о том, что включение преступности в девиантологический ракурс исследования позволяет увидеть ее естественные связи с другими проявлениями разрушительной для личности и общества негативной девиантности, такими как алкоголизм, наркотизм, проституция, порнография, суициды, гэмблинг, компьютерный эскапизм и другие. Девиантологическое изучение преступности позволяет автору анализировать не только взаимосвязи преступного поведения и других проявлений девиантности, но и наиболее общие причины, генезис и закономерности всех форм преступного поведения не только в правовом, но и более широком социальном контексте, а также открывает перспективу выявления новых признаков этого социального феномена. Значимое место в главе отведено анализу зарубежных и отечественных подходов, констатаций и обобщений, характеризующих современную кибердевиантность и киберпреступность.

В главе 3 – **«Генезис теорий преступности: от позитивизма к постмодернизму»** – раскрывается генезис и ограниченный объяснительный потенциал монотеорий преступности от позитивистских до феноменологических, конструктивистских, радикально-критических, неомарксистских и постмодернистских построений применительно к эпохе быстрых социальных и технологических перемен. В учебном пособии проведена систематизация классических позитивистских, непозитивистских, критических криминологических теорий и особенно новых теоретических перспектив, созданных зарубежными исследователями, однако еще недостаточно представленных в отечественной учебной и монографической литературе, что делает пособие актуальнейшим научным и учебным источником.

В главе 4 – **«Интеграция криминологических знаний: направления, теории, перспективы»** – излагаются основы интегративной криминологии: предпосылки, типы причинности, объяснительные возможности, направления теоретического синтеза (модернистского, постмодернистского и постпостмодернистского), пути реформирования

системы социально-правового контроля над преступностью в XXI веке. В главе обращено внимание на то, что процесс интегративного научного поиска подстегнуло развитие альтернативных позитивизму феноменологических и постмодернистских подходов, а также то, что дополнительным импульсом к развитию интегративных теорий послужила острая критика позитивистского подхода, объективизма и детерминизма со стороны феноменологической и постмодернистской криминологии. Автором обосновывается ценность пост-постмодернистской интеграции криминологических знаний, которая открывает не только новые объяснительные возможности, но и закладывает перспективу преодоления дуальности и конфликтности в способах мышления, созданных в рамках модернизма и постмодернизма при изучении, описании, реконструкции девиантности и социального контроля над ней.

В главе 5 – **«Интегративный фрейм как основа методологической триангуляции»** – описывается методологическая триангуляция как новый эффективный способ изучения и эмпирической оценки преступности, опирающейся на интегративный фрейм, синтез различных аспектов криминологических знаний (позитивистских и непозитивистских) о девиантности и преступности. Значительное место уделено раскрытию ценности интегративного подхода, позволяющего моделировать более сложные формы причинности, в том числе диалектической, на микро- и макроуровне социальной системы. Данный подход открывает возможность для использования методологической триангуляции, то есть совместного использования различных статистических, социологических количественных и качественных методов, исходя из принципов универсальности общенаучных методов познания, релятивизма и дополнительности при изучении преступности и социального контроля.

Заключение посвящено подведению промежуточных итогов проделанной работы и определению вектора дальнейших исследований на интегративном предметном поле криминологических знаний.

В приложении приводится апробированный в ходе эмпирических исследований методический инструментарий: бланк контент-анализа, сценарий интервью, анкета.

Содержание рецензируемого учебного пособия соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и учебных программ по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 Правоохранительная деятельность, а также программ подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 40.07.01 Юриспруденция, по научной специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. Обладает несомненной новизной, является уникальным с точки зрения рассмотрения проблемы социальной природы феномена преступности в обществе на основе использования интегративных возможностей криминологии и социологии. В книге обобщен оригинальный как зарубежный, так и российский криминологический, социологический материал. Его значительная часть является результатом авторского перевода и обобщения текстов мировой криминологической литературы.

Научную новизну книги отличает не только девиантологический взгляд на понимание преступности, правовых норм и социального контроля, но и обоснование практик методологической триангуляции в изучении преступности на основе интегративного подхода. Новизна и оригинальность интегративного подхода, а также необходимость в освоении обучающимися в юридических вузах МВД России комплексных знаний о современной и грядущей преступности, практических навыков и умений анализа и противодействия высокотехнологичным криминальным угрозам правопорядку определяют актуальность этого издания.

Учебное пособие «Интегративная криминология: девиантологический очерк» хорошо дополняет традиционный уголовно-правовой дискурс в криминологии, характерный для российской правовой науки, девиантологическим, способствует дальнейшему расширению знаний о передовых достижениях науки

о преступности, адаптации их к практике подготовки юристов для правоохранительной системы. Издание будет полезно курсантам, слушателям, адъюнктам образовательных организаций системы МВД России, изучающим дисциплины «Социология», «Социология права», «Политология», «Криминология», «Психология девиантного поведения», а также студентам, аспирантам и преподавателям учебных заведений юридического профиля других министерств и ведомств, сотрудникам органов внутренних дел. Оно может быть полезным и для самообразования офицерам полиции при изучении новых форм криминальной активности, обусловленных очередной технологической революцией и ее социальными последствиями.

В целом учебное пособие «Интегративная криминология: девиантологический

очерк» написано хорошим литературным языком, материал систематизирован, представлен последовательно и логически выстроен, понятен при прочтении, отвечает требованиям к подобным рукописям. Таким образом, представленная на рецензирование работа «Интегративная криминология: девиантологический очерк : учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань: КЮИ МВД России, 2018. – 232 с.» является ценной и необходимой учебной продукцией, направленной на обеспечение накопления обучающимися необходимых знаний, навыков и умений, на формирование профессионально значимых компетенций, указанных в федеральных государственных образовательных стандартах, и может быть рекомендовано для получения грифа МВД России.

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ ИВАНОВА СВЯТОСЛАВА ВЯЧЕСЛАВОВИЧА
«КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЕДИНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. ОМСК, 2018.**

**THE OFFICIAL OPPONENT'S REVIEW
OF THE DISSERTATION "CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES
OF THE STATE UNITY AND TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN
FEDERATION" SUBMITTED BY IVANOV SVYATOSLAV VYACHESLAVOVICH
FOR CONFERRING AN ACADEMIC DEGREE OF A CANDIDATE
OF LAW SCIENCES ON THE SPECIALTY 12.00.02 – CONSTITUTIONAL
LAW; CONSTITUTIONAL TRIAL; MUNICIPAL LAW. OMSK, 2018**

Конституция Российской Федерации, устанавливая исходные нормативно-ценностные основы, особое место отводит конституционным принципам государственной целостности, единства системы государственной власти, разделения властей. Действительно, эти базовые конституционные начала определяют необходимость формирования конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности России.

Представленное Ивановым Святославом Вячеславовичем диссертационное исследование выполнено на актуальную и значимую тему, обусловлено особым предназначением конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности России как важнейших основ конституционного строя России.

Диссертация, подготовленный на ее основе автореферат, публикации соискателя отличаются определенными достоинствами. Диссертационное исследование содержательно, теоретически и практически насыщено, написано в надлежащем научном стиле, в целом удачно структурировано. Заметно, что автор, изучив обширное количество нормативно-правовых источников и соответствующей специальной литературы, предметно разбирается в исследуемой проблематике.

Ознакомление с диссертацией С.В. Иванова позволяет прийти к выводу, что поставленные соискателем цели достигнуты, а

вытекающие из них задачи исследования в основном решены. Диссертационное исследование имеет необходимую методологическую основу (с. 8-9). Автором используются как общенаучный метод диалектического познания, так и специальные научные методы: системный, структурно-функциональный, формально-юридический, логический и ряд иных.

Теоретическая, нормативная и источниковедческая база исследования достаточны для решения намеченных задач. Соискатель в процессе научного поиска корректно анализирует и применяет положения Конституции России, широкий круг нормативных правовых актов и материалы юридической практики, включая множество решений Конституционного Суда России, значительное количество теоретических работ, связанных с исследованием различных аспектов рассматриваемой проблемы.

Практическое значение представленного исследования выражается в его положениях и выводах, множестве законодательных предложений автора, которые могут найти применение в рамках правотворческих и правоприменительных решений компетентных органов публичной власти.

Избранная автором структура работы последовательно раскрывается в содержании исследования, в целом является логичной и приемлемой для ракурса кандидатской диссертации.

Представленное диссертационное исследование содержит значительное число положений, подтверждающих актуальность темы и научную новизну полученных результатов. Это выражается как в выводах автора, так и в положениях, выносимых на защиту.

Диссертантом обосновывается необходимость комплексного исследования, которая состоит в изучении теоретических и нормативно-правовых основ, систематизации и научном обосновании конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации (с. 9-15).

В диссертационном исследовании проведен комплексный анализ системы конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, определено место этой системы в механизме конституционно-правового обеспечения избранных конституционных ценностей.

В числе достоинств работы также следует отметить: определение сущности и дефиниции конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, исследование их содержания и разработку классификаций; выявление места государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации среди объектов конституционно-правового обеспечения; формирование и характеристику субъектов конституционно-правового обеспечения государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации; характеристику содержания отдельных конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации; выявление проблем эффективной реализации действующих конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Автором проведен добротный анализ законодательства, следует приветствовать наличие ряда конструктивных законодательных предложений (с. 157-180 и др.). Так, однозначной поддержки и развития заслуживают предложения диссертанта о наделе-

нии Генерального прокурора России правом законодательной инициативы и обращения в Конституционный Суд РФ (с. 157-158), закреплении статуса официального языка у республик в составе РФ (с. 162) и др. Вместе с тем ряд законодательных предложений диссертанта имеют сомнительные перспективы и вряд ли могут быть приняты. В первую очередь это касается предложений текстуального изменения Конституции РФ, принятия ряда федеральных конституционных законов, не предусмотренных Конституцией РФ, – о нормативных правовых актах, о прокуратуре (с. 153, 157). Предложенный обширный законодательный массив следовало оформить более структурированно и репрезентативно, например в виде приложений к диссертации в форме разработанных законопроектов и/или их структуры, редакционных поправок в отдельные законы, что усилило бы практическую составляющую исследования и его целостность.

Несомненным положительным качеством работы является использование диссертантом системного подхода, в основу которого положено рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, что весьма значимо для конституционно-правового изыскания.

Оценивая новизну диссертационного исследования С.В. Иванова, следует учитывать, что до настоящего времени осуществлялись теоретические разработки лишь в целом вопросов государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, в то время как комплексная целостная разработка конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации в конституционной доктрине не представлена. Непосредственно вопросам соединения государственного единства и территориальной целостности посвящены единичные исследования. Поэтому следует признать, что рецензируемая работа – одно из первых комплексных исследований конституционно-правовых гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Анализ диссертационного исследования приводит к выводу о том, что представленная работа является законченным научным трудом, отвечающим требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Вместе с тем внимательное ознакомление с диссертацией выявило некоторые вопросы, недочеты, упущения или спорные моменты, которые следует рассмотреть при обсуждении работы.

1. Не всегда диссертант проявляет последовательность и точность в изложении материала. Так, определяя предмет исследования, автор неоправданно расширяет его границы зарубежным законодательством (с. 7), выводит правовые позиции Конституционного Суда РФ за рамки конституционно-правового законодательства (с. 7). Определяя ключевое для исследования понятие конституционно-правовой гарантии единства и территориальной целостности «как системы юридических приемов, способов, средств и форм сохранения и укрепления конституционной и пространственной неделимости Российской Федерации, придания приоритетного положения государственному единству и территориальной целостности России в иерархии конституционных ценностей» (п. 1 положений, выносимых на защиту, с. 9), соискатель в содержании работы не показывает необходимости и обоснованности сведения исследуемых гарантий к системе юридических приемов, способов, средств и форм. Анализ диссертационного исследования (с. 20-27) приводит к выводу, что автору следовало взять на вооружение подход, сводящий гарантии к системе средств и условий обеспечения государственного единства и территориальной целостности.

Имеются и другие примеры. Так, в работе фрагментарно используются недействующие правовые акты (речь о Договоре с Татарстаном 1994 года, с. 75); зачастую в тексте работы приведена первоначальная редакция нормативных правовых актов (с. 82, 93, 202-210), которые должны быть указаны в действующей редакции и с официальным источником размещения. В большинстве структурных частей работы автор не приходит к выводам

по рассматриваемым вопросам или формулирует их обтекаемо (с. 61, 69, 85, 116, 129, 137, 146, 159). В списке литературы отдельные правовые акты диссертант располагает не по юридической силе. Так, не понятно, почему решения Конституционного Суда РФ оказались после региональных правовых актов (с. 211-217).

2. Концептуальным положением научной новизны исследования и магистральной идеей диссертантом проводится рассмотрение государственного единства и территориальной целостности как самостоятельных объектов конституционно-правового обеспечения (с. 9, 10, 32, параграф 1.2 и т.д.). Изучение диссертационного исследования, аргументация автора диссертации не убедили оппонента и не изменили его взгляд на этот вопрос. Принципиально, что единство государственной власти и территориальную целостность следует рассматривать как основные составные части государственного единства. Поэтому нельзя согласиться с утверждением соискателя и в положении п. 4, выносимого на защиту, что состояние территориальной целостности является важнейшим составляющим единства государственной власти, а не государственного единства, которое, полагаю, включает в себя и единство государственной власти, и территориальную целостность. Разделить единство государственной власти и территориальную целостность вряд ли возможно, поскольку они неотъемлемо образуют государственное единство. Причем и сам соискатель отмечает, что утрата территориальной целостности явно свидетельствует об угрозе государственному единству (п. 4 положений, выносимых на защиту, с. 10), и рассматривает территориальную целостность как условие единства государственной власти (п. 4 положений, выносимых на защиту, с. 10), а местами смешивает понятия государственного единства и единства государственной власти (с. 38-39).

3. В работе много дискуссионных моментов, что, с одной стороны, придает ей должный полемичный характер, но, с другой – увеличивает степень уязвимости авторских позиций зачастую по причине отсутствия должной аргументации и/или поспешности

авторских выводов. Спорно единство государства сводить к единству государственной власти, а единство государственной власти рассматривать как свойство суверенитета (с. 11, 44, 111, 113, 122, 183), а не как признак государства. В целом же принцип государственного единства диссертант рассматривает не вполне последовательно и явно принижает, утверждая, что он не относится к конституционно-правовым принципам (с. 34) и в Конституции РФ упоминается лишь единожды – в преамбуле (с. 37), тем самым не учитывая положений ст. 3, 4, 5, 8, 10, 77 Конституции РФ. Между тем соискатель отмечает, что государственное единство есть неотъемлемый качественный признак российской государственности (с. 38), а перед этим категорию «целостность» автор почему-то относит лишь к характеристике государственной территории России (с. 38).

Вряд ли возможно вести речь о единстве каждой ветви государственной власти (с. 42), ветвях региональной государственной власти (с. 111), прокурорско-надзорной власти (с. 111-112), юридической силе гарантий (с. 62, 67-68). Сомнительно правильным представляется говорить о единстве законодательной и судебной власти, не понимать и не проводить водораздел между единством судебной власти и единством судебной системы (с. 42), как и затруднительно вести речь и о территориальной целостности субъектов РФ как составных частей единого федеративного государства (с. 12, 139, 140-145).

4. Необоснованно смешивает автор и процедуры изменения субъектного состава РФ и изменения статуса субъектов РФ (с. 141-142), верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ (с. 147), проводит ошибочное их соотношение (с. 72-73); пишет о судебной власти субъектов РФ (с. 108), о наличии принципа системы сдержек и противовесов в Конституции РФ (с. 111, 113); неверно указывает правовые основания прекращения полномочий главы субъекта РФ парламентом региона (с. 112-113); неточно понимает суть процедуры и введенных законодателем оснований отмены решений по вопросам гражданства (с. 151). Рассматривая меры конституционно-право-

вого принуждения (с. 145-146), автор показывает неполный их набор и не упоминает основателей их введения в конституционную доктрину. Неоправданно заужен и механизм федерального вмешательства, увязан только с чрезвычайными ситуациями (с. 137).

Что касается приоритетного положения государственного единства и территориальной целостности России в иерархии конституционных ценностей, то зачастую диссертант ведет речь об их важнейшем месте в такой иерархии (с. 10, 48), но в работе не доказывает и не показывает их первостепенный, приоритетный характер.

5. Раскрывая структуру федерального конституционного законодательства, автор «вспоминает» о законах РФ о поправках к Конституции РФ почему-то после рассмотрения ФКЗ и ФЗ (с. 73-74). Представляется, что верховенство Конституции РФ предопределяет ее высшую юридическую силу, а не наоборот (с. 73).

Трудно согласиться и с суждениями диссертанта о вышестоящих нормативных актах (с. 85), верховенстве главы 1 Конституции РФ и рассмотрением ее, а не Конституции РФ в целом, в качестве источника права (с. 76), а также о том, что рассмотрение и соотношение базовых для его исследования категорий «государственное единство», «государственная целостность» и т.д. «перегружает теорию» (с. 35). Напротив, неполное освещение категориального аппарата и неразграничение смежных, пересекающихся понятий, отсутствие выстраивания их четкого соотношения, что заметно просматривается из анализа рецензируемой работы, свидетельствует о недостаточной проработке теоретико-методологической основы диссертационного исследования.

6. Характеризуя субъектов конституционно-правового обеспечения государственного единства и территориальной целостности России (с. 48-60), диссертант почему-то не включает в их число органы местного самоуправления и негосударственные структуры. При рассмотрении роли Конституционного Суда РФ (с. 54-55) недостает анализа его практики и результатов работы в этой части исследования. Показывая роль глав субъек-

тов РФ, автор не проводит анализ указов Президента РФ в части координации территориальных федеральных органов исполнительной власти и правоохранительных структур (с. 58-59), что усилило бы анализ роли высших должностных лиц регионов в механизме конституционно-правового обеспечения государственного единства и территориальной целостности.

Неудачно сформулировано название первого параграфа второй главы исследования – «Конституционно-правовые гарантии высшей юридической силы Конституции Российской Федерации и верховенства федерального законодательства» (с. 70). В начале параграфа соискатель пишет лишь о верховенстве федеральных законов (с. 70-71), чуть позже «вспоминает» о верховенстве Конституции РФ, что приоритетно и должно логически следовать из названия главы и параграфа работы.

7. Не выдерживают критики позиция диссертанта о конституционно-правовых основах национальной идеологии, искаженное понимание и излишне критичное восприятие им положений ст. 13 Конституции РФ о запрете государственной идеологии (с. 94-97, 162-163), а также суждения соискателя об идеологии субъектов РФ (с. 96).

Не совсем понятно, почему, выявляя конституционно-правовые гарантии территориальной целостности, диссертант говорит о запрете создания и деятельности лишь общественных объединений, нарушающих территориальную целостность (с. 12, 139).

Высказанные предложения, замечания и вопросы не влияют на общее благоприятное впечатление о рецензируемой работе и не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования. В целом диссертационная работа, подготовленная

Святославом Вячеславовичем Ивановым, представляет собой достаточно самостоятельное исследование актуальной и значимой для конституционной науки и практики проблемы. Предложения, высказанные диссертантом, достойны научного и практического внимания.

Основные положения, представленные в диссертационном исследовании, нашли отражение в публикациях автора. Автореферат диссертации в целом соответствует основным идеям и выводам, содержащимся в работе. Диссертация, автореферат диссертации, имеющиеся публикации автора вносят заметный вклад как в дальнейшее изучение вопросов, связанных с реализацией конституционных гарантий государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, так и в развитие конституционного права в целом.

Обобщая вышесказанное и учитывая научную новизну, теоретическую и практическую значимость выполненного исследования, его достоверность, следует сделать вывод, что рецензируемая диссертация соответствует нормативным требованиям и критериям, установленным к кандидатским диссертациям Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 28 августа 2017 г.). Полагаю, что имеются достаточные основания для присуждения его автору – Иванову Святославу Вячеславовичу – искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право по результатам публичной защиты.

Официальный оппонент:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук по специальности 12.00.02 –
конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право, доцент Безруков Андрей Викторович

01 марта 2018 г.

Почт. адрес: 660131 г. Красноярск ул. Рокоссовского, 20
Эл. почта: abezrukov@bk.ru, тел. 8(391) 222 41 24

Приглашаем к сотрудничеству!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: государство и право, правоохранительные органы, уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминология, криминалистика, государство и право отдельных стран, а также рецензии и отзывы ведущих организаций на диссертации и авторефераты диссертаций, рецензии на монографии, учебники, иные издания, представляющие интерес для научной общественности.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам теории и практики раскрытия и расследования преступлений, в том числе в зарубежных странах, противодействия незаконному обороту наркотиков, специальной, оперативно-боевой, физической подготовки сотрудников правоохранительных органов; совершенствования образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего образования, а также отражающие результаты научных исследований, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс Респечати 70589.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в научной электронной библиотеке (<http://www.elibrary.ru>), а также на социальной международной платформе Readera (<https://readera.ru>).

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

7. Элементы издательского оформления материалов включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

- заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

- приставный библиографический список, оформленный в соответствии ГОСТ 7.1-2003 (в алфавитном порядке).

8. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);

- параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

- шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

- абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»!), межстрочный интервал полуторный;

- объем статьи 8–16 страниц;

- сноски на литературу оформляются отсылками к приставному библиографическому списку (в квадратных скобках);

- графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

- файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – И.А. Медведев, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, д.ю.н., доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

А.В. Жильцов – к.ю.н., начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Т.В. Куприянчик – к.п.н, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

С.М. Мальков – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.В. Панов – к.п.н., доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.В. Пономарева – д.ю.н., профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.Е. Шинкевич – д.с.н., доцент, действительный член Академии педагогических и социальных наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – I.A. Medvedev, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of the Administrative Law and the Administrative Activity, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Tatyana V. Koupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Evgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Physical Training, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Vladimir Ye. Shinkevich, Doctor of Sociology, Ass. Professor, Full Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Редакторы номера: Ю.В. Леонтьева, Е.А. Никитина
Дизайн и верстка: В.Е. Рыбин, М.Н. Соколова

Подписано в печать 05.06.2018.
Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 18,7.
Тираж 150 экз.
Заказ 169.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
Отпечатано в типографии НИРИО
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.